

editor: Alex.Ross.A

Hainish

Ursula Kroeber Le Guin

«Слово для лэса и
мира — одно»

Урсула Кроубер Ле Гуин

Урсула Кроубер Ле Гуин

«Слово для леса и мира — одно»

Hainish

© *Ursula Kroeber Le Guin*

© автор Урсула Кроубер Ле Гуин

05-10.10.2017

© оформление Alex-Rus

05-10.10.2017

© редактор Alex.Rus.UA

Hainish

РЕДАКТОР: ALEX.RUS.UA

COPYRIGHT © BY URSULA KROEBER LE GUIN

Аннотация

Гениальная [Урсула Кроубер Ле Гуин \(Ursula Kroeber Le Guin\)](#) в своей научно-фантастической новелле из [Хайнского цикла \(Hainish\)](#) «Слово для леса и мира — одно» описывает самобытную культуру низкорослой расы людей на уникальной планете, суша которой обильно сокрыта Великими Лесами; а заодно ужасающе глубоко раскрывает отвратительную сущность Человека-Завоевателя, который довольно быстро и эффективно успел превратить родную Землю в бетонную помойку и теперь цинично заявляет: *«Мы здесь, и, значит, этот мир пойдёт нашим путём»*. А следом ещё и самодовольно добавляет, что *«надо играть на стороне победителей, не то останешься с носом. А побеждает Человек — каждый раз. Человек-Завоеватель»*. И с изрядной долей печального сарказма можно согласиться не только с этими его постулатами, но и с тем, что *«никакой его заслуги тут нет, просто так уж он устроен»*.

Прилагая «всеблагие» усилия, проявляя изворотливость и хитрость, умело демонстрируя подлость и беспринципность, достаточно разумный и сомнительно талантливый, а главное — пренебреженно осторожный и крайне жестокий таковой «Великий Завоеватель» вдруг (при стечении обстоятельств) «отвоёвывает» себе толику власти (при этом, конечно же, предварительно «отправив на покой», как правило, вечный своего предшественника) — и тут замечает вдруг, что *«вымуштрованных людей, привыкших выполнять приказы, легче прибрать к рукам, чем распушенных умников»* и что именно *«слабаки всегда сговариваются за спиной сильного, и сильный человек должен стоять в одиночку и полагаться только на себя»* ... На этой параноидальной почве его одиночные маниакальные преступления разрастаются в массовые, нередко достигая «великогомучевого» размаха геноцида под девизом *«Если у тебя в жилах нет настоящей крови, как ни крути, человек ты неполноценный»*. Именно тогда многим иным (не столь «одарённым» и «талантливым» урождённым «великопобедунам») более всего хочется, чтобы каждый *«человек нёс ответственность за свои поступки ещё при жизни»*, особенно же те персоны, кто, мягко говоря, *«немного похожи на людей, которые заблудились или сошли с ума»*.

По прошествии десятилетий от написания этого шедевра, достаточно прикоснувшись пониманием к [исконно лукаво-сатанинским предпосылкам](#) всё набирающей обороты [WW3](#) (развязанной «великогомучей» и

«великодуховной» народностью, населяющей нынешнюю РФ, ещё в 2008 году — нападением на Грузию), современнику, не смотря на очевидное понимание того, что просто *«в них живёт желание убивать»*, всё же очень хочется верить в то, что абсолютно *«весь народ не может быть безумным»*. И таким образом достаточно лишь научить представителей оного самостоятельно и действительно по-человечески думать, а затем уже для них станет *«невозможно разучиться мыслить»* — и при достаточном уровне и массовости этот (опасный для любого узурпатора!) процесс будет, по оптимистичному мнению *автора*, невозможно остановить. К счастью, *«в разнообразии заключена жизнь, а где есть жизнь, там есть и надежда»*. К тому же, в конце концов, *«от рабства никогда толку не было. Экономически невыгодно»*.

Произведение категорически рекомендуется к прочтению лицам всех возрастов, полов, рас и уровней духовно-ментального развития, включая разнообразные виды (анти)гуманоидов, (квази)рептилоидов и конкретно (не)определившихся. Его же можно использовать в качестве вспомогательного средства в исправительно-воспитательных процедурах (*пренебреженно в добровольно-принудительном порядке*) для всех тяжело наркозависимых от сверхдоз *по-RuSSia Today*, «Подляпиных» и прочих «кисельно» одарённых проповедников истерично-суицидальных догматов «радиоактивного пепла»; равно как и ненавязчиво предлагать к ознакомлению всей патологически устойчивой массе боевых мутантов интернационально-великокацапской селекции «*homo soveticus*», включая параноидально-шизопатических «гейропофобов» и маниакально-великодуховных «гундяефилов». Не будет оно лишним и для бесноватой когорты идолопоклонников всяческих мнимо «вечно живых» или, к сожалению, пока ещё физически недостаточно больных тиранов (с богомерзкими «погоняловыми» вроде Сталина или плюгавого «ла-ла ла-ла»), а именно для великорабелепных верноподданных «*руSSкага міра*» и даже для некоторых (*приучающихся к осмысленному чтению*) фанатично-кровожадных апологетов «Третьего Рима», Рейха, Вавилона иже с ними... Однако особенно необходимо оно всем тем, кому давно следует объединиться и начать организованно противостоять всему этому отвратному великопаскудству!

05-10.10.2017 © Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus¹

1 Редакция 05-10.10.2017 фантастической новеллы из Хайнского цикла (Hainish) «Слово для леса и мира — одно» (автор Урсула Кроубер Ле Гуин/Ursula Kroeber Le Guin) на основе текстового файла от 05.04.2001 г.. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Глава 1.

В момент пробуждения в мозгу капитана Дэвидсона всплыли два обрывка вчерашнего дня, и несколько минут он лежал в темноте, обдумывая их. Плюс: на корабле прибыли женщины. Просто не верится. Они здесь, в Центрвилле, на расстоянии двадцати семи световых лет от Земли и в четырёх часах пути от Лагеря Смита на вертолёте...² вторая партия молодых и здоровых колонисток для Нового Таити, двести двенадцать первосортных баб. Ну, может быть, и не совсем первосортных, но всё-таки...³ Минус: сообщение с острова Свалки — гибель посевов, общая эрозия, полный крах. Вереница из двухсот двенадцати пышногрудых соблазнительных фигур исчезла, и перед мысленным взором Дэвидсона возникла совсем другая картина: он увидел, как дождевые струи рушатся на вспаханные поля, как плодородная земля превращается в грязь, а потом в рыжую жижу и потоками сбегает со скал в исхлещанное дождём море. Эрозия началась ещё до того, как он уехал со Свалки, чтобы возглавить Лагерь Смита, а зрительная память у него редкая — что называется, *эйдетическая*, потому он и видит это так живо, с мельчайшими подробностями. Похоже, умник Кеес прав — на земле, отведённой под фермы, надо оставлять побольше деревьев. И всё-таки, если вести хозяйство по научному, кому нужны на соевой ферме эти чёртовы деревья, которые только отнимают землю у людей? В Огайо по-другому: если тебе нужна кукуруза, так и сажаешь кукурузу, и никаких тебе деревьев и прочей дряни, чтоб только зря место занимать. Но, с другой стороны, Земля —⁴ обжитая планета, а о Новом Таити этого не скажешь. Для того он сюда и приехал, чтобы *обжить* её. На Свалке теперь одни овраги и камни? Ну,⁵ и чёрт с ней. Начнём снова на другом острове, только теперь основательней. Нас не остановишь — мы люди, мужчины! «Ты скоро почувствуешь, что это такое, эх ты, дурацкая,⁶ Богом забытая планетишка!» — подумал Дэвидсон и усмехнулся в темноте, потому что любил брать верх над трудностями. *Мыслящие люди*, подумал он, *мужчины*...⁷ *женщины*...⁸ и снова перед его глазами поплыла вереница стройных фигур, кокетливые улыбки...⁹

— Бен! — взревел он, сел на постели и спустил босые ноги на пол. — Горячая вода, быстро-быстро!

2 В оригинале « (», т. е. окружённая пробелами открывающая скобка вместо троеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

3 В оригинале «(», т. е. открывающая скобка вместо троеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

4 В оригинале «(», т. е. открывающая скобка вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

5 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

6 В оригинале точка вместо запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

7 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

8 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

9 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Собственный оглушительный рёв окончательно пробудил его. Он потянулся, почесал грудь, надел шорты и вышел на залитую солнцем вырубку, наслаждаясь лёгкими движениями своего крупного мускулистого, тренированного тела. У Бена, его *пискуна*, как обычно, закипала в котле вода, а сам он, как обычно, сидел на корточках, уставившись в пустоту. Все они, пискуны, такие — никогда не спят, а только усядутся, замрут и смотрят невесть на что.

— Завтрак. Быстро-быстро! — скомандовал Дэвидсон, беря бритву с дощатого стола, на который пискун положил её вместе с полотенцем и зеркалом.

Дел сегодня предстояло много, потому что в самую последнюю минуту, перед тем как спустить ноги с кровати, он решил слетать на Центральный и посмотреть женщин. Хотя их и двести двенадцать, но мужчин-то больше двух тысяч, и им недолго оставаться свободными. К тому же, как и в первой партии, почти все они, конечно, «*невесты колонистов*», а просто подзаработать приехало опять двадцать-тридцать¹⁰, не больше. Но зато девочки классные, и уж на этот раз он отхватит какую-нибудь штучку позабористее. Дэвидсон ухмыльнулся левым уголком рта, энергично водя жужжащей бритвой по неподвижной правой щеке.

Старый пискун копошился у стола — целый час идиоту надо, чтобы принести завтрак из лагерной кухни!

— Быстро-быстро! — рявкнул Дэвидсон, и шаркающая вялая походка Бена немного ускорилась.

Бен был ростом около метра. Мех у него на спине из зелёного стал почти белым. Совсем старик и глуп даже для пискуна, ну да ничего! Уж он-то умеет с ними обращаться и любого выдрессирует, если понадобится. Только зачем? Пришлите сюда побольше людей, постройте машины, соберите роботов, заведите фермы и городá — кому тогда понадобятся пискуны? Ну,¹¹ и тем лучше. Ведь этот мир, Новое Таити, прямо-таки создан для людей. Расчистить его хорошенько, лесá повырубить под поля, покончить с первобытным сумраком, дикарством и невежеством — и будет тут рай, подлинный Эдем. Получше истощённой Земли. И это будет *его* мир! Ведь кто он такой,¹² Дон Дэвидсон, в сущности говоря? *Укротитель миров*. Он не хвастун, а просто знает себе цену. Таким уж он родился. Знает, чего хочет, знает, как этого добиться, и *всегда добивается*.

От завтрака по животу разливалось приятное тепло. И его благодушное настроение не испортилось, даже когда он увидел, что к нему идёт толстый, бледный, озабоченный Кеес ван Стен, выпучив маленькие глазки, точно два голубых шарика.

— Дон! — сказал Кеес, не поздоровавшись. — Лесорубы опять *охотились* за Просеками. В задней комнате клуба прибито восемнадцать пар рогов!

10 В оригинале «двадцать—тридцать» через тире вместо дефиса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

11 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

12 В оригинале точка вместо запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Покончить с браконьерством ещё никому не удавалось, Кеес!

— А вы *обязаны* покончить. Для того мы тут и подчиняемся законам военного времени, для того управление колонией и поручено армии,¹³ чтобы законы *исполнялись неукоснительно*.

Ишь ты, умник пузатый! В атаку пошёл! Обхохочешься!

— Ну,¹⁴ ладно, — невозмутимо сказал Дэвидсон, — покончить с браконьерством я, предположим, могу. Но послушайте, я ведь обязан думать о людях. Для того я и тут, как вы сами сказали. А *люди важнее животных*. Если немножко противозаконной охоты помогает моим ребятам выдерживать эту поганую жизнь, я зажмурюсь, и дело с концом. Нужно же им как-то *поразвлечься*.

— У них развлечений хватает! Игры, спорт, коллекционирование, кино, видеозаписи всех крупнейших спортивных состязаний за последние сто лет, алкогольные напитки, марихуана, галлюциногены, поездки в Центр. Они просто-напросто *избалованы*, эти ваши *герои-первопроходцы*. Могли бы «развлекаться» чем-нибудь другим, а не *истреблять редчайшее местное животное*. Если вы не примете меры, я вынужден буду подать капитану Госсе рапорт о грубейшем нарушении экологической конвенции.

— Валяйте,¹⁵ подавайте, Кеес, если считаете нужным, — сказал Дэвидсон, который никогда не терял власти над собой. Не то что бедняга Кеес — просто жалко смотреть, как *евро багровеют*. — В конце-то концов, это ваша *обязанность*. Я на вас не обижусь: пусть они *там*, на Центральном, спорят и решают, кто прав. Беда в том, Кеес, что вы хотите сохранить тут всё,¹⁶ как есть. Устроить из планеты сплошной заповедник. Чтоб любоваться, чтоб изучать. Вы *специал*, вам так и положено. Но мы-то — простые ребята, нам нужно дело делать. Земле нужны лесоматериалы, вот *так* нужны. Мы нашли лес на Новом Таити. И стали лесорубами. Разница между нами одна: для вас Земля — так, в стороне, а для меня она — самое главное.

Кеес покосился на него своими голубыми шариками:

— Вот как? *Вы хотите превратить этот мир в подобие Земли? В бетонную пустыню?*

— Когда я говорю «Земля», Кеес, я имею в виду *людей*. Землян. Вас волнуют олени, деревья, *фибровник* — и отлично. Это ваша область. Но я люблю всё рассматривать в перспективе. С *самой* вершины, а вершиной пока остаются люди. *Мы здесь, и, значит, этот мир пойдёт нашим путём*. Хотите вы или нет, но это факт. Смотрите правде в глаза, Кеес. Вам от этого никуда не деться. Да, кстати, я собираюсь в Центр,¹⁷ посмотреть на новых колонисточек. Хотите со мной?

13 В оригинале точка вместо запятой и далее «Чтобы» с заглавной буквы, хотя предложение продолжается. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

14 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

15 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

16 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

17 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Нет, благодарю вас, капитан Дэвидсон, — отрезал *специал* и зашагал к полевой лаборатории.

Совсем взбеленился. И всё из-за этих проклятых оленей. Ну, они и верно красавцы, ничего не скажешь! Перед глазами Дэвидсона тотчас всплыл первый олень, которого он увидел здесь, на острове Смита, — солнечно-рыжий великан, двух метров в холке, в венце ветвистых золотых рогов, гордый и стремительный. Редкостная дичь! На Земле теперь даже в Скалистых горах и в Гималайских парках тебе предлагают выслеживать оленей-роботов, а настоящих оберегают,¹⁸ как зеницу ока. Да и много ли их осталось!?¹⁹ О таких, как здесь, охотники могут только *мечтать*. Вот потому на них и охотятся. Чёрт, даже дикие пискуны охотятся на них со своими дурацкими хлипкими луками. На оленей охотились и будут охотиться — для того они и существуют. Но слюнтю Кеесу этого не понять. В сущности, он неглупый парень, только практичности ему не хватает, твёрдости. Не понимает, что *надо играть на стороне победителей, не то останешься с носом. А побеждает Человек — каждый раз. Человек-Завоеватель*.

Дэвидсон широким шагом пошёл по посёлку, залитому солнечным светом. В тёплом воздухе приятно пахло опилками и древесным дымом. Обычный лагерь лесорубов, а выглядит очень аккуратно. За какие-нибудь три *земмесеца* двести человек привели в порядок приличный участок дикого леса. *Лагерь Смита* — два кúпола из *коррупласта*, сóрок бревенчатых хижин, построенных пискунами, лесопильня, печь для сжигания мýсора и голубой дым, висящий над бесконечными штабелями брёвен и досок, а выше, на холме, — аэродром и большой сборный ангар для вертолётów и машин. Вот и всё. Но когда они сюда явились, тут вообще ничего не было. Только *деревья* — тёмная, дремучая, непроходимая чащоба, бесконечная, никому не нужная. Медлительная река, еле текущая в туннеле из стволов и ветвей, несколько запрятанных среди деревьев пискуньих нор, солнечные олени, волосатые обезьяны, птицы. И *деревья*. Корни, стволы, сучья, ветки, листья — листья над головой, листья под ногами, всюду листья, листья, листья, *бесчисленные листья на бесчисленных деревьях*.

Новое Таити — это мир воды, тёплых мелких морей, кое-где омывающих рифы, островки, архипелаги, а на северо-западе дугой в две с половиной тысячи километров протянулись пять Больших островов. И все эти крошки и кусочки сýши покрыты деревьями. Океан и лес. Другого выбора на Новом Таити нет: либо вода и солнечный свет, либо сумрак и листья.

Но теперь тут обосновались люди, чтобы покончить с сумраком и превратить лесную чащу в звонкие светлые дóски, которые на Земле ценятся дороже золота. В буквальном смысле слóва, потому что золото можно добывать из морской воды и из-под антарктического льда, а дóски добывать неоткуда, дóски даёт только лес. Земля нуждается в древесине, давно ужé ставшей предметом первой необходимости и роскошью. И вот инопланетные леса превращаются в древесину. Двести человек с роботопилами и

18 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

19 В оригинале только восклицательный знак, без вопросительного. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

робото-трейлерами за три месяца проложили на острове Смита восемь просек шириной по полтора километра. Пни на ближайшей к лагерю просеке уже стали серыми и трухлявыми. Их обработали химикалиями, и к тому времени когда остров Смита начнут заселять настоящие колонисты — фермеры, они рассыплются плодородной золой. Фермерам останется только посеять семена и смотреть, как они прорастают.

Всё это один раз уже было сделано. Странно, как подумаешь, но ведь это — явное доказательство, что Новое Таити с самого начала предназначалось для человеческого обитания. Всё тут завезено с Земли около миллиона лет назад, и эволюция шла настолько сходными путями, что сразу узнаёшь старых знакомых — сосну, каштан, дуб, ель, остролист, яблоню, ясень, оленя, мышь, кошку, бёлку, обезьяну. Гуманоиды на Хайне-Давенанте, ясное дело, утверждают, будто это они всё тут устроили — тогда же, когда колонизировали Землю, но если послушать этих инопланетян, так окажется, что они заселили все планеты в Галактике и изобрели вообще всё, начиная с баб и кончая скрепками для бумаг. Теории насчёт Атлантиды куда правдоподобнее, и вполне возможно, что тут когда-то была колония атлантов. Но люди вымерли, а на смену им из обезьян развились пискуны — ростом в метр, обросшие зелёным мехом. Как инопланетяне они ещё так-сяк, но как люди...²⁰ Куда им! Недотянули, и всё тут. Дать бы им ещё миллиончик лет, может, у них что и получилось бы. Но Человек-Завоеватель явился раньше. И эволюция теперь не тащится со скоростью одной случайной мутации в тысячу лет, а мчится, как звёздные корабли космофлота землян.

— Э-эй! Капитан!

Дэвидсон обернулся, опоздав лишь на тысячную долю секунды, но и такое снижение реакции его рассердило. У, чёртова планета! Золотой солнечный свет, дымка в небе, ветерок, пахнувший прелыми листьями и пылью, — всё это убаюкивает тебя прямо на ходу. Размышляешь о завоевателях, о предназначениях, о судьбах и уже еле ноги волочишь, обалдев, точно пискун.

— Привет, Ок, — коротко поздоровался он с десятником.

Чёрный, жилистый и крепкий, как проволоочный канат, Окнанави Набо внешне был полной противоположностью Кеесу, но вид у него был не менее озабоченный.

— Найдётся у вас полминуты?

— Конечно. Что тебя грызёт, Ок?

— Да мелюзга чёртова!

Они прислонились к жердяной изгороди, и Дэвидсон закурил первую сигарету с марихуаной за день. Подсинённые дымом солнечные лучи косо прорезали тёплый воздух. Лес за лагерем — антиэрозийная полоса в полкилометра шириной — был полон тех же тихих, неумолчных, шуршащих,

20 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

шелестящих, жужжащих, звенящих, серебристых звуков, какими по утрам полны все леса. Эта вырубка могла бы находиться в Айдахо 1950 года. Или в Кентукки 1830 года. Или в Галлии 50 года до нашей эры. «Тью-уйт», — свистнула в отдалении какая-то пичуга.

— Я бы предпочёл *избавиться от них*, капитан.

— От пискунов? Ты, собственно, *что* имеешь в виду, Ок?

— *Отпустить* их, и всё. На лесопилке от них всё равно никакого проку. Даже свою жратву не отрабатывают. Они у меня *вот где* сидят. Не работают, и всё тут.

— Надо уметь их заставить! Лагерь-то они построили.²¹

Эбеновое лицо Окнанави насупилось.

— Ну, у вас к ним подход есть, не спорю. А у меня нет. — Он помолчал. — Когда я проходил обучение для работы в космосе, читали нам курс практической истории. Так там говорилось, что *от рабства никогда толку не было. Экономически невыгодно.*

— Верно! Только какое же это рабство, Ок, детка? *Рабы* ведь люди. Когда коров разводишь, это что — рабство? Нет. А толку очень даже много.

Десятник безразлично кивнул, а потом добавил:

— Это же такая мелюзга! Я самых упрямых пытался голодом пронять, а они *сидят себе, ждут голодной смерти и всё равно ни черта не делают.*

— Ростом они, конечно, не вышли, Ок, только ты на эту удочку не попадайся. Они жутко крепкие и выносливые, а *к боли нечувствительнее людей.* Вот ты о чём забываешь, Ок. Тебе кажется, что *ударить пискуна — это словно ребёнка ударить. А на самом деле это как робота ударить, можешь мне поверить.* Послушай, ты ведь наверняка попробовал их самок, значит, заметил, что все они — колоды бесчувственные. Наверное, у них нервы недоразвиты по сравнению с человеком, ну,²² как у рыб. Вот послушай. Когда я ещё был на Центральном, до того как меня сюда послали, один приручённый самец вдруг на меня кинулся. *Специалы*, конечно, говорят, будто они никогда не дерутся, но этот совсем спятил, взбесился. Хорошо ещё, что у него не было оружия, не то бы он меня прикончил. И, чтобы он угомонился, мне пришлось его почти до смерти измордовать. Всё бросался и бросался на меня. Я его под орех разделаю, а он даже не почувствовал ничего — просто поразительно. Ну,²³ словно жук, которого бьёшь каблуком, а он не желает замечать, что уже раздавлен. Вот погляди! — Дэвидсон наклонил коротко стриженную голову и показал бесформенную шишку за ухом. — Чуть²⁴ меня не оглушил. И ведь я ему уже руку сломал, а из морды сделал

21 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь одного персонажа завершилась и начинается ответная реакция другого. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

22 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

23 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

24 В оригинале «Чуть», т. е. точка вместо пробела. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

кляквенный кисель. Упадёт — и опять кинется, упадёт — и опять кинется. Дело в том, Ок, что *пискуны ленивы, глупы, коварны и не способны чувствовать боль. Их надо держать в кулаке и кулака не разжимать.*

— Да не стоят они того, капитан. Мелюзга зелёная! Драться не хотят, работать не хотят, ничего не хотят. Только одно и могут — дúшу из меня выматывать.

Ругался Окнанави без всякой злобы, но под его добродушным тоном крылась упрямая решимость. Бить пискунов он не будет — слишком уж они маленькие. Это он знал твёрдо, а теперь это понял и Дэвидсон. Капитан сразу переменил тактику — он умел обращаться со своими подчинёнными.

— Послушай, Ок, попробуй вот что. Выбери зачинщиков и скажи, что впрыснешь им галлюциноген. Назови какой хочешь, они всё равно в них не разбираются. Зато боятся их до смерти. Только не слишком перегибай палку, и всё будет в порядке. Ручаюсь.

— А почему они их боятся? — с любопытством спросил десятник.

— Откуда я знаю? Почему женщины боятся мышей? *Здравого смысла ни у женщин, ни у пискунов искать нечего,* Ок! Да, кстати, я сегодня думаю слетать на Центральный, так не приглядеть ли для тебя девочку?

— Нет уж! Лучше до моего отпуска поглядите в другую сторону, — ответил Ок, ухмыльнувшись.

Мимо понуро прошли пискуны, таща длинное толстое бревно для клуба, который строился у рекí. Медлительные, неуклюжие, маленькие, они вцепились в бревно, словно муравьи, волочащие мёртвую гусеницу. Окнанави проводил их взглядом и сказал:

— По правде, капитан, меня от них жуть берёт.

Такой крепкий, спокойный парень, как Ок, и на тебе!

— В общем-то я с тобой согласен, Ок:²⁵ не стоят они ни возни, ни риска. Если бы тут не болтался этот трепло Любов, а полковник Донг поменьше молился бы на Кодекс, так, не спорю, куда легче было бы просто *очищать районы, предназначенные для заселения,* вместо того чтобы тянуть волюнку с этим их *«использованием добровольного труда».* Ведь всё равно *рано или поздно от пискунов мокрого места не останется,* так чего зря откладывать? Таков уж закон природы. Первобытные расы всегда уступают место цивилизованным. Или ассимилируются. Но не ассимилировать же нам кучу зелёных обезьян! И ты верно заметил: у них мозгов хватает как раз на то, чтобы им нельзя было доверять. Ну,²⁶ вроде тех больших обезьян, которые *прежде водились в Африке,* как они назывались...²⁷

— Гориллы?

25 В оригинале запятая и тире вместо двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

26 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

27 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Верно. И мы бы прекрасно обошлись тут без пискунов, как прекрасно обходимся без горилл в Африке. Только под ногами путаются. Но полковник Динг-Донг требует: используйте добровольный труд пискунов, вот мы и используем труд пискунов. До поры до времени. Ясно? Ну,²⁸ до вѣчера, Ок.

— Ясно, капитан.

Дэвидсон зашёл в штаб Лагерь Сми́та, записать, что он берёт вертолёт. В дощатой четырёхметровой кубической комнате штаба, где стояли два стола и водоохладитель, лейтенант Бирно чинил радиотелефон.

— Присмотри, чтобы лагерь не сгорел, Бирно.

— Привезите мне блондиночку, капитан. Размер эдак восемьдесят пять, пятьдесят пять, девяносто.

— Всего-навсего?

— Я предпочитаю *поподжаристей*. — И Бирно выразительным жестом начертил в воздухе свой идеал.

Всё ещё ухмыляясь, Дэвидсон поднялся по холму к ангару. С воздуха он снова увидел лагерь — детские кубики, ленточки троп, длинные просеки с кружочками пней. Всё это быстро проваливалось вниз, и впереди уже развёртывалась тёмная зелень нетронутых лесов большого острова, а дальше, до самого горизонта, простиралась бледная зелень океана. Лагерь Сми́та казался теперь жёлтым пятнышком, пылинкой на огромном зелёном ковре.

Вертолёт проплыл над проливом Сми́та, над лесистыми крутыми грядами холмов на севере Центрального острова и в полдень пошёл на посадку в Центрвилле. Ну чем не город! Во всяком случае, после трёх месяцев в лесу. Настоящие улицы, настоящие дома — ведь его начали строить четыре года назад, сразу же, как началась колонизация планеты. Смотришь и не замечаешь, что, в сущности, это только паршивый посёлок первопроходцев, а потом взглянешь на юг — и увидишь над вырубкой и над бетонными площадками сверкающую золотую башню, выше самого высокого здания в Центрвилле. Не такой уж большой космолёт, хотя здесь он кажется огромным. Просто челнок, посадочный модуль, корабельная шляпка, а сам корабль, «Шеклтон», кружит по орбите в полумиллионе километров над планетой. Челнок — это всего лишь намёк, всего лишь крупница огромности, мощи, хрустальной точности и величия земной техники, покоряющей звёзды.

Вот почему при виде этой частицы родной планеты на глазах Дэвидсона вдруг навернулись слёзы. И он не устыдился их. Да, ему дорога Земля, так уж он устроен.

А вскоре, шагая по новым улицам, в конце которых разворачивалась панорама вырубки, он начал улыбаться. *Девочки!* И сразу видно, что только сейчас прибыли, — на всех длинные юбки в обтяжку, большие туфли вроде ботишков, красные, лиловые или золотые, а блузы золотые или серебряные, все в

кружевах. И никаких тебе «грудных иллюминаторов». Значит, мода изменилась, а жаль! Волосы взбиты в пену — наверняка обливают их этим своим клеем, не то рассыпались бы. Редкостное безобразие, но всё равно действует, потому что проделывать *такое* со своими волосами способны только бабы. Дэвидсон подмигнул маленькой грудастой *евроафре*: *вот уж причёска — на голове не уместается!* Ответной улыбки он не получил, но удаляющиеся бедра покачивались, яснее слов приглашая: «*Иди за мной, иди за мной!*» Однако он не принял приглашения. *Успеется*. Он направился к Центральному штабу — стандартные самотвердеющие блоки, *пластилаты*, *сорок кабинетов*, десять водоохладителей, подземный арсенал — и доложил о своём прибытии *новотаитянскому* административному командованию. Перекинулся двумя-тремя словами с ребятами из экипажа модуля, заглянул в Лесное бюро, чтобы оставить заявку на новый полуавтомат для sluicing коры, и договорился со своим старым приятелем Юю Серенгом встретиться в баре «Луау» в четырнадцать часов по местному времени.

В бар он пришёл на час раньше, чтобы *подзаправиться* перед серьёзной выпивкой, и увидел за столиком Любова с двумя типами во флотской форме — какие-нибудь *специалы* с «Шеклтона», спустились на челноке...²⁹ Дэвидсон презирал флот и флотских — *чистоплюи*, прыгают от солнца к солнцу, а всю чёрную, грязную, опасную работу подкидывают армии. Но всё-таки не штатские крысы...³⁰ А вообще-то, смешно — Любов *чуть не лижется* с ребятами в форме. Треплется о чём-то, руками размахивает, как всегда.

Проходя мимо, Дэвидсон хлопнул его по плечу:

— Привет, Радж, дружище! Как делишки? — И прошёл дальше. Жалко, конечно, что нельзя остановиться,³¹ поглядеть, *как он скукожится*. Смешно, до чего Любов его ненавидит. Просто завидует, хлюпик интеллигентный, настоящему мужчине: и сам бы рад, да рылом не вышел. А ему на Любова плевать: такого ненавидеть — только зря время тратить.

Оленьё жаркое в «Луау» подают — пальчики оближешь! Что бы сказали на старушке Земле, если бы увидели, как один человек уминает кило мяса за один обед? Это вам не соя! А вот и Юю. И конечно, новых девочек подцепил, молодчина. Штучки с перчиком, не коровы-невесты, а законтрактованные подружки. Что ж, и у старикашек в департаменте по развитию колоний бывают просветления!

День был долгий и жаркий.

Он летел назад через пролив Смита на одной высоте с солнцем, заходившим в золотое марево за морем. Развалившись поудобнее, он весело распевал. Показался остров Смита, подёрнутый лёгким туманом. Над лагерем висел дым — чёрная полоса, словно в печь для сжигания мусора попал мазут. Густой, чёрт, ничего внизу не разглядишь, даже лесопилки.

29 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

30 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

31 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

И только приземлившись на аэродроме, Дэвидсон увидел обугленный остров реактивного самолёта, разбитые вертолёты, чёрные развалины ангара.

Он снова поднялся в воздух и прошёл над посёлком так низко, что чуть не зацепил высокий конус печей. Только она и торчала над землёй. А больше там ничего не было: лесопильня, котельная, склады, штаб, хижины, казармы, бараки пискунов — всё исчезло. Ещё дымящиеся чёрные груды, и больше ничего. Но это был не лесной пожар. Лес вокруг стоял зелёный, как раньше.

Дэвидсон повернул назад к аэродрому, приземлился, выпрыгнул из вертолёта и огляделся — не уцелел ли какой-нибудь мотоцикл. Но все мотоциклы превратились в такой же обгоревший железный лом, как и остальные машины среди тлеющих развалин ангара. *Чёрт, ну и вонища!*

Он побежал по тропе к посёлку. Поравнявшись с тем, что утром ещё было радиостанцией, он вдруг опомнился и, даже не замедлив шага, свернул с тропы за уцелевшую стену. Там он остановился и прислушался.

Никого! И полная тишина. Огонь давно погас, и только огромные штабеля брёвен ещё дымились, рдея под слоем пепла и золы. Длинные кучи углей — всё, что осталось от древесины, стоящей дорожке золота. Но над чёрными скелетами казарм и хижин не поднималось ни струйки дыма. В золе лежали *кости*...³²

Дэвидсон скорчился за развалинами радиостанции. Его мозг работал с предельной ясностью и чёткостью. Может быть только два объяснения. Во-первых, нападение из другого лагеря. Какой-нибудь офицер на Кинге или Новой Яве спятил и решил стать властителем планеты. Во-вторых, нападение из космоса. Перед его глазами всплыла золотая башня на космодроме Центрального острова. Но если уж «Шеклтон» занялся пиратством, на кой шут ему понадобилось начинать с уничтожения дальнего посёлка, вместо того чтобы сразу захватить Центрвилл? Нет, если из космоса, то только инопланетная раса. Никому не известная. А может, таукитяне или хайнцы задумали прибрать к рукам колонии Земли. Недаром он никогда не доверял этим жуликам-гуманоидам. Сюда, наверное, сбросили *суперзажигалку*. Ударным силам с реактивными самолётами, аэрокарами и всякими ядерными штучками ничего не стоит укрыться на острове или атолле в любом месте юго-западной части планеты. Надо вернуться к вертолёту и дать сигнал тревоги, а потом произвести разведку, чтобы представить штабу точную оценку ситуации. Он осторожно выпрямился и тут услышал голоса.

Не человеческие. Пискливое негромкое бормотание. *Инопланетяне?*

Упав на четвереньки за деформированной жаром пластмассовой крышей, которая валялась на земле, точно крыло огромного нетопыря, он напряжённо прислушивался.

В нескольких шагах от него по тропе шли четыре пискуна, совсем голые, если не считать широких кожаных поясов, на которых болтались ножи и кисеты. Значит, дикие. Ни шорт, ни кожаных ошейников, которые выдаются ручным пискунам. Рабочие-добровольцы, по-видимому, сгорели в бараках, как и люди.

Они остановились, продолжая бормотать, и Дэвидсон затаил дыхание. Лучше, чтобы они его не заметили. *И какого дьявола им тут нужно? А-а! Шпионы и лазутчики врага!*

Один показал на юг и повернулся так, что стало видно его морду. *Вот, значит, что! Все пискуны выглядят одинаково, но на морде этого он оставил свою подпись. Ещё и года не прошло. Тот, что взбесился и кинулся на него тогда на Центральном, — одержимый манией человекоубийства, выкормыш Любова! Он-то что тут делает, чёрт его дернул?*³³

Мозг Дэвидсона работал с полным напряжением. *Всё ясно!* Быстрота реакции ему не изменила — одним стремительным движением он выпрямился, держа пистолет наготове.

— Вы, пискуны! Ни с места! Стоять! Стоять смирно!

Его голос прозвучал как удар хлыста. Четыре зелёные фигурки замерли. Тот, чьё лицо было изуродовано, уставился на него (через чёрные развалины) огромными глазами, пустыми и тусклыми.

— Отвечать! Кто устроил пожар?

Они молчали.

— Отвечать! Быстро-быстро! Не то я сожгу одного, потом ещё одного, потом ещё одного. Ясно? Кто устроил пожар?

— Лагерь сожгли мы, капитан Дэвидсон, — ответил пискун с Центрального, и его странный мягкий голос напомнил Дэвидсону кого-то, какого-то человека...³⁴ — Люди³⁵ все мертвы.

— Вы сожгли? То есть как это — вы?

Почему-то ему не удавалось вспомнить кличку Битой Морды.

— Здесь было двести людей. И девяносто рабов, моих соплеменников. Девятьсот моих соплеменников вышли из леса. Сначала мы убили людей в лесу, где они валили деревья, потом, пока горели дома, мы убили тех, кто был здесь. Я думал, вас тоже убили. Я рад вас видеть, капитан Дэвидсон.

Бред какой-то и, конечно, сплошное враньё. Не могли они перебить всех — Ока, Бирно, ван Стена и остальных! Двести человек! Хоть кто-то должен же был спастись! У пискунов нет ничего, кроме луков и стрел. Да и в любом случае пискуны этого сделать не могли! Пискуны не дерутся, не убивают

33 В оригинале только восклицательный знак, без вопросительного. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

34 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

35 В оригинале без пробела перед «Люди». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

друг друга, не воют. Так называемый неагрессивный, врождённо мирный вид. Другими словами, божьи коровки. Их бьют, а они утираются. И уж конечно, двести человек разом они поубивать не способны. Бред какой-то!

Тишина, запах гари в тёплом вечернем воздухе, золотом от заходящего солнца, бледно-зелёные лица с устремлёнными на него неподвижными глазами — всё это слагалось в бессмыслицу, в нелепый страшный сон, в кошмар.

— Кто это сделал, кроме вас?

— Девятьсот моих соплеменников, — сказал Битый своим поганым псевдочеловеческим голосом.

— Я не о том. Кто ещё? Чьи приказы вы выполняли? Кто сказал вам, что вы должны делать?

— Моя жена.

Дэвидсон уловил внезапное напряжение в позе писткуна, и всё-таки прыжок был таким стремительным и непредсказуемым, что он промахнулся и только опалил ему плечо, вместо того чтобы всадить весь заряд между глаз. Писткун повалил его на землю, хотя был вдвое ниже его и вчетверо легче. Но он потерял равновесие, потому что полагался на пистолет и не был готов к нападению. Он схватил писткуна за плечи, худые, крепкие, покрытые густым мехом, попытался отбросить его. Писткун вдруг *запел*.

Он лежал навзничь, притиснутый к земле, без оружия. Сверху на него смотрели четыре зелёные морды. Битый всё ещё пел — та же писклявая невнятица, но вроде бы есть какой-то *мотив*. Остальные трое слушали, скаля в усмешке белые зубы. *Он ни разу прежде не видел, как писткуны улыбаются. И никогда не смотрел на них снизу вверх. Всегда сверху вниз. Только сверху. Надо лежать спокойно, вырываться пока нет смысла. Хоть они и коротышки, их — четверо, а Битый забрал его пистолет. Надо выждать, улучшить минуту...*³⁶ Но в горле у него поднималась мучительная тошнота, и он дёргался и напрягался против воли. Маленькие руки прижимали его к земле без особых усилий. Маленькие зелёные морды качались над ним, ухмыляясь.

Битый кончил петь. Он нажал коленом на грудь Дэвидсона, сжимая в одной руке нож, а в другой держа пистолет.

— Вы петь не можете, капитан Дэвидсон, верно? Ну так бегите к своему вертолёту, летите на Центральный и скажите полковнику, что тут всё сожжено, а люди убиты.

Кровь, такая же ярко-алая, как человеческая, смочила шерсть на правом плече писткуна, и нож в зелёных пальцах дрожал. Узкое изуродованное лицо почти прижималось к лицу Дэвидсона, и теперь он увидел, что в угольно-чёрных глазах прячется странный огонь. Голос писткуна был по-прежнему мягким и тихим.

Державшие его руки разжались.

Он осторожно поднялся с земли. Голова отчаянно кружилась — сильно стукнулся затылком, спасибо Битому! Пискуны отошли. Знают, что руки у него вдвое длиннее. Ну,³⁷ а что толку? Вооружен-то не один Битый. Вон и другой тычет в него пистолетом. *Да это же Бен! Его собственный пискун, серый облезлый паршивец — и, как всегда, выглядит идиотом. Да только в руке у него пистолет.*

Не так-то просто повернуться спиной к двум наведённым на тебя пистолетам, но Дэвидсон повернулся и зашагал к аэродрому.

Позади него голос громко и визгливо выкрикнул какое-то пискунье слово. Другой завопил:

— Быстро-быстро! — и раздались странные звуки, словно птицы зачирикали.

Наверное, они так смеются. Хлопнул выстрел, и рядом в землю зарылся снаряд. Чёрт, подлость какая! У самих пистолеты, а он безоружен! Надо прибавить шагу. В беге не пискунам с ним тягаться. А стрелять они толком не умеют.

— Беги! — донёсся издали спокойный голос.

Битая Морда! А кличка у него — Селвер. Они-то звали его Сэмом, пока не вмешался Любков, не спас его от заслуженной взбучки и не начал с ним цацкаться. Вот тут его и стали звать Селвером. Чёрт, да что же это? Бред, кошмар.

Дэвидсон бежал. Кровь грохотала у него в ушах. Он бежал сквозь золотую дымку вёчера. У тропы валялся труп, а он и не заметил, когда шёл туда. Совсем не тронут огнём, словно белый мяч, из которого выпустили воздух. Голубые выпученные глаза...³⁸ А его, Дэвидсона, они убить не посмели. И больше по нему не стреляли. Ещё чего! Где им его убить! А вот и вертолёт! Блестит, миленький, как ни в чём не бывало. Одним прыжком он оказался внутри и сразу поднял вертолёт в воздух, пока пискуны чего-нибудь не подстроили. *Руки дрожат...*³⁹ Ну да, чуть-чуть. Всё-таки шок порядочный. *Его им не убить!*

Он сделал круг над холмом, а потом повернул и стремительно пошёл почти над самой землёй, высматривая четырёх пискунов. Но среди чёрных куч внизу не было заметно ни малейшего движения.

Сегодня утром тут был лагерь лесорубов. Двести человек. А сейчас тут только четверо пискунов. Не приснилось же ему это! И они не могли исчезнуть. Значит, *они там, прячутся...*⁴⁰ Он начал бить из носового пулемёта. Вспарывая обожжённую землю, пробивал дыры в листе, хлестал по

37 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

38 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

39 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

40 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

обгорелым костям и холодным трупам своих людей, по разбитым машинам, по гниющим белесым пням, заходя на всё новые и новые круги, пока не кончилась лента и судорожная дробь пулемёта не оборвалась.

Руки Дэвидсона больше не дрожали, его тело ощущало лёгкость умиротворения, и он твёрдо знал, что *не бредит*. Теперь надо доставить известия в Центрвилл. Он повернул к проливу. Мало-помалу его лицо принимало обычное невозмутимое выражение. Свалить на него ответственность за катастрофу им не удастся — его ведь там даже не было! Может, они сообразят, что пискуны не случайно дождались, чтобы он улетел. Знали ведь, что у них ничего не выйдет, если он будет на месте и организует оборону. Во всяком случае, хорошо одно: *теперь они займутся тем, с чего следовало начать, — очистят планету для человеческого обитания. Даже Любов теперь не сможет помешать полному уничтожению пискунов, раз всё подстроил его любимчик! Некоторое время теперь придётся посвятить уничтожению этих крыс, и, может быть...*⁴¹ *может быть, эту работку поручат ему.* При этой мысли он чуть было не улыбнулся. Однако сумел сохранить на лице невозмутимость.

Море внизу темнело в сгущающихся сумерках, а впереди вставали прорезанные невидимыми речками холмы Центрального острова — крутые вóлны многолистного лёса, тонущего во мгле.

41 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Глава 2.

Оттенки ржавчины и закатов, кроваво-бурые и блекло-зелёные, непрерывно сменяли друг друга в волнах длинных листьев, колышимых ветром. Толстые и узловатые корни бронзовых ив были мшисто-зелёными над ручьём, который, как и ветер, струился медлительно, закручиваясь тихими водоворотами, или словно вовсе переставал течь, запертый камнями, корнями, купающимися в воде ветками и опавшими листьями. Ни один луч не падал в лесу свободно, ни один путь не был прямым и открытым. С ветром, водой, солнечным светом и светом звёзд здесь всегда смешивались листья и ветви, стволы и корни, прихотливо перепутанные, полные теней. Под ветвями, вокруг стволов, по корням вились тропинки — они нигде не устремлялись вперёд, а уступали каждому препятствию, изгибались и ветвились, точно нервы. Почва была не сухая и твёрдая, а сырая и пружинистая, созданная непрерывным сотрудничеством живых существ с долгой и сложной смертью листьев и деревьев. Это плодородное кладбище вскармливало тридцатиметровые деревья и крохотные грибы, которые росли кругами поперечником в сантиметр. В воздухе веяло сладким и нежным благоуханием, слагавшимся из тысяч запахов. Далее не было нигде — только вверху, в просвете между ветвями, можно было увидеть россыпь звёзд. Ничто здесь не было однозначным, сухим, безводным, простым. Здесь не хватало прямого простора. Взгляд не мог охватить всего сразу, и не было ни определённости, ни уверенности. В плакучих листьях бронзовых ив переливались оттенки ржавчины и закатов, и невозможно было даже сказать, какого собственно цвета эти листья — красно-бурого, рыжеватого-зелёного или чисто-зелёного.

Селвер брёл по тропинке вдоль ручья, то и дело спотыкаясь о корни ив. Он увидел старика, *ушедшего в сны*, и остановился. Старик поглядел на него из-за длинных ивовых листьев и увидел его в своих снах.

— Где мне найти ваш Мужской Дом, владыка-сновидец? Я прошёл долгий путь.

Старик сидел не двигаясь. Селвер опустился на корточки между тропинкой и ручьём. Его голова упала на грудь, потому что он был измучен и нуждался во сне. Он шёл пять суток.

— Ты в *яви снов* или в *яви мира*? — наконец спросил старик.

— В яви мира.

— Ну так пойдём! — Старик поспешно встал и по вьющейся тропке повёл Селвера из ивовых зарослей в более сухое сумрачное царство дубов и терновника. — А я было подумал, что ты Бог, — сказал он, держась на шаг впереди. — И мне кажется, я тебя уже видел. Может быть, в снах.

— В яви мира ты меня видеть не мог. Я с *Сорноля* и здесь никогда раньше не бывал.

— Это селение зовётся *Кадаст*. А я — *Коро Мена*,⁴² *Сын Боярышника*.

— Меня зовут *Селвер*,⁴³ *Сын Ясеня*.

— Среди нас есть дети Ясеня. И мужчины, и женщины. Дочери твоих брачных кланов — *Берёзы* и *Остролиста* — тоже живут среди нас. А дочерей *Яблони* у нас нет. Но ведь ты пришёл не для того, чтобы искать жену, так?

— Моя жена умерла, — сказал *Селвер*.

Они подошли к Мужскому Дому на пригорке среди молодых дубов, согнулась и на четвереньках проползли по узкому туннелю во внутреннее помещение, освещённое отблесками огня в очаге. Старик выпрямился, но *Селвер* бессильно скорчился на полу. Теперь, когда помощь была рядом, его тело, которому он столько времени беспощадно не давал отдыха, отказалось ему повиноваться. Руки и ноги расслабились, веки сомкнулись, и *Селвер* с благодарным облегчением соскользнул в великую тьму.

Мужчины *Дома Кадаста* бережно уложили его на скамью, а потом в Дом пришёл их целитель и смазал снадобьями рану у него на плече. Когда наступила ночь, *Коро Мена* и целитель *Торбер* остались сидеть у огня. Почти все мужчины удалились в свои жилища к жёнам, а двое юношей, ещё не научившихся уходить в сны, крепко спали на скамьях.

— Не понимаю, откуда у человека могут взяться на лице *такие* рубцы, — сказал целитель. — И уж совсем не понимаю, *чем* он мог *так* поранить плечо. *Странная рана!*

— А на поясе у него была *странная вещь*, — сказал *Коро Мена*. — Я видел её и *не увидел* её.

— Я положил её под его скамью. Словно бы отшлифованное железо, но не похоже на работу человеческих рук.

— Он сказал, что *он с Сорноля*.

Некоторое время оба молчали. *Коро Мена* вдруг почувствовал, что на него наваливается необъяснимый страх, и ушёл в сон, чтобы найти объяснение этому страху, — ведь он был стариком и умелым сновидцем. Во сне были великаны, тяжеловесные и страшные. Их сухие чешуйчатые конечности и туловища были завёрнуты в ткани. Глаза у них были маленькие и светлые, точно оловянные бусины. Позади них ползли огромные непонятные махины, сделанные из отшлифованного железа. Они двигались вперёд, и деревья падали перед ними.

Из-за падающих деревьев с громким криком выбежал человек. Рот его был в крови. Тропинка, по которой он бежал, вела к Мужскому Дому *Кадаста*.

42 В оригинале точка вместо запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

43 В оригинале точка вместо запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Почти наверное, — сказал Коро Мена, выходя из сна, — он приплыл по морю прямо с Сорноля, а может быть, пришёл с берега Келм-Дева на нашем острове. Путники говорили, что *великаны есть и там,*⁴⁴ *и там.*

— Пойдут они за ним или нет, — сказал Торбер, но он не спрашивал, а взвешивал возможность, и Коро Мена не стал отвечать. — Ты один раз видел великанов, Коро?

— Один раз, — сказал старик.

Он опять ушёл в сны. Теперь потому, что он был очень стар и уже не так крепок, как прежде, он часто погружался в сон. Наступило утро, миновал полдень. За стенами Дóма девушки ушли в лес на охоту, чирикали дети, переговаривались женщины — словно журчала вода. У входа голос, не такой влажный и журчащий, позвал Коро Мена. Он выполз наружу под лучи заходящего солнца. У входа стояла его сестра. Она с удовольствием вдыхала ароматный ветер, но лицо у неё оставалось суровым.

— Путник проснулся, Коро?

— Пока ещё нет. За ним присматривает Торбер.

— Нам надо выслушать его рассказ.

— Наверное, он скоро проснётся.

Эбор Дендеп нахмурилась. *Старшая Хозяйка Кадаста*, она опасалась, что *селению грозит опасность*, но ей не хотелось беспокоить раненого, и она боялась обидеть сновидцев, настояв на своём праве войти в их Дом.

— Ты бы не мог разбудить его, Коро? — всё-таки попросила она. — Что, если...⁴⁵ за ним *гонятся*?

Он не мог управлять чувствами сестры, как управлял собственными, и её тревога его *обожгла*.

— Разбужу, если Торбер позволит, — сказал он.

— Постарайся поскорее узнать, *какие* он несёт вёсти. Жаль, что он не женщина, а то давно бы рассказал всё попросту...⁴⁶

Путник очнулся сам. Он лежал в полумраке Дóма, и в его лихорадочно блестящих глазах плыли беспорядочные сны болезни. Тем не менее,⁴⁷ он приподнялся, сел на скамье и заговорил ясно. И пока Коро Мена слушал, ему казалось, что *самые его кóсти сжимаются, стараясь спрятаться от этого страшного рассказа, от этой новизны.*

— Когда я жил в Эшрете, на Сорноле, я был Селвером Теле. *Ловеки* начали рубить там деревья и разрушили моё селение. Я был среди тех, кого они заставили служить себе, — я и моя жена Теле. Один из них надругался над

44 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

45 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

46 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

47 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

ней, и она умерла. Я бросился на *ловека*, который убил её. Он убил бы меня, но другой *ловец* спас меня и освободил. Я покинул Сорноль, где теперь все селения в опасности, перебрался сюда, на Северный остров, и жил на берегу Келм-Дева, в Красных рощах. Но туда тоже пришли *ловцы* и начали *рубить мир*. Они уничтожили селение Пенле, поймали почти сто мужчин и женщин, заперли их в загоне и *заставили служить себе*. Меня не поймали, и я жил с теми, кто успел уйти из Пенле в болота к северу от Келм-Дева. Иногда по ночам я пробирался к тем, кого *ловцы* запирали в загоне. И они сказали мне, что там был *тот*. Тот, которого я хотел убить. Сначала я хотел попробовать ещё раз убить его или освободить людей из загона. Но всё это время я видел, *как падают деревья, как мир рушат и оставляют гнить*. Мужчины могли бы спастись, но женщин запирали крепче, и освободить их не удалось бы, а они уже начинали умирать. Я поговорил с людьми, которые прятались в болотах. Нас всех мучил страх и мучил гнев, и нам было не избавиться от них. А потому после долгих разговоров и долгих снов мы придумали план, пошли в Келм-Дева днём, стрелами и охотничьими копьями убили *ловцов*, а их селение и их машины сожгли. Мы ничего там не оставили. Но *тот* утром уехал. Он вернулся *один*. Я *спел* над ним и *отпустил* его.

Селвер замолчал.

— А потóm...⁴⁸ — прошептал Кору Мена.

— Потóm с Сорноля прилетела небесная лодка, и они разыскивали нас в лесу, но никого не нашли. Тогда они подожгли лес, но шёл дождь, и огонь скоро погас, не причинив вреда. Люди, спасшиеся из загон, и почти все другие ушли дальше на север и на восток, к холмам Холли, потому что мы думали, что *ловцы* начнут нас разыскивать.⁴⁹ Я пошёл один,⁵⁰ ведь они меня знают, знают моё лицо, и поэтому я боюсь. И боятся те, у кого я укрываюсь.

— Откуда *твоя* рана? — спросил Торбер.

— *Эта*? Он выстрелил в меня из их оружия, но я *спел* над ним и *отпустил* его.

— Ты в одиночку взял верх над великаном? — спросил Торбер с широкой усмешкой, не решаясь поверить.

— Не в одиночку. С тремя охотниками и с его оружием в руке. Вот с *этим*.

Торбер испуганно отодвинулся.

Некоторое время все трое молчали. Наконец Кору Мена сказал:

— То, что мы от тебя слышали, — черно, и дорога ведёт вниз. В своём Доме ты сновидец?

— Был. Но Дóма Эшрета больше нет.

48 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

49 В оригинале запятая вместо точки. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

50 В оригинале точка вместо запятой и далее с заглавной буквы «Ведь», хотя предложение продолжается. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Это всё равно, мы оба говорим древним языком. Под ивами *Асты* ты первый заговорил со мной и назвал меня *владыкой-сновидцем*. И это верно. А ты *видишь сны*, Селвер?

— Теперь редко, — послушно ответил Селвер, опустив изуродованное, воспалённое лицо.

— *Наяву?*

— *Наяву.*

— Ты *хорошо* видишь сны, Селвер?

— Нехорошо.

— Ты держишь свой сон в руках?

— Да.

— Ты плетёшь и лепишь, ведёшь и следуешь, начинаешь и кончаешь по своей воле?

— Иногда, но не всегда.

— Идёшь ли ты *дорогой*, которой идёт твой сон?

— Иногда. А иногда я боюсь.

— Кто не боится? Для тебя ещё не всё плохо, Селвер.

— Нет, всё плохо, — сказал Селвер. — *Ничего хорошего не осталось.* — И его затрясло.

Торбер дал ему выпить ивового настоя и уложил его. Коро Мена ещё не задал вопроса Старшей Хозяйке и теперь, опустившись на колени рядом с больным, неохотно спросил:

— Великаны, те, кого ты называешь *ловеками*, они пойдут по твоему следу, Селвер?

— Я не оставил следа. Между Келм-Дева и этим местом меня никто не видел, а это шесть дней. Опасность не тут. — Он с трудом приподнялся. — Слушайте, слушайте! Вы не видите опасности. И не можете видеть. Вы не сделали того, что сделал я, вы не видели этого в снах — принести смерть двумстам людям. Меня они выслеживать не будут, но *они могут начать выслеживать всех нас. Устраивать на нас облавы, как охотники — на зайцев. Вот в чём опасность. Они могут начать нас убивать. Чтобы перебить всех нас.*

— Лежи спокойно...⁵¹

51 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Нет, я *не брежу*. Это и явь,⁵² и сон. В Келм-Дева было двести *ловеков*, и они все мертвы. Мы убили их. Мы убили их, словно они не были людьми. Так неужели они не сделают того же? *До сих пор они убивали поодиночке, а теперь начнут убивать, как убивают деревья — сотнями, и сотнями, и сотнями.*

— Успокойся, — сказал Торбер. — *Такое* случается в лихорадочных снах, Селвер. В яви мира *такого* не бывает.

— Мир всегда остаётся новым, — сказал Коро Мена, — какими бы старыми ни были его корни. Селвер, но эти существа — *кто же они?* Выглядят они как люди и говорят, как люди, — так разве *они не люди?*

— Не знаю. *Разве люди, если только не безумны, убивают людей?* Разве звери убивают себе подобных? Только насекомые. *Ловеки убивают нас равнодушно, как мы — змей.* Тот, который учил меня, говорил, что они убивают друг друга в ссоре или группами, как дерущиеся муравьи. Этого я не видел. Но я знаю, что *они не щадят того, кто просит о жизни.* Они наносят удар по склонённой шее!⁵³ Это я видел! *В них живёт желание убивать, и потому я счёл справедливым предать их смерти.*

— И теперь сны всех людей изменятся, — сказал Коро Мена из сумрака. — И никогда уже не будут прежними. Больше я никогда не пройду по той тропе, по которой прошёл с тобой вчера из ивовой рощи, по которой ходил всю жизнь. Она *изменилась*. Ты прошёл по ней, и она стала *другой*. До нынешнего дня то, что мы делали, было *правильным*, дорóга, по которой мы шли, была *правильной*, и она вела нас домой. Но где теперь наш дом? Ибо *ты сделал то, что должен был сделать, но это не было правильным.* Ты убил людей! Я их видел пять лет тому назад в Лемганской долине. Они сошли там с небесной лодки. Я спрятался и следил за великанами. Их было шестеро, и я видел, как они говорили, как разглядывали камни и растения, как готовили пищу. Они люди. Но ты жил среди них, Селвер, — скажи мне, они *видят сны?*

— Как дети — только когда спят.

— И не проходят обучения?

— Нет. Иногда они рассказывают свои сны, целители пытаются лечить с их помощью, но обученных среди них нет, и *никто не умеет управлять сновидениями.* Любов — тот, который учил меня, — понял, когда я *показал ему, как надо видеть сны*, но даже он назвал явь мира «*реальной*», а явь снов «*нереальной*», словно в этом разница между ними.

— Ты сделал то, что должен был сделать, — после молчания повторил Коро Мена, и в сумраке его глазá встретились с глазами Селвера.

Судорожное напряжение изуродованного лица смягчилось, рваные губы полуоткрылись, и он снова лёг, ничего больше не сказав. Вскоре он уснул.

— Он бог, — сказал Коро Мена. Торбер кивнул почти с облегчением.

52 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

53 В оригинале вопросительный знак вместо восклицательного. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Но он не такой, как другие боги. Не такой, как Преследователь, и не такой, как Друг, у которого нет лица, или Женщина Осинный Лист, которая проходит по лесам сновидений. Он не Привратник и не Змей. Не Флейтист, не Резчик и не Охотник, хотя, как и они, приходит в яви мира. Может быть, последние годы Селвер нам снился, но больше он сниться не будет. Он ушёл из яви снов. Он идёт в лесу, он идёт через лес, где падают листья, где падают деревья, — бог, который знает смерть, бог, который убивает, а сам не возрождается вновь.

Старшая Хозяйка выслушала рассказ Коро Мена, его пророчества и принялась за дело. Она объявила тревогу и проверила, все ли семьи Кадаста готовы покинуть селение по первому сигналу, — собраны ли припасы на дорогу, сделаны ли носилки для стариков и больных. Она послала молодых разведчиц на юг и восток узнать, что делают *ловеки*. Она всё время держала в селении один вооружённый охотничий отряд, хотя остальные, как обычно, ночью уходили на охоту. А когда Селвер окреп, она потребовала, чтобы он вышел из Мужского Дома и рассказал свою историю — о том, как *ловеки* убивали и обращали в рабство людей на Сорноле и вырубали лес, как люди Келм-Дева убили *ловеков*. Она заставила мужчин-сновидцев и женщин, которые не могли понять этого сразу, слушать снова и снова. Наконец,⁵⁴ *они поняли и испугались*. Эбор Дендеп была практичной женщиной. Когда Великий Сновидец, её брат, сказал ей, что *Селвер — бог, творец перемен, мост между явью и явью*, она поверила и начала действовать. Сновидец должен быть осторожным, должен тщательно убедиться в верности своего вывода. А она должна принять этот вывод и поступить соответственно. Его обязанность — увидеть, что надо сделать. Её обязанность — присмотреть, чтобы это было сделано.

— Все селения в лесу должны услышать, — сказал Кор Мена. А потому Старшая Хозяйка разослала своих молодых вестниц, и Старшие Хозяйки других селений выслушивали их и рассылали своих вестниц. Рассказ о резне в Келм-Дева и имя Селвера обошли Северный остров и другие земли, передаваясь изустно или письменами — не очень быстро, потому что для передачи вестей у Лесного народа есть только пешие гонцы, но всё же достаточно быстро.

Народ, обитавший в Сорока Землях мира, не составлял единого целого. Языков было больше, чем земель, и они распадалась на диалекты — каждое селение говорило на своём. Нравы, обычаи, традиции, ремёсла различались множеством деталей, да и физические типы на Пяти Великих Землях были разными. Люди Сорноля отличались высоким ростом, светлым мехом и умели торговать; люди Ризуэла были низкого роста, мех у многих казался почти чёрным, и они ели обезьян. И так далее, и так далее. Однако климат всюду был почти одинаков, и лес тоже, а море и вовсе было одно. Любознательность, торговля, поиски жены или мужа своего Дерева заставляли людей странствовать от селения к селению, а потому общее сходство объединяло всех, кроме обитателей самых далёких окраин, полумифических диких островов на крайнем юге и крайнем востоке. Во всех Сорока Землях

54 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

селениями управляли женщины, и почти в каждом селении был свой Мужской Дом. В его стенах *сновидцы говорили на древнем языке, который во всех землях был един*. Язык этот редко выучивали женщины или те мужчины, которые оставались охотниками, рыбаками, ткачами, строителями, — те, кто видел лишь малые сны за стенами Дома. Письменность тоже принадлежала древнему языку, а потому, когда Старшие Хозяйки посылали с вестями быстроногих девушек, Дома обменивались письмами, и сновидцы истолковывали их Старым Женщинам, как и все слухи, загадки, мифы и сны. Но за Старыми Женщинами оставалось право верить или не верить.

Селвер находился в маленькой комнатке в Эшсене. Дверь не была заперта, но он знал, что стоит отворить её, и внутрь войдёт что-то плохое. Пока же она остаётся закрытой, всё будет хорошо. Но дело заключалось в том, что дом окружали саженцы: не фруктовых деревьев и не ореховых, он не помнил — каких. Он вышел посмотреть, что это за деревья, а они все валялись на земле, вырванные с корнем, сломанные. Он поднял серебристую веточку, и на сломанном конце выступила капля крови. *«Нет, не здесь, нет, Теле, не надо, — сказал он. — Теле, приди ко мне перед своей смертью!»* Но она не пришла. Только её смерть была здесь — сломанная берёзка, распахнутая дверь. Селвер повернулся, быстро вошёл в дом и увидел, что он весь построен над землёй, как дома *ловеков*, — очень высокий, полный света. В конце высокой комнаты — ещё одна дверь, а за ней тянулась длинная улица Центра, селения *ловеков*. У Селвера на поясе висел пистолет. Если придёт Дэвидсон, он сможет его застрелить. Он ждал у открытой двери, глядя наружу, на солнечный свет. И Дэвидсон появился — он бежал так быстро, что Селверу не удавалось взять его на прицел. Огромный, он кидался из стороны в сторону на широкой улице, всё быстрее, всё ближе. Пистолет был очень тяжёлый. Селвер выстрелил, но из дула не вырвался огонь. Вне себя от ярости и ужаса он отшвырнул пистолет, а с ним и сновидение.

Его охватили отвращение и тоска. Он плюнул и тяжело вздохнул.

— Плохой сон? — спросила Эбор Дендеп.

— Они все плохи и все одинаковы, — сказал он, но мучительная тревога и тоска немного его отпустили.

Сквозь мелкие листья и тонкие ветки берёзовой рощи Кадаста нежаркие лучи утреннего солнца падали крошечными бликами и узкими полосками. Старшая Хозяйка сидела у серебристого ствола и плела корзинку из чёрного папоротника — она любила, чтобы пальцы были заняты работой. Селвер лежал рядом с ней, погружённый в полусон и сновидения. Он жил в Кадасте уже пятнадцать дней, и его рана почти совсем затянулась. Он по-прежнему много спал, но впервые за долгие месяцы вновь начал постоянно видеть сны в яви, не два-три раза днём и ночью, а в истинном пульсирующем ритме сновидчества, с *десятью-четырьнадцатью*⁵⁵ пиками на протяжении суточного цикла. Хотя сны его были плохими, полными ужаса и стыда, он радовался им. Всё это время он опасался, что *его корни обрублены и он так*

55 В оригинале «десятью—четырьнадцатью» через тире вместо дефиса.
(прим. ред. Alex.Rus.UA)

далеко забрёл в мёртвый край действия, что никогда не сумеет отыскать пути назад к источникам яви. А теперь он пил из них вновь, хотя вода и была невыносимо горькой.

На краткий миг он снова опрокинул Дэвидсона на золу сожжённого посёлка, но, вместо того чтобы петть над ним, ударил его камнем по рту. Зубы Дэвидсона разлетелись кусками, и между белыми обломками заструилась кровь.

Это сновидение было полезным, оно давало выход желанию, однако он тут же оборвал его, потому что уходил в него много раз и до того, как встретился с Дэвидсоном на пепелище Келм-Дева, и после. Но этот сон не давал ничего, кроме облегчения. Глоток свежей воды. А ему нужна горькая! Надо вернуться далеко назад, не в Келм-Дева, а на ту длинную страшную улицу в городе пришельцев, который они называют *Центр*, где он вступил в бой со Смертью и был побеждён.

Эбор Дендеп плела свою корзину и напевала. Возраст давно посеребрил шелковистый зелёный пушок на её худых руках, но они быстро и ловко переплетали стебли папоротника. Она пела песню про то, как девушка собирает папоротник, — песню юности: «*Я рву папоротник и не знаю, вернётся ли он...*⁵⁶» Её слабый голос звенел, точно цикада. В листьях берёз дрожало солнце. Селвер положил голову на рёбра.

Берёзовая роща находилась в центре селения Кадаст. Восемь тропок вели от неё, петляя между деревьев. В воздухе чуть пахло дымом. Там, где ветви редели, ближе к южной опушке, видна была печная труба, над которой поднимался дым — словно голубая пряжа разматывалась среди листьев. Внимательно вглядевшись, можно было заметить между дубами и другими деревьями крыши домов, возвышающиеся над землёй на полметра. Может быть, сто, а может быть, двести — пересчитать их было очень трудно. Бревенчатые домики, на три четверти вкопанные в землю, ютились между могучими корнями, точно барсучьи норы. Сверху была настлана кровля из мелких веток, сосновой хвои, камыша и мхов. Такие крыши хорошо хранили тепло, не пропускали воду и были почти невидимы. Лес и восемьсот жителей селения занимались своими обычными делами повсюду вокруг берёзовой рощи, где сидела Эбор Дендеп и плела корзину из папоротника. «*Ти-уит*», — звонко свистнула птичка на ветке над её головой. Человечьего шума было больше обычного, потому что за последние дни в селение пришло много чужих, не меньше пятидесяти человек. Почти всё это были молодые мужчины и женщины, и они искали Селвера. Одни пришли из других селений севера, другие вместе с ним убивали в Келм-Дева. Они пришли сюда, следуя за слухами, потому что дальше хотели следовать за ним. Но перекликающиеся там и сям голоса, и болтовня купающихся женщин, и смех детей у ручья не заглушали утреннего хора птиц, жужжания насекомых и неумолчного шума живого леса, частью которого было селение.

По тропинке бежала девушка, молодая охотница, нежно-зелёная, как листва берёзы.

— Устная весть с южного берега, матушка, — сказала она. — Вестница в Женском Доме.

— Пришли её сюда, когда она поест, — шёпотом сказала Старшая Хозяйка. — Ш-ш-ш, *Толбар*, разве ты не видишь, что *он спит*?

Девушка нагнулась, сорвала широкий лист дикого табака и бережно положила его на глаза спящего, к которым, падая всё круче, подбирался яркий солнечный луч. Селвер лежал, раскрыв ладони, и его изуродованное, покрытое рубцами лицо было повернуто вверх, с выражением простым и незащитным, — Великий Сновидец, уснувший, точно маленький ребёнок. Но Эбор Дендеп смотрела на лицо девушки. В игре трепетных теней оно светилось жалостью, ужасом и благоговением.

Толбар стремительно убежала. Вскоре появились две Старые Женщины и вестница. Они шли гуськом, бесшумно ступая по солнечному узору на тропинке. Эбор Дендеп подняла руку, предупреждая, чтобы они *молчали*. Вестница тотчас устало растянулась на земле. Её зелёный мех с буроватым отливом был пропылён и слипся от пота — она бежала быстро и долго. Старые Женщины сели на солнечной прогалине и замерли, точно два обомшелых серых камня с ясными живыми глазами.

Селвер, борясь с не подчиняющейся ему явью сна, вскрикнул, объятый ужасом, и проснулся.

Он пошёл к ручью и напился, а когда вернулся назад, его сопровождали пятеро или шестеро из тех, кто всё время ходил за ним. Старшая Хозяйка отложила недоплетённую корзинку и сказала:

— Теперь привет тебе, вестница. Говори.

Вестница встала, поклонилась Эбор Дендеп и объявила свою весть:

— Я из *Третата*. Мои слова пришли из Сорброн-Дева, а прежде — от мореходов Пролива, а прежде из Бротера на Сорноле. Они для всего Кадаста, но сказать их следует человеку по имени Селвер, который родился от Ясеня в Эшрете. Вот эти слова: *«В огромном городе великанов на Сорноле появились новые великаны, и многие из них — великаниши. Жёлтая огненная лодка то улетает, то прилетает в месте, которое звалось Пеа. На Сорноле известно, что Селвер из Эшрета сжёг селение великанов в Келм-Дева. Великий Сновидец изгнанников в Бротере видел в сновидении больше великанов, чем деревьев на всех Сорока Землях»*. Вот слова вести, которую я несу.

Она кончила свою напевную декламацию, и наступило молчание. Неподалёку какая-то птица прощбетала: *«Вет-вет?»*, словно проверяя, как это звучит.

— Явь мира сейчас очень плохая, — сказала одна из Старых Женщин, потирая ревматическое колено.

С большого дуба, отмечавшего северную окраину селения, взлетел серый коршун и, развернув крылья, лениво повис на восходящем потоке тёплого утреннего воздуха. Возле каждого селения обязательно было гнездо этих коршунов, исполнявших обязанности мусорщиков.

Через рощу пробежал толстый малыш, за которым гналась сестра, немногим его старше. Оба пищали тоненькими голосами, точно летучие мыши. Мальчик упал и заплакал. Девочка подняла его, вытерла ему слёзы большим листом, и, взявшись за руки, они убежали в лес.

— Среди них был один, которого зовут Любов, — сказал Селвер, повернувшись к Старшей Хозяйке. — Я говорил про него Коро Мена, но не тебе. Когда *тот* убивал меня, Любов меня спас. Любов меня вылечил и освободил. Он хотел знать про нас как можно больше, и потому я говорил ему то, о чём он спрашивал, а он говорил мне то, о чём спрашивал я. И один раз я спросил его, как его соплеменники продолжают свой род, если у них так мало женщин. Он сказал, что там, откуда они прилетели, половина его соплеменников — женщины, но мужчины привезут их сюда, только когда приготовят для них место на Сорока́ Землях.

— Только когда мужчины приготовят место для женщин? Ну, им долгонько придётся ждать! — сказала Эбор Дендеп. — Они похожи на людей из Вязовых Снов, которые идут спиной вперёд, вывернув головы. Они делают из леса сухой песок на морском берегу (в их языке не было слова «пустыня») и говорят, будто готовят место для женщин! Лучше бы женщин выслали вперёд. Может быть, у них Великие Сны видят женщины, кто знает? Они идут вперёд спиной, Селвер. *Они безумны.*

— *Весь народ не может быть безумным.*

— Но ты же сказал, что *они видят сны, только когда спят, а если хотят видеть их наяву, то принимают отраву, и сны выходят из повиновения*, ты же сам говорил? *Есть ли безумие больше?* Они не отличают яви сна от яви мира, точно младенцы. Может быть, убивая дерево, они думают, что оно *вновь оживёт!*

Селвер покачал головой. Он по-прежнему говорил со Старшей Хозяйкой, словно они с ней были в роще одни — тихим, неуверенным, почти сонным голосом.

— Нет, смерть они понимают хорошо...⁵⁷ Конечно, они видят не так, как мы, но о некоторых вещах они знают больше и разбираются в них лучше, чем мы. Любов понимал почти всё, что я ему говорил. Но из того, что он говорил мне, я не понимал очень многого. И не потому, что я плохо знаю их язык. Я его знаю хорошо, а Любов научился нашему языку. Мы записали их вместе. Но часть того, что он мне говорил, я не пойму никогда. Он сказал, что *ловеки* не из леса. Он сказал это совершенно ясно. Он сказал, что им нужен лес: деревья

57 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

взять на древесину, а землю засеять травой. — Голос Селвера, оставаясь негромким, обрёл звучность. Люди среди серебристых стволов слушали,⁵⁸ как заворожённые. — И это тоже ясно тем из нас, кто видел, как *они вырубают мир*. Он говорил, что *ловеки* — такие же люди, как мы, что мы в родстве, и, быть может, в таком же близком, как рыжие и серые олени. Он говорил, что они прилетели из такого места, которое больше не лес: деревья там все срубили. У них есть солнце, но это не наше солнце, а наше солнце — звезда. Всё это мне не было ясно. Я повторяю его слова, но не знаю, что они означают. Но это неважно. Ясно, что они хотят наш лес для себя. Они вдвое нас выше и гораздо тяжелее, у них есть оружие, которое стреляет много дальше нашего и изрыгает огонь, и есть небесные лодки. А теперь они привезли много женщин, и у них будут дети. Сейчас их здесь две-три тысячи, и почти все они живут на Сорноле. Но если мы прождём поколение или два, их станет вдвое, вчетверо больше. Они убивают мужчин и женщин, они не щадят тех, кто просит о жизни. Они не ищут победы пением. Свои корни они где-то оставили — может быть, в том лесу, откуда они прилетели, в их лесу без деревьев. А потому они принимают отраву, чтобы дать выход своим снам, но от этого только пьянеют или заболевают. Никто не может твёрдо сказать, люди они или нелюди, в здравом они уме или нет, но это неважно. *Их нужно изгнать из леса, потому что они опасны. Если они не уйдут сами, их надо выжечь с Земли, как приходится выжигать гнездо жалящих муравьёв в селениях. Если мы будем ждать, выкурят и сожгут нас.* Они наступают на нас, как мы — на жалящих муравьёв. Я видел, как женщина...⁵⁹ Это было, когда они жгли Эшрет, моё селение...⁶⁰ Она легла на тропе перед *ловеком*, прося его о жизни, а он наступил ей на спину, сломал хребет и отшвырнул ногой, как дохлую змею. Я сам это видел. Если *ловеки* — люди, значит, *они не способны или не умеют видеть сны и поступать по-людски*. Они мучаются и потому убивают и губят, гонимые внутренними богами, которых пытаются вырвать с корнем, от которых отрекаются, вместо того чтобы дать им свободу. Если они люди, то плохие — они отреклись от собственных богов и боятся увидеть во мраке собственное лицо. Старшая Хозяйка Кадаста, выслушай меня! — Селвер встал и выпрямился. Среди сидящих женщин он казался очень высоким. — Я думаю, для меня настало время вернуться в мою землю, на Сорноль, к тем, кто изгнан, и к тем, кто томится в рабстве. Скажи всем, кому в снах видится горящее селение, чтобы они шли за мной в Бротер.

Он поклонился Эбор Дендеп и пошёл по тропинке, ведущей из берёзовой рощи. Он всё ещё хромотал, и его плечо было перевязано, но шаг его был быстрым и лёгким, а голова гордо откинута, и казалось, что он сильнее и крепче здоровых людей. Юноши и девушки безмолвно пошли следом за ним.

— Кто это? — спросила вестница из Третата, провожая его взглядом.

— Тот, для кого была твоя весть, Селвер из Эшрета, *бог среди людей*. Тебе когда-нибудь доводилось видеть богов, дочка?

58 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

59 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

60 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Когда мне было десять лет, в наше селение приходил *Флейтист*.

— А, *старый Эртель*! Да-да. Он был сыном моего Дерева и, как я, родом из Северных долин. Ну, так теперь ты увидела ещё одного бога, и более великого. Расскажи о нём в Третате.

— А какой он, *этот* бог, матушка?

— Новый, — ответила Эбор Дендеп своим сухим старческим голосом. — Сын лесного пожара, брат убитых. Он тот, кто не возрождается. Ну,⁶¹ а теперь ступайте отсюда, все ступайте. Узнайте, кто уходит с Селвером, соберите им на дорогу припасы. А меня пока оставьте тут. Меня томят дурные предчувствия, точно глупого старика. Мне надо уйти в сны...⁶²

Вечером Коро Мена проводил Селвера до того места среди бронзовых ив, где они встретились в первый раз. За Селвером на юг пошло много людей, больше шестидесяти — редко кому доводилось видеть, чтобы *столько людей вместе шли куда-то*. Об этом будут говорить все, и потому ещё многие и многие присоединятся к ним по дороге к морской переправе на Сорноль. Но на эту ночь Селвер воспользовался своим правом Сновидца быть одному. Остальные догонят его утром, и тогда в гуще людей и поступков у него уже не будет времени для медленного и глубокого течения Великих Сновидений.

— Здесь мы встретились, — сказал старик, останавливаясь под пологом плакучих ветвей и поникших листьев, — и здесь расстаёмся. Люди, которые будут потом ходить по нашим тропам, наверное, назовут эту рощу *рощей Селвера*.

Селвер некоторое время ничего не говорил и стоял неподвижно, как древесный ствол, а серебро колышущихся листьев вокруг него темнело и темнело, потому что на звёзды напоздали тучи.

— Ты более уверен во мне, чем я сам, — наконец сказал он. Только голос во мраке.

— Да, Селвер!⁶³ Меня хорошо научили уходить в сны, а кроме того, я стар. Теперь я почти не ухожу в сны ради себя. Зачем? Что может быть ново для меня? Всё, чего мне хотелось от моей жизни, я получил, и даже больше. Я прожил всю мою жизнь. Дни, бесчисленные, как листья леса. Теперь я дуплистое дерево, живы лишь корни. И потому я вижу в снах только то, что видят все. У меня нет ни грёз, ни желаний. *Я вижу то, что есть*. Я вижу плод, зреющий на ветке. Четыре года он зреет, этот плод дерева с глубокими корнями. Четыре года мы все боимся, даже те, кто живёт далеко от селений *ловеков*, кто видел *ловеков* мельком, спрятавшись, или видел только их летящие лодки, или смотрел на мёртвую пустоту, которую они оставляют на месте мира, или всего лишь слышал рассказы об этом. *Мы все боимся*. Дети просыпаются с плачем и говорят о великанах, женщины не уходят торговать

61 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

62 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

63 В оригинале «(», т. е. открывающая скобка вместо восклицательного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

далеко, мужчины в Домах не могут петь. *Плод страха зреет. И я вижу, как ты срываешь его. Ты.* Всё, что мы боялись узнать, ты видел, ты изведал — изгнание, стыд, боль. Крыша и стены мира обрушены, матери умирают в страданиях, дети остаются необученными, непригретыми...⁶⁴ В мир пришла новая явь — плохая явь. И ты в муках изведал её всю. И ушёл дальше всех. В дальней дали, у конца чёрной тропы, растёт Дерево, а на нём зреет плод. И ты протягиваешь к нему руку, Селвер, ты срываешь его. А когда человек держит в руке плод *этого* Дерева, чьи корни уходят глубже, чем корни всего леса, мир изменяется весь. Люди узнают об этом. Они узнают тебя, как узнали мы. Не нужно быть стариком или Великим Сновидцем, чтобы узнать бога. Там, где ты проходишь, пылает огонь, только слепые не видят этого. Но слушай, Селвер, вот что вижу я и чего, быть может, не видят другие, и вот почему я тебя полюбил: я видел тебя в сновидениях *до* того, как мы встретились *здесь*. Ты шёл по тропе, и позади тебя вырастали юные деревья — дуб и берёза, ива и остролист, ель и сосна, ольха, вяз, ясень в белых цветках, все стены и крыши мира, обновлённые и вовеки обновляющиеся. А теперь прощай, мой бог и мой сын, и да не коснётся тебя опасность. Иди.

Селвер шёл, а мрак сгущался всё плотнее, и даже его глаза, привыкшие видеть ночью, уже не различали ничего, кроме ступков и изломов черноты. Начал сеяться дождь. Он отошёл от Кадаста всего на несколько километров, а надо либо зажечь факел, либо остановиться. Он решил остановиться и ощупью нашёл удобное место между корнями гигантского каштана. Он сел, прислонившись к кряжистому стволу, который словно ещё хранил частицу солнечного тепла. Мелкие дождевые капли, невидимые в темноте, стучали по листьям сверху, падали на его плечи, шею и голову, защищённые густым шелковистым мехом, на землю, на папоротники и кусты вокруг, на все листья в лесу и близко, и далеко. Селвер сидел так же неподвижно и тихо, как и серая сова на сучу над ним, но он не спал и широко открытыми глазами вглядывался в шелестящий дождём мрак.

64 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Глава 3.

У капитана Раджа Любова болела голова. Боль возникала где-то в мышцах правого плеча и нарастающей волной прокатывалась вверх, разрешаясь громовым ударом над правым ухом. *Центр речи расположен в коре левого полушария головного мозга*, подумал он, но сказать это вслух не смог бы. У него не было сил ни говорить, ни читать, ни спать, ни думать. *Кора — дыра. Мигрень — шагрень, о-о-о!* Да, конечно, его ещё в университете лечили от головных болей, и потом, когда он проходил в армии обязательный профилактический психотерапевтический курс, но, улетая с Земли, он захватил с собой несколько капсул эрготамина — на всякий случай. И уже принял две, а также анальгетик «ангел-цветик», и транквилизатор, и пищеварительную таблетку, чтобы нейтрализовать действие кофеина, нейтрализующего действие эрготамина, однако сверло по-прежнему вгрызалось в череп изнутри, над правым ухом, под буханье литавр. *Ухо, муха, боль, станиоль. Господи помилуй, пойдёшь по мылу...*⁶⁵ *Что делают атшияне, когда у них мигрень? Да не может у них быть мигрени! Они бы ещё за неделю сняли напряжение, уйдя в сны. И ты попробуй...*⁶⁶ *попробуй уйти в грёзы. Начни, как учил тебя Селвер.* Хотя Селвер ничего не знал об электричестве и потому не мог понять принципов энцефалографии, стоило ему услышать об альфа-волнах и о том, когда они возникают, как он сразу сказал: «Ну,⁶⁷ да — ты ведь об этом?» И на ленте, фиксировавшей то, что происходило в этой крошечной голове, покрытой зелёным мхом, сразу появился типичный альфа-график. И за полчаса он научил Любова, *как включать и отключать альфа-ритмы*. В сущности, проще простого. Но не сейчас — сейчас мир слишком давит на нас...⁶⁸ о-о-о, над правым ухом бьёт, и чутким слухом слышу, как Колесница Времени летит вперёд, потому что атшияне сожгли позавчера Лагерь Смиа и убили двести человек. Двести семь, если быть точным. Всех до единого, кроме капитана. Неудивительно, что капсулы не могут добраться до источника его головной боли — для этого нужно вернуться на два дня назад, очутиться на острове в трёхстах километрах отсюда. За горами, за долами. Пепел, пепел, всё рассыпалось пеплом. И в этом пепле — всё, что он знал о высокоразумных существах мира, значащегося под номером сорок один. Прах, вздор, хаос неверных сведений и ложных гипотез. Пробыл здесь почти полных пять землет и верил, что атшияне не способны убивать людей — ни его расы, ни своей собственной. Он писал длинные доклады, объясняя, отчего они не способны убивать людей. И ошибся. *Как ошибся!*

Чего он не сумел увидеть и понять?

65 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

66 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

67 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

68 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Пора было собираться на совещание в штабе. Любов осторожно поднялся на ноги, стараясь не качнуть головой, чтобы её правая сторона не отвалилась. С медлительной плавностью человека, плывущего под водой, он подошёл к столу, плеснул в стакан порционной водки и выпил её. Водка встряхнула его, рассеяла, привела в нормальное состояние. Ему стало легче. Он вышел, решил, что не вынесет тряски мотоцикла, и зашагал по длинной и пыльной Главной улице Центрвилла к зданию штаба. Поравнявшись с баром «Луау», он с жадностью представил себе ещё рюмку водки, но в дверь как раз входил капитан Дэвидсон, и Любов пошёл дальше.

Представители с «Шеклтона» уже ждали в конференц-зале. Коммодор Янг, которого он знал, на этот раз захватил с собой с орбиты новых людей. На них не было лётной формы, и несколько секунд спустя Любов с некоторой растерянностью сообразил, что *это не земляне*. Он сразу же подошёл познакомиться с ними. Первый, господин Ор, был волосатый таукитянин, тёмно-серый, коренастый и угрюмый. Второй, господин Лепеннон, был высок, белокож и красив, как большинство хайнцев. Здороваясь, оба посмотрели на Любова с живым интересом, а Лепеннон сказал:

— Я только что прочёл ваш доклад о сознательном управлении парадоксальным сном у аттичан, профессор Любов.

Это было приятно. И было приятно услышать свой собственный честно заслуженный титул. По-видимому, они прожили несколько лет на Земле и, возможно, были какими-то специалистами по *врасу*. Но коммодор, представляя их, не сказал, кто они и какое положение занимают.

Зал мало-помалу наполнялся. Пришли все, кто чем-либо руководил в колонии. Вслед за Госсе, главным экологом колонии, вошёл капитан Сусун, глава отдела развития природных ресурсов планеты — другими словами, *лесоразработок*. Его капитанский чин, как и капитанский чин Любова, был данью предрассудкам армейского начальства. Вошёл капитан Дэвидсон — стройный и красивый. Его худое сильное лицо дышало суровым спокойствием. У всех дверей встали часовые. Армейские спины были бескомпромиссно выпрямлены. Не заседание, а *расследование*, это ясно. Кто виноват? «Я виноват», — с отчаянием подумал Любов, но посмотрел через стол на капитана Дона Дэвидсона, посмотрел с безгловостью и презрением.

Коммодор Янг заговорил очень спокойно и тихо:

— Как вам известно, господá, мой корабль сделал остановку тут, на сорок первой планете, только чтобы высадить новых колонистов, а порт назначения «Шеклтона» — восемьдесят восьмая планета, *Престно*, входящая в *хайнскую группу*. Однако мы не можем игнорировать нападение на один из ваших дальних лагерей, поскольку оно произошло во время нашего пребывания на орбите. Особенно ввиду некоторых новых событий, о которых при нормальном положении вещей вы были бы извещены несколько позже. Дело в том, что *статус сорок первой планеты как земной колонии теперь подлежит пересмотру*, а резня в вашем лесном лагере может его *ускорить*. В

любом случае мы с вами должны что-то решить немедленно, так как я не могу долго задерживать здесь свой корабль. В первую очередь надо удостовериться, что относящиеся к делу факты известны всем присутствующим. Рапорт капитана Дэвидсона о событиях в Лагере Смита был записан на плёнку, и на корабле мы его все прослушали. И вы здесь тоже? Прекрасно. Если у кого-нибудь из вас есть вопросы к капитану Дэвидсону, задавайте их. У меня вопрос есть. На следующий день, капитан Дэвидсон, вы вернулись в сожжённый лагерь на большом вертолёте с восемью солдатами. Получили ли вы *разрешение* от старшего офицера здесь, в Центре, на этот полёт?

Дэвидсон встал:

— Да, получил.

— Были вы уполномочены приземлиться и поджечь лес в окрестностях бывшего лагеря?

— Нет, не был.

— Однако лес вы подожгли?

— Да, поджёг. Я хотел выкурить пискунов, которые убили моих людей.

— У меня всё. Господин Лепеннон?

Высокий хайнец откашлялся.

— Капитан Дэвидсон, — начал он, — считаете ли вы, что ваши подчинённые в Лагере Смита были в целом всем довольны?

— Да, считаю.

Дэвидсон говорил твёрдо и прямо. Казалось, его не тревожило положение, в котором он оказался. Конечно, этим флотским и инопланетянам он не подчинён и отчитываться за потерю двухсот человек, а также за самовольно принятые карательные меры должен только перед своим полковником. Однако *его полковник присутствует здесь и слушает*.

— Они получали хорошее питание и жили в хороших условиях, насколько это возможно во временном лагере? И рабочие часы у них были нормальными?

— Да.

— Дисциплина была исключительно суровой?

— Нет, конечно.

— В таком случае,⁶⁹ чем вы объясните этот мятеж?

— Я не понял вопроса.

— Если среди них не было никакого недовольства, почему часть ваших подчинённых перебила остальных и подожгла лагерь?

69 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Наступило неловкое молчание.

— Разрешите мне, — сказал Любов. — На землян напали работавшие в лагере местные *врасу*, аттияне, объединившись со своими лесными соплеменниками. В своём рапорте капитан Дэвидсон называет аттиян «*пискунами*».

На лице Лепеннона отразились смущение и озабоченность.

— Благодарю вас, профессор Любов. Я неверно понял ситуацию. Мне представлялось, что слово «*пискунь*» означает категорию землян, выполняющих неквалифицированную работу в лесных лагерях. Считая, как и все мы, что аттияне как раса лишены агрессивности, я не мог предположить, что подразумеваются они. Собственно говоря, я даже не знал, что они вообще сотрудничают с вами в лесных лагерях...⁷⁰ Но тогда мне тем более непонятно, чем были вызваны это нападение и мятеж?

— Я не знаю.

— Когда капитан сказал, что его подчинённые были всем довольны, подразумевал ли он и аборигенов? — буркнул таукитянин Ор.

Хайнец тотчас спросил у Дэвидсона тем же озабоченным вежливым голосом:

— А жившие в лагере аттияне тоже были всем довольны?

— Насколько мне известно, да.

— В их положении там или в порученной им работе не было ничего необычного?

Любов ощутил, как возросло внутреннее напряжение полковника Донга, его офицеров, а также командира звездолёта — словно завернули винт на один оборот. Дэвидсон сохранял невозмутимое спокойствие.

— Ничего.

Любов понял, что на «Шеклтон» отсылались только его научные отчёты, а его протесты и даже предписываемые инструкцией ежегодные оценки «*приспособления аборигенов к присутствию колонистов*» лежат на дне ящика чьего-то стола здесь, в штабе. Эти двое неземлян ничего не знали об эксплуатации аттиян. Они — но не коммодор Янг: он успел несколько раз побывать на планете и, вероятно, видел загоны, в которые запирали пискунов. Да и в любом случае командир корабля, облетающего колонии, не может не знать, как складываются взаимоотношения землян и *врасу*. Как бы он ни относился к деятельности департамента по развитию колоний, вряд ли что-нибудь могло его удивить. Но таукитянин и хайнец — откуда им знать, что творится на колонизируемых планетах? Разве что случай забрасывал их в такую колонию по пути совсем в другое место. Лепеннон и Ор вообще не собирались спускаться здесь с орбиты. Или, возможно, их не собирались

70 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

спускать, но, услышав о чрезвычайном происшествии, они настояли на этом. Почему коммодор взял их сюда? По своей воле или по их требованию? Он не сказал, кто они такие, но *в них чувствовалась привычка распоряжаться, от них веяло сухим опьяняющим воздухом власти*. Голова у Любова больше не болела, он испытывал бодрящее возбуждение, его лицо горело.

— Капитан Дэвидсон, — сказал он, — у меня есть несколько вопросов, касающихся вашей позавчерашней стычки с четырьмя аборигенами. Вы уверены, что среди них был Сэм, или Селвер Теле?

— Да, кажется.

— Вы знаете, что у него с вами личные счёты?

— Не имею ни малейшего представления.

— Нет? Поскольку его жена умерла у вас на квартире сразу после того, как вы учинили над ней насилие, он считает вас виновником её смерти. И вы не знали этого? Он уже один раз бросился на вас здесь, в Центрвилле. И вы забыли про это? Ну, как бы то ни было, личная ненависть Селвера к капитану Дэвидсону, возможно, в какой-то мере объясняет это беспрецедентное нападение или отчасти дала ему толчок. Вспышки агрессивного поведения у атшиян вовсе не исключены — ни одно из моих исследований не давало материалов для подобного утверждения. Подростки, ещё не овладевшие искусством контролировать сновидения и перепевать противника, часто борются между собой или дерутся на кулаках, причём это отнюдь не всегда дружеские состязания. Но Селвер — взрослый мужчина и сновидец. Тем⁷¹ не менее, когда он в первый раз в одиночку бросился на капитана Дэвидсона, им явно руководило стремление *убить*. Как, кстати, и капитаном Дэвидсоном. Я был свидетелем их схватки. В то время я счёл, что это нападение — исключительный случай, минутное безумие, вызванное горем, тяжёлой психической травмой, что оно вряд ли повторится. Я ошибся...⁷² Капитан, когда четверо атшиян бросились на вас из засады, как вы указали в своём рапорте, вас в конце концов прижали к земле?

— Да.

— В какой позе?

Спокойное лицо капитана Дэвидсона напряглось, и Любова кольнула невольная жалость. Он хотел запутать Дэвидсона в его собственной лжи и вынудить хотя бы раз сказать правду, но вовсе не унижать его публично. *Обвинения в изнасиловании и убийстве только поддерживали внутреннее убеждение Дэвидсона, что он — истинный мужчина, но теперь это лестное представление о себе оказывалось под угрозой*. Любов вынудил его вспомнить, как он, профессиональный солдат, сильный, хладнокровный, бесстрашный,

71 В оригинале точка после «Тем». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

72 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

был брошен на землю врагами ростом с шестилетнего ребёнка...⁷³ Во что обошлась Дэвидсону всплывшая в его памяти картина, как он впервые смотрел на зелёных человек не сверху вниз, а снизу вверх?

— Я лежал на спине.

— Голова у вас была откинута или повернута?

— Не помню.

— Я пытаюсь установить определённый факт, капитан, который помог бы объяснить, почему Селвер вас не убил, хотя у него были личные счёты с вами и незадолго до этого он участвовал в истреблении двухсот человек. Я подумал, что вы могли случайно принять одну из тех поз, которые заставляют атшиянина сразу же оставить своего противника.

— Я не помню.

Любов обвёл взглядом сидевших за столом. Все лица выражали любопытство, но некоторые были настороженными.

— Эти умиротворяющие жесты и позы могут опираться на какие-то врождённые инстинкты или представлять собой рудименты реакции бегства, но они получили социальное развитие, усложнились и теперь заучиваются. Для наиболее действенной и совершенной позы покорности надо лечь навзничь, закрыть глаза и повернуть голову так, чтобы подставить противнику ничем не защищённое горло. Я убеждён, что ни один атшиянин на этих островах просто физически не способен причинить вред врагу, принявшему эту позу. И прибегнет к тому или иному способу, чтобы дать выход гневу и желанию убить. Когда они вас повалили, капитан, может быть, Селвер запел?

— Что-что?

— Он запел?

— Не помню.

Стена. Непробиваемая. Любов уже хотел пожать плечами и замолчать, но тут таукитянин спросил:

— Что вы имеете в виду, профессор Любов?

Наиболее приятной чертой довольно жёсткого таукитянского характера была любознательность, бескорыстное и неутомимое любопытство: *таукитяне даже умирали охотно, интересуясь, что будет дальше.*

— Видите ли, — ответил Любов, — атшияне заменяют физический поединок ритуальным пением. Это опять-таки широко распространенное в природе явление, и, возможно, оно опирается на какие-то физиологические моменты, хотя у людей трудно предположить «врождённые инстинкты» такого рода. Но как бы то ни было, здесь у всех

73 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

высших приматов существуют голосовые состязания между двумя самцами — они воют или свистят. В конце концов, доминирующий самец может дать противнику оплеуху, но чаще всего они просто около часа стараются переорать друг друга. Атсияне сами усматривают в этом аналогию со своими певческими состязаниями, которые также бывают только между мужчинами, однако, как они сами отмечают, у них такое состязание не только даёт выход агрессивным побуждениям, но и представляет собой вид искусства. Победа остаётся за более умелым певцом. И я подумал, не пел ли Селвер над капитаном Дэвидсоном, если же пел, то потому ли, что не мог убить, или потому, что предпочёл бескровную победу? Эти вопросы неожиданно приобрели большую важность.

— Профессор Любов, — сказал Лепеннон, — насколько эффективны эти приёмы для разрядки агрессивности? Они универсальны?

— У взрослых — да. Так говорили все те, у кого я собирал сведения, и мои личные наблюдения полностью это подтверждали...⁷⁴ До позавчерашнего дня. Изнасилование, избиение и убийство им практически неизвестны. Конечно, не исключаются несчастные случаи. И тяжёлые мании. Но последние — редкость.

— А как они поступают с опасными маньяками?

— *Изолируют.* В буквальном смысле слова. На уединённых островах.

— Но атсияне не вегетарианцы, они охотятся на животных?

— Да. Мясо принадлежит к основным продуктам их питания.

— Поразительно! — воскликнул Лепеннон, и его белая кожа стала ещё белее от волнения. — Человеческое общество с надёжным антивоенным тормозом? А какой ценой это достигается, профессор Любов?

— Точного ответа я дать не могу. Пожалуй, ценой отказа от изменений. Их общество статично, устойчиво, однородно. У них нет истории. Полнейшая гомогенность и ни малейшего прогресса. Можно сказать, что, подобно лесу, дающему им приют, они достигли оптимального равновесия. Но это вовсе не значит, что они лишены способности к адаптации.

— Господá, всё это очень интересно, но лишь в довольно узком смысле, и не имеет прямого отношения к тому, что мы пытаемся тут установить.

— Извините, полковник Донг, но, возможно, это и есть объяснение. Итак, профессор Любов?

— Возникает вопрос, не доказывают ли они сейчас эту свою способность. Приспосабливая своё поведение к нам. К колонии землян. На протяжении четырёх лет они вели себя с нами так же, как друг с другом. Несмотря на физические различия, они признали в нас членов своего вида, то есть людей. Однако мы вели себя не так, как должны себя вести им подобные. Мы полностью игнорировали систему отношений, права и обязанности,

74 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

сопряжённые с отсутствием насилия. Мы убивали, изгоняли и порабощали людей этой планеты, уничтожали их общины и рубили их леса. *Нет ничего удивительного, если они решили, что нас нельзя считать людьми.*

— А значит, *можно убивать, как животных.* Да-да, конечно, — сказал таукитянин, наслаждаясь логичностью этого построения, но лицо Лепеннона застыло, словно высеченное из белого мрамора.

— *Порабощали?* — переспросил хайнец.

— Капитан Любов излагает свои личные теории и мнения, — поспешно вмешался полковник Донг, — которые, должен сказать прямо, мне представляются ошибочными, и мы с ним уже обсуждали их прежде, но к теме нашего совещания они отношения не имеют. *Мы никого не порабащаем.* Некоторые аборигены играют полезную роль в наших начинаниях. Добровольный автохтонный⁷⁵ корпус является составной частью всех здешних поселений, кроме временных лагерей. У нас не хватает людей для осуществления наших целей, мы постоянно нуждаемся в рабочих руках и используем всех, кого удаётся найти, но отнюдь не в формах, которые подпадали бы под определение *рабства*. Разумеется, нет.

Лепеннон хотел что-то сказать, но промолчал, уступая черёд таукитянину, однако тот спросил только:

— Какова численность обеих рас?

Ему ответил Госсе:

— Землян в настоящее время здесь находится две тысячи шестьсот сорок один человек. Любов и я оцениваем численность местных *врасу* очень приблизительно в три миллиона.

— Вам следовало бы учесть эти статистические данные, прежде чем вы начали менять местные обычаи! — заметил Ор с неприятным, однако вполне искренним смехом.

— Мы достаточно вооружены и оснащены, чтобы противостоять любым агрессивным действиям со стороны аборигенов, — вмешался полковник. — Однако специалисты первой обзорной экспедиции и наши собственные — и в первую очередь капитан Любов — в полном согласии между собой внушали нам, *будто новотаитяне — примитивные, безобидные и миролюбивые существа.* Как выяснилось теперь, эти сведения были явно ошибочными...⁷⁶

— *Явно!* — перебил Ор. — Считаете ли вы, полковник, что *люди как вид — примитивные, безобидные и миролюбивые существа?* Конечно, *нет.* Но вы ведь знали, что *врасу на этой планете — люди?* Точно такие же, как вы, как я или Лепеннон, поскольку все мы восходим к одной хайнской расе?

— Я знаю о существовании такой *гипотезы*...⁷⁷

75 Местный; здесь — состоящий из аборигенов. (Примеч. редакции)

76 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

77 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Полковник, это —⁷⁸ *исторический факт!*

— Я не обязан признавать это фактом! — огрызнулся старик полковник. — И мне не нравится, когда мне *навязывают чужие мнения*. Я знаю другой факт: пискуны ростом в метр, они покрыты зелёным мехом, они не спят, и они *не люди* в том смысле, в каком я понимаю *это слово!*

— Капитан Дэвидсон, — спросил таукитянин, — по-вашему, местные *врасу* — люди или нет?

— Не знаю.

— Но вы совершили половой акт с аборигенкой — с женой этого Селвера. Значит, вы считали её женщиной, а не животным? А остальные? — Он обвёл взглядом побагровевшего полковника, нахмурившихся майоров, взбешённых капитанов и растерянных специалистов. Его лицо выразило *брезгливое презрение*. — Ход ваших мыслей нелогичен, — закончил он.

По его понятиям, это было *грубейшее оскорбление*.

Командир «Шеклона»,⁷⁹ наконец,⁸⁰ вынырнул из омуты общего смущённого молчания:

— Итак, господа, трагические события в Лагере Смита, вне всякого сомнения, тесно связаны с взаимоотношениями, установившимися между колонией и местным населением, а потому их нельзя рассматривать как малозначительный или случайный эпизод. Именно это мы и должны были установить, поскольку в нашем распоряжении есть средство, которое поможет вам выйти из затруднений. Цель нашего полёта вовсе не исчерпывается доставкой сюда двух сотен невест, хотя я и знаю, как вы их ждали. На Престно возникли некоторые сложности, и нам поручено доставить тамошнему правительству *ансибль*⁸¹. Другими словами, АМС — *аппарат мгновенной связи*.

— Что? — воскликнул Серенг, глава инженерной службы. Все земляне растерянно уставились на коммодора Янга.

— У нас на борту находится ранняя его модель, которая обошлась примерно в годовой доход целой планеты. Но с того момента когда мы покинули Землю, прошло двадцать семь *землет*, и теперь их научились изготавливать гораздо дешевле. Ими оснащаются все корабли космического флота, и автоматический корабль или корабль с командой, который доставил бы его

78 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

79 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

80 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

81 В Хайнском цикле (Hainish) произведений (автор: Урсула Кроубер Ле Гуин / Ursula Kroeber Le Guin) термин «ансибль», очевидно, придуман на французский манер: «an-cible» в дословном переводе может значить нечто вроде «год-цель» или «целевой год», а в данном случае — в значении некоего устройства, которое осуществляет связь не просто сквозь пространство, но именно мгновенно через световые годы, т. е. минуя пространственно-временной континуум. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

вам при нормальном положении вещей, уже находится в полёте. Точнее говоря, если я ничего не спутал, это корабль с командой, и он должен прибыть сюда через девять и четыре десятых земгóда.

— Откуда вы знаете? — спросил кто-то, невольно подыграв коммодору, который ответил с улыбкой:

— Из переговоров по нашему ансиблю. Господин Ор, это изобретение ваших сопланетян, так не объясните ли вы его устройство присутствующим?

Таукитянин не смягчился.

— Пытаться объяснять *им* принцип действия ансибля бессмысленно, — сказал он. — Назначение же его можно изложить в двух словах: мгновенная передача сведений на любое расстояние. Один его элемент должен находиться на астрономическом теле, имеющем значительную массу, второй — в любой точке космоса. С момента выхода на орбиту «Шеклтон» ежедневно обменивался информацией с Землёй, находящейся на расстоянии в двадцать семь световых лет. Для передачи вопроса и получения ответа уже не требуется пятидесяти четырёх лет, как при использовании электромагнитных аппаратов. Передача происходит мгновенно, и разрыва во времени между мирами более не существует.

— Едва мы вошли в пространство-время этой планеты, мы, так сказать, *позвонили домой*, — мягко продолжал коммодор. — И нам сообщили, что произошло за двадцать семь лет нашего полёта. Разрыв во времени по-прежнему существует для материальных тел, но не для связи. Вы, конечно, понимаете, что АМС для нас как космических видов важен не меньше, чем была важна речь на более ранней ступени нашей эволюции. Он тоже создаёт возможность для возникновения общества.

— Господин Ор и я покинули Землю двадцать семь лет назад в качестве представителей правительств Тау Второй и Хайна, — сказал Лепеннон. Голос его оставался кротким и вежливым, но из него исчезла всякая теплота. — В то время обсуждалось создание союза или лиги цивилизованных миров, которое стало возможным с появлением мгновенной связи. Сейчас Лига Миров существует. Она существует уже восемнадцать лет. Господин Ор и я являемся теперь эмиссарами Совета Лиги и потому обладаем определёнными полномочиями и властью, которых не имели, когда улетали с Земли.

Эта троица с космолёта твердит о том, будто существует аппарат мгновенной связи, будто существует *межзвёздное надправительство*. Хотите — верьте, хотите — нет. Они сговорились и лгут. Вот какая мысль возникла в мозгу у Любова.

Он взвесил её и решил, что она достаточно логична, но продиктована безотчётной подозрительностью, психическим защитным механизмом, и отбросил её. Однако среди штабных, натренированных мыслить по заданным схемам, среди этих специалистов по самозащите найдётся немало таких, кто уверует в это подозрение так же безоговорочно, как он его отбросил. Они не могут не прийти к выводу, что *человек, вдруг претендующий на совершенно*

новую форму власти, должен быть или лжецом, или заговорщиком. Они бессильны что-либо изменить в своём мировосприятии, как и он сам, Любов, натренированный сохранять беспристрастность и гибкость мышления, хочет он того или нет.

— Должны ли мы поверить всему...⁸² всему *этому*, только полагаясь на⁸³ ваше слово? — произнёс полковник Донг с достоинством, но *жалобно*: его мыслительные процессы протекали недостаточно чётко, и ему было ясно, что не следует верить ни Лепеннону, ни Ору, ни Янгу, но,⁸⁴ тем не менее,⁸⁵ он поверил им и *перепугался*.

— Нет, — ответил таукитянин. — С этим покончено. Прежде колониям вроде вашей приходилось полагаться на сведения, доставляемые космолётами, и устаревшую радиоинформацию. Но теперь вы можете сразу получить все необходимые подтверждения. Мы намерены передать вам ансибль, предназначенный для Престно. Лига уполномочила нас на это — разумеется, через ансибль. Ваша колония находится в тяжёлом положении. В гораздо более тяжёлом, чем можно было заключить по вашим рапортам. Ваши рапорты очень неполны — то ли из-за *глупого неведения*, то ли из-за *сознательной цензуры*. Однако теперь вы получили ансибль и можете прямо снестись с вашим земным руководством, чтобы запросить инструкции. Ввиду глубоких изменений, которые произошли в организации управления Землёй после нашего отлёта, я рекомендовал бы вам сделать это безотлагательно. Теперь нет никаких оправданий ни для безоговорочного следования устаревшим инструкциям, ни для невежества, ни для безответственной автономии.

Стоит таукитянину оскорбиться, и он уже не в силах совладать с собой. Господин Ор позволяет себе лишнее, и коммодор Янг должен был бы его одёрнуть. Но есть ли у него такое право? Какими полномочиями наделён «эmissар Совета Лиги Миров»? Кто здесь главный? Любому вдруг стало *страшно*, и его виски словно стянул железный обруч. Возвращалась головная боль. Он взглянул на сидящего напротив Лепеннона, на переплетённые длинные белые пальцы его рук, которые спокойно лежали, отражаясь в полированной поверхности стола. Мраморная белизна кожи была скорее неприятна Любову, воспитанному в земных эстетических понятиях, но сила и безмятежность этих рук ему нравилась. *У хайнцев цивилизация в крови*, думал он, *ведь они приобжились к ней так давно*. Они вели социально-интеллектуальную жизнь с *грацией охотящейся в саду кошки*, с *неколебимой уверенностью ласточки, летящей через море вслед за летом*. Они достигли всего. Им не надо было притворяться или фальшивить. Они были тем, чем были. Никто не укладывался в параметры человека так

82 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

83 В оригинале точка после «на». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

84 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

85 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

безупречно. Разве только зелёный народец? Измельчав, переприспособившись, застыв в своём развитии, пискуны так абсолютно, так честно, безмятежно были тем, чем были...⁸⁶

Бентон, один из офицеров, спросил Лепеннона, *находятся ли они на планете в качестве наблюдателей Лиги...*⁸⁷ (он запнулся) *Лиги Миров или уполномочены...*⁸⁸

Лепеннон вежливо вывел его из затруднения:

— Мы просто *наблюдатели* и не имеем полномочий распоряжаться. Вы по-прежнему ответственны только перед Землёй.

— Следовательно, ничто в сущности не изменилось! — с облегчением сказал полковник Донг.

— Вы забываете про ансибль, — перебил Ор. — Сразу после совещания я научу вас пользоваться им. И вы сможете проконсультироваться с вашим департаментом.

Заговорил Янг:

— Поскольку решение вашей проблемы не терпит отлагательств, а Земля теперь стала членом Лиги и Колониальный кодекс за последние годы мог значительно измениться, совет господина Ора весьма разумен и своевремен. Мы должны быть очень благодарны господину Ору и господину Лепеннону за их решение предоставить земной колонии ансибль, предназначенный для Престно. Это было *их* решение. Я же мог только от всего сердца с ними согласиться. Теперь остаётся ещё один вопрос, решить который должен я, опираясь на ваше мнение. Если вы считаете, что колонии угрожают новые нападения всё большего числа аборигенов, я могу задержать мой корабль здесь ещё недели на две для пополнения вашего оборонительного оружия. Кроме того, я могу эвакуировать женщин. Детей в колонии пока ещё нет, не так ли?

— Да, — сказал Госс. — А женщин тут теперь четыреста восемьдесят две.

— Что же, у меня есть место для трёхсот восьмидесяти пассажиров. Ещё сто как-нибудь разместим. Лишняя масса замедлит возвращение домой примерно на год, но и только. К сожалению, ничего больше я вам предложить не могу. Мы должны лететь дальше, на Престно, ближайшую к вам планету, расстояние до которой, как вы знаете, чуть меньше двух световых лет. На обратном пути к Земле мы опять побываем здесь, но это будет не раньше чем через три с половиной *земгода*. Вы столько *продержитесь*?

— Конечно, — сказал полковник, и остальные поддержали его. — Мы *предупреждены*, и больше нас *врасплох* не застанут.

86 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

87 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

88 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— А аборигены? — сказал таукитянин. — Они смогут продержаться ещё три с половиной года?

— Да, — сказал полковник.

— Нет, — сказал Любов. Он всё это время следил за выражением лица Дэвидсона, и в нём нарастало что-то похожее на *панику*.

— Полковник? — вежливо осведомился Лепеннон.

— Мы здесь уже четыре года, и аборигены благоденствуют. Места хватает для всех нас с избытком — как вам известно, планета очень мало населена, и её никогда не открыли бы для колонизации, если бы дело обстояло иначе. Ну,⁸⁹ а если им снова взбредёт в голову напасть, они нас больше врасплох не застанут. Нас неверно информировали относительно характера этих аборигенов, но мы прекрасно вооружены и сумеем защититься, хотя никаких карательных мер мы не планируем. Колониальный кодекс абсолютно запрещает что-либо подобное, и, пока я не узнаю, какие правила ввело новое правительство, мы будем строго соблюдать прежние правила, как всегда их соблюдали, а в них прямо указано на *недопустимость широких карательных действий или геноцида*. Просьб о помощи мы посылать не будем: в конце-то концов, колония, удалённая от родной планеты на двадцать семь световых лет, должна рассчитывать главным образом на собственные ресурсы и вообще полагаться только на себя, и я не вижу, как АМС может что-либо изменить в этом отношении, поскольку корабли, люди и грузы, как и раньше, перемещаются в космосе со скоростью, всего лишь близкой к световой. Мы будем по-прежнему отправлять на Землю лесоматериалы и сами о себе заботиться. Женщинам никакой опасности не грозит.

— Профессор Любов? — сказал Лепеннон.

— Мы здесь четыре года, и я не уверен, что местная человеческая культура сможет выдержать ещё четыре. Что касается общей экологии планеты, полагаю, Госсе подтвердит мои слова, если я скажу, что *мы невосстановимо погубили экологические системы на одном Большом острове, нанесли им огромный ущерб здесь, на Сорноле, который можно считать почти материком, и, если лесоразработки будут продолжаться нынешними темпами, ещё до конца десятилетия почти наверное превратим в пустыню все крупные обитаемые острова*. Ни штаб колонии, ни Лесное бюро в этом не виноваты: они просто следовали «*плану развития*», который был составлен на Земле на основании далеко не достаточных сведений о планете, её экологических системах и аборигенах.

— Мистер Госсе? — произнёс вежливый голос.

— Ну, Радж, вы, пожалуй, *преувеличиваете*. Бесспорно, Свалку — остров, где, вопреки моим рекомендациям, лесоразработки велись слишком интенсивно, — приходится сбросить со счетов. Если на определённой площади лес вырубается свыше определённого процента, *фибровник* отмирает, а именно корневая система этого растения связывает почву на расчищенной

89 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

земле, без чего почва превращается в пыль и стремительно уносится ветрами и ливнями. Однако я не могу согласиться с тем, что данные нам установки неверны, — надо лишь строго им следовать. Они опираются на тщательное изучение планеты. И здесь, на Центральном острове, мы, точно следуя плану, добились успеха — эрозия незначительна, а расчищенная земля очень плодородна. Разработка леса вовсе не означает создания пустыни — ну,⁹⁰ разве что с точки зрения бёлки. Мы не знаем точно, как экосистемы здешних первобытных лесов приспособятся к новой комбинации леса, степи и пахотной земли, предусмотренной планом развития, но мы знаем, что во многих случаях шансы на адаптацию и выживание очень велики...⁹¹

— Именно это утверждало экологическое бюро, когда речь шла об Аляске в первый период первого пищевого кризиса, — перебил Любов. Горло у него сжало судорога, и голос звучал пронзительно и хрипло. А он-то надеялся, что Госсе его поддержит! — Сколько ситкинских елей⁹² вам довелось увидеть за вашу жизнь, Госсе? Сколько белых сов? Или волков? Или эскимосов? После пятнадцати лет осуществления «программы развития» сохранилось около⁹³ трёх процентов исконных аляскинских видов, как растений, так и животных. А сейчас их число равно нулю. Лесная экология очень хрупка. Если лес гибнет, с ним гибнет и его фауна. А в языке атшихан лес называется тем же словом, которое означает *мир*,⁹⁴ *Вселенную*. Коммодор Янг, я официально ставлю вас в известность, что, *если колонии непосредственная опасность пока не грозит, она грозит всей планете*...⁹⁵

— Капитан Любов! — перебил старый полковник. — Офицеры специальных служб не могут обращаться с подобными заявлениями к офицерам других служб, но только к руководству колонии, которое одно правомочно их рассматривать, и я не потерплю дальнейших попыток давать рекомендации без предварительного согласования.

Любов, застигнутый врасплох собственной вспышкой, извинился и попытался принять спокойный вид. *Если бы он не потерял контроля над собой! Если бы у него не сорвался голос! Если бы у него хватило выдержки*...⁹⁶ А полковник тем временем продолжал:

90 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

91 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

92 Sitka spruce, ель ситкинская (иногда ситхинская, лат. Picea Sitchensis) — хвойное дерево, распространённое на северо-западном побережье США и Канады, в том числе в штатах Аляска, Вашингтон и Орегон, и на севере штата Калифорния. С 1962 года — дерево-символ (state tree) штата Аляска (Alaska); название по основанному в 1799 году городу-порту на о. Баранова (Baranof Island) Ситка (Sitka), который до 1906 года был столицей Аляски. Достигает высоты 30-50 м, отдельные экземпляры — до 68 м; наиболее высокое хвойное дерево в Северной Америке. Возраст самых старых деревьев около 750 лет. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

93 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

94 В оригинале точка вместо запятой, хотя предложение продолжается. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

95 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

96 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Нам представляется, что вы допустили серьёзные ошибки в оценке миролюбия и отсутствия агрессивности у здешних аборигенов, и мы не предвидели и не предотвратили страшную трагедию в Лагере Смита именно потому, что *положились на ваше мнение*, как мнение специалиста, капитан Любов. Поэтому я думаю, что нам придётся подождать, пока другие специалисты по *врасу* не смогут изучить их глубже, поскольку факты свидетельствуют, что ваши заключения содержали существеннейшие ошибки.

Любов принял это молча. Пусть Янг и инопланетяне посмотрят, как *они сваливают вину друг на друга*. Тем лучше! Чем больше они будут препираться, тем вероятнее, что эти эмиссары проведут инспекцию, возьмут их под контроль. И ведь он действительно виноват, он действительно ошибся! «*К чёрту самолюбие, лишь бы уберечь лесных людей!*» — подумал Любов и с такой силой ощутил всю глубину своего унижения и самопожертвования, что у него на глаза навернулись слёзы.

Тут он заметил, что Дэвидсон внимательно на него поглядывает.

Он выпрямился, лицо у него горело, в висках стучала кровь. Он не станет терпеть насмешек этой скотины Дэвидсона⁹⁷. Неужели Ор и Лепеннон не видят, что такое Дэвидсон и какой он здесь пользуется властью, тогда как его, Любова, власть — одна фикция, исчерпывающаяся правом «*давать рекомендации*»? Если всё ограничится установкой этого их сверхрадио, трагедия в Лагере Смита почти наверняка станет *предлогом для систематического истребления аборигенов*. С помощью бактериологических средств, скорее всего. Через три с половиной года «Шеклтон» вернётся на Новое Таити и найдёт тут процветающую колонию и никаких трудностей с пискунами. Абсолютно никаких. Эпидемия — такая жалость? Мы приняли все меры, требуемые Колониальным кодексом, но, вероятно, произошла мутация — ни малейшей резистентности, но,⁹⁸ тем не менее,⁹⁹ мы сумели спасти часть их, перевезя на Новофолклендские острова в южном полушарии, где они прекрасно себя чувствуют — все шестьдесят два аборигена.

Совещание закончилось. Любов встал и перегнулся через стол к Лепеннону.

— Сообщите Лиге, что *необходимо спасти лес, лесных людей*, — сказал он еле слышно, потому что судорога сжимала его горло. — Вы должны это сделать, *должны!*

Хайнец посмотрел ему в глаза. Его взгляд был ласковым, сдержанным, бездонным. Он ничего не ответил.

97 В оригинале «Дэвид-сона» через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

98 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

99 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Глава 4.

Рассказать кому-нибудь — не поверят! Они все свихнулись. Эта проклятая планета им всем мозги набекрень сдвинула, одурманила, вот они и дрыхнут наяву, не хуже пискунов. Да если бы ему самому ещё раз прокрутили то, чего он насмотрелся на этом «совещании» и на инструктаже после, он бы не поверил. Командир корабля Звёздного флота лижет пятки двум гуманоидам? Инженеры и техники визжат и пускают слюни из-за какого-то дурацкого радио, а волосатый таукитянин измывается над ними и бахвалится, словно земная наука давным-давно не предсказала появление АМС¹⁰⁰? Гуманоиды идейки-то свистнули, использовали и назвали свою штуковину *ансиблем*, чтобы никто не сообразил, что это всего-навсего АМС. Но хуже всего было это их совещание, когда псих Любов орал всякую чушь, а полковник Донг не заткнул ему пасть, позволил оскорблять и Дэвидсона, и весь штаб, и всю колонию, а эти две инопланетные морды сидят и ухмыляются — плюговая серая макака и долговязая бледная немочь, сидят и *потешаются над людьми!*

Хуже некуда. Но и когда «Шеклтон» улетел, лучше не стало. Ну ладно, пусть его отправили на Новую Яву в распоряжение майора Мухамеда¹⁰¹, он не в претензии. Полковник должен был наложить на него дисциплинарное взыскание. В душе-то старик Динг-Донг наверняка одобряет, что он прошёлся с огоньком по острову Смита и дал урок пискунам, но сделал он это по собственной инициативе, а дисциплина есть дисциплина, и полковник обязан был призвать его к порядку. Что поделаешь, играть надо по правилам. Но вот какое отношение к правилам имеет то, *что* вякает их телевизор-переросток, который они называют *ансиблем*? Этот их новый идол в штаб-квартире, на который они не намолятся?

Инструкции из Карачи, от департамента развития колоний. *«Не допускать контактов между землянами и атишиянами, кроме тех, инициаторами которых будут атишияне»*. Проще говоря, с этих пор от пискунных нор держись подальше, а рабочую силу ищи,¹⁰² где хочешь! *«Использование добровольного труда не рекомендуется, использование принудительного труда запрещается»*. Опять двадцать пять! А как тогда вести лесоразработки, об этом они подумали? Нужны Земле эти брёвна и доски или нет? Небось всё ещё шлют робогрузовозы на Новое Таити по четыре в год и каждый везёт на Землю первоклассные пиломатериалы на тридцать миллионов неодоолларов. Естественно, департаменту эти миллиончики очень даже кстати. Там сидят деловые люди. И инструкции идут не от них, это и дураку ясно.

100 В оригинале вдруг «АМС», т. е. «АМ» латиницей (также см. 181). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

101 В оригинале так и было «Мухамеда» (не исправляю ни тут, ни далее по тексту, причём без дополнительных сносок). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

102 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

«Колониальный статус сорок первой планеты пересматривается». Новым Таити её уже больше не называют, скажите,¹⁰³ пожалуйста! «До вынесения окончательного решения колонисты должны соблюдать предельную осторожность в отношениях с местными обитателями...»¹⁰⁴ Использование какого бы то ни было оружия, кроме мелкокалиберных пистолетов, предназначенных для самозащиты, категорически запрещается». Прямо как на Земле, только там и пистолеты давно запрещены. Но за каким, спрашивается, чёртом человек пролетел расстояние в двадцать семь световых лет, если на неосвоенной планете у него отбирают и автоматы, и огненный студень, и бомбы-лягушки? Нет-нет! Сидите себе, посиживайте, пай-мальчики, а пискуны пусть спокойненько плюют тебе в лицо, и распевают над тобой песни, и втыкают тебе нож в брюхо, и жгут твой лагерь! Но ты и пальцем не тронь милых зелёных малюток. И думать не смей!

«Всемерно рекомендуется политика воздержания от контактов, какие бы то ни было агрессивные или карательные действия строго запрещаются».

Вот она, суть всех этих «ансиглеграмм», и любой дурак сообразил бы, что шлёт их не колониальный департамент. Не могли же они там настолько измениться за тридцать лет! Это всё были практичные люди, они трезво смотрели на вещи и знали, какова жизнь на неосвоенных планетах. Всякому, кто не спятил от *геошока*, должно быть ясно, что это фальшивки. Может, они прямо заложены в аппарат — набор ответов на наиболее вероятные вопросы и выдаёт их аналитическое устройство. Инженеры, правда, вякают, что они бы такое сразу обнаружили. Может, и так. Тогда, значит, эта штука и в самом деле даёт мгновенную связь с другой планетой, да только не с Землёй. Вот это уж точно! Во второй передатчик ответы вкладывают не люди, а инопланетяне, гуманоиды. Скорее всего,¹⁰⁵ таукитяне: аппарат сконструировали они и вообще соображать, подлецы, умеют. Как раз из тех, кто наверняка замышляет прибрать к рукам всю Галактику. Хайнцы, конечно, с ними столкнулись: розовые слюни в ансиглеграммах так и отдают хайнцами. Какая их конечная цель — отгадать, сидя здесь, непросто. Может, рассчитывают ослабить Землю, втянув её в эту афёру с Лигой Миров. Ну,¹⁰⁶ а что они затеяли тут, на Новом Таити, понять легко: предоставят пискунам разделаться с людьми —¹⁰⁷ и концы в воду. Свяжут по рукам и ногам ансиглевыми фальшивками, и пусть их режут все,¹⁰⁸ кому не лень. Гуманоиды помогают гуманоидам — крысы помогают крысам.

А полковник Донг всё это кушает. И намерен выполнять приказы. Так прямо и заявил: *«Я намерен выполнять приказы Земли, а вы, Дон, вы, чёрт побери, будете выполнять мои приказы, а на Новой Яве — приказы майора Мухамеда».* Дурак он старый, Динг-Донг, но Дэвидсон ему нравится, а он — Дэвидсону. Какие там ещё приказы, когда надо спасти человечество от заговора гуманоидов! Но старика всё-таки жаль! Дурак, зато мужественный и

103 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

104 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

105 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

106 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

107 В оригинале запятая вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

108 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

верный долгу. Не прирождённый предатель, не то что Любов — ханжа, нытик, язык без костей. Вот пусть пискуны его первым и прикончат, умника Раджа Любова, прихвостня гуманоидов.

Некоторые люди, особенно среди *азиев* и *хиндазиев*, так и рождаются предателями. Не все, конечно, но некоторые. А некоторые люди рождаются спасителями. Ну,¹⁰⁹ так уж они устроены, и никакой особой заслуги тут нет — как в *евроафрском* происхождении или в крепком телосложении. Он так на это и смотрит. Если в его силах будет спасти мужчин и женщин Нового Таити, он их спасёт, а если нет — он¹¹⁰, во всяком случае, сделает, что сможет, и говорить больше не о чём.

А,¹¹¹ да — женщины! Это, конечно, обидно. Вывезли с Новой Явы всех до единой и больше из Центрвилла не шлют никого. «Пока ещё опасно», — ничего умнее в штабе не придумали! А каково ребятам в трёх дальних лагерях, это они учитывают? Пискуний не тронь, баб всех забрали в Центрвилл — на что они, собственно, рассчитывают? Ясное дело, ребята озлятся. Ну, да долго это не протянется. Такая идиотская ситуация стабильной быть не может. Если теперь, после отлёта «Шеклатона», они не вернутся понемножку в прежнюю колею, капитану Д. Дэвидсону придётся легонько их подтолкнуть. Ладно, он готов потрудиться сверх положенного, лишь бы всё пришло в норму.

В то утро,¹¹² когда он улета́л с Центрального, они отпустили всех рабочих пискунов — иди,¹¹³ гуляй! Закатили благородную речугу на ломаном наречии, открыли ворота загона и выпустили всех ручных пискунов — всех до единого: носильщиков, землекопов, поваров, мусорщиков, домашних слуг и служанок, ну,¹¹⁴ всю ораву. И хоть бы один остался! А ведь некоторые служили у своих хозяев с самого основания колонии, четыре *земго́да*! Но они о верности и понятия не имеют! Собака там или шимпанзе хозяина бы не бросили. А эти ещё и до собак не развились, остались на одном уровне с крысами и змеями: умишка только на то и хватает, чтобы обернуться и тяпнуть тебя, едва выпустишь их из клетки. Динг-Донг совсем спятил — выпустил пискунов прямо рядом с городом. Надо было свезти их всех на Свалку: пусть бы передохли там с голоду. Но эти два гуманоида и их говорящий ящик здорово напугали Донга. И если бы дикие пискуны на Центральном задумали устроить резню, как в Лагере Смита, у них теперь хоть отбавляй полезных помощников, которые знают город, знают порядки в нём, знают, где находится арсенал, где выставляются часовые и всё прочее. Ну, если Центрвилл спалят, пусть там в штабе сами себе «спасибо» скажут. Собственно говоря, ничего другого они и не заслуживают. За то, что позволили предателям задурить себе голову, за то, что послушали гуманоидов и пренебрегли советами людей, которые знают, что такое пискуны на самом деле.

109 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

110 В оригинале «нет —он», т. е. без пробела после тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

111 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

112 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

113 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

114 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Никто из штабных молодчиков не слетал, как он, в лагерь, не поглядел на золу, на разбитые машины, на обгоревшие трупы. А труп Ока — там, где они перебили команду лесорубов...¹¹⁵ У него из обоих глаз торчали стрёлы, будто какое-то жуткое насекомое высунуло усики и нюхает воздух. А, чёрт! Так и мерещится, так и *мерещится*!

Хоть одно хорошо: что бы там ни требовали фальшивки, а у ребят на Центральном будет для защиты кое-что получше «мелкокалиберных пистолетов». У них есть огнемёты и автоматы. Шестнадцать малых вертолётчиков оснащены пулемётами, и с них удобно бросать банки с огненным студнем. А пять больших вертолётчиков несут полное боевое вооружение. Ну, да оно им и не понадобится. Достаточно подняться на малом вертолёте над расчищенными районами, отыскать там ораву пискунов с их чёртовыми луками и стрелами да забросать банками со студнем, а потом любоваться сверху, как они мечутся и горят. Вот это дело! Представляешь себе их —¹¹⁶ и в животе теплеет, словно о бабе думаешь или вспоминаешь, как этот пискун, Сэм, бросился на тебя, а ты ему в четыре удара всю морду разворотил. А всё эйдетическая память да воображение поярче, чем у некоторых, — никакой его заслуги тут нет, просто *так уж он устроен*.

По правде сказать, *мужчина только тогда по-настоящему и мужчина, когда он переспал с бабой или убил другого мужчину*. Конечно, это он не сам придумал, а в какой-то старинной книжке вычитал, но что правда, то правда. Вот почему ему нравится рисовать в воображении *такие картины*. Хотя, конечно, *пискуны — и не люди вовсе*.

Новой Явой назывался самый южный из пяти Больших островов, расположенный лишь чуть севернее экватора. Климат там был более жаркий, чем на Центральном и на острове Смита, где температура круглый год держалась приятно умеренная. Более жаркий и гораздо более влажный. В период дождей на Новом Таити они выпадали повсюду, но на Северных островах с неба тихо сеялись мельчайшие капли, и ты не ощущал ни сырости, ни холода. А здесь дождь лил как из ведра и на остров постоянно обрушивались тропические бури, когда не то что работать, а носа на улицу высунуть невозможно. Только надёжная крыша спасает от дождя — ну,¹¹⁷ и лес. До того он тут *густ*, проклятый, что никакой ураган его не берёт. Конечно, со всех листьев капает вода, и оглянуться не успеешь, как ты уже насквозь мокрый, но если зайти в лес поглубже, то и в самый разгар бури даже ветерка не почувствуешь, а чуть выйдешь на опушку — *блям!* Ветер собьёт тебя с ног, облепит жидкой, рыжей глиной, в которую ливень превратил всю расчищенную землю, и ты опрометью бросаешься назад, в лес, где темно, душно и ничего не стоит заблудиться.

115 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

116 В оригинале запятая вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

117 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Ну,¹¹⁸ и здешний командующий, майор Мухамед — сукин сын, *законник*! Всё только по инструкции:¹¹⁹ просеки шириной точно в километр, чуть брёвна вывезут — сажай *фибровник*, отпуск на Центральный получай строго по расписанию, гаалюциногены выдаются ограниченно, употребление их в служебные часы карается, и так далее, и тому подобное. Только одно в нём хорошо: не бегают по каждому поводу радировать в Центр. Новая Ява — его лагерь, и он командует им на свой лад. Приказы из штаб-квартиры он получать ох как не любит. Выполнять-то он их выполняет: пискунов отпустил и всё оружие, кроме детских пукалок, сразу запер, едва пришло распоряжение. Но предпочитает обходиться без приказов, а уж без советов и подавно — и от Центра, и от кого другого. Из этих, из ханжей: *всегда уверен, что он прав. Самая главная его слабость.*

Когда Дэвидсон служил в штабе, ему иногда приходилось заглядывать в личные дела офицеров. Его редкостная память хранила все подобные сведения, и он, например, вспомнил, что коэффициент умственного развития у Мухамеда равнялся 107, а его собственный, между прочим, — 118. Разница в 11 пунктов, но, конечно, старику Му¹²⁰ он этого сказать не может, а сам Му¹²¹ в жизни не расчушает, и заставить его слушать нет никакой возможности. Воображает, будто во всём разбирается лучше Дэвидсона, вот так-то.

Собственно говоря, они все здесь поначалу были колючие. Никто на Новой Яве ничего толком про бойню в Лагере Смита не знал — слышали только, что тамошний командующий за час до нападения улетел на Центральный, а потому единственный из всех остался в живых. Ну,¹²² если так на это поглядеть, действительно, *выходит скверно*. И можно понять, *почему* они сперва на него *косились, словно он несчастье приносит, а то и вовсе как на шуду*. Но когда узнали его поближе, переменили мнение. Поняли, что он не дезертир и не предатель, а наоборот, всего себя отдаёт, чтобы уберечь колонию на Новом Таити от предательства. И поняли, что *сделать планету безопасной для земного образа жизни можно, только избавившись от пискунов*.

Втолковать всё это лесорубам было не так уж и трудно. Они этих зелёных крыс никогда особенно не обожали: весь день заставляй их работать да ещё всю ночь сторожи! Ну,¹²³ а теперь они поняли, что *пискуны — твари не просто пакостные, но и опасные*. Когда он рассказал им, что увидел на острове Смита, когда объяснил, как два гуманоида на корабле космолота обдурили штабных, когда втолковал им, что уничтожение земель на Новом Таити — всего лишь малая часть заговора инопланетян против Земли, когда он напомнил им бесстрастные неумолимые цифры (*две с половиной тысячи человек против трёх миллионов пискунов*), вот тогда они по-настоящему поверили в него.

118 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

119 В оригинале точка с запятой вместо двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

120 В оригинале «Му» латиницей. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

121 В оригинале «Му» латиницей. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

122 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

123 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Даже здешний представитель экологического контроля на его стороне. Не то что бедняга Кеес, который злился, что ребята стреляют оленей, а потом сам получил заряд в живот от подлых пискунов.

Этот, *Атранда*, ненавидит пискунов всем нутром. Можно сказать, *помешался на них*, точно *геошок* получил или что похуже. До того *боится*, как бы пискуны не напали на лагерь, что *ведёт себя хуже всякой бабы*. Но хорошо, что можно рассчитывать на местного *специала*.

Начальника лагеря убеждать смысла нет: сразу видно, что Мухамеда не обломаешь. Косный тип. И настроен против него — из-за того, что произошло в Лагере Смита. Чуть не прямо сказал, что *не считает его надёжным офицером*.

Сукин сын, ханжа, но что он ввёл тут такую строгую дисциплину —¹²⁴ это хорошо. *Вымуштрованных людей, привыкших выполнять приказы, легче прибрать к рукам, чем распущенных умников*, и легче превратить в боевой отряд для оборонительных и наступательных действий, когда он возьмёт на себя командование. А взять на себя командование придётся: Му¹²⁵ — неплохой начальник лагеря лесорубов, но солдат никудышный.

Дэвидсон постарался заручиться поддержкой кое-кого из лучших лесорубов и младших офицеров, покрепче привязать их к себе. Он не торопился. Когда он убедился, что им можно по-настоящему доверять, десять человек забрались в полные военных игрушек подвалы клуба, которые старик Му¹²⁶ держал под замком, унесли оттуда кое-что, а в воскресенье отправились в лес *поиграть*.

Дэвидсон ещё за несколько недель до этого отыскал там селение пискунов, но *приберёг удовольствие для своих ребят*. Он бы и один справился, только *так* было лучше. Это сплавивает людей, связывает их узами истинного товарищества. Они просто вошли туда среди бела дня, всех схваченных пискунов вымазали огненным студнем и сожгли, а потом облили крыши нор керосином и зажарили остальных. Тех, кто пытался выбраться, мазали студнем. Вот тут-то и был самый смак: ждать у крысиных нор, пока крысы не полезут наружу, дать им минутку — пусть думают, будто спаслись, а потом подпалить снизу, чтобы горели,¹²⁷ как факелы. Зелёная шерсть трещала — *обхохочешься*.

Вообще-то говоря, это было немногим сложнее, чем охотиться на настоящих крыс — чуть ли не единственных диких неохраняемых животных, сохранившихся на матушке-Земле, и всё-таки интереснее: пискуны ведь куда крупнее, и к тому же знаешь, что они могут на тебя кинуться, хотя на этот раз сопротивляться никто и не пробовал. А некоторые, вместо того чтобы бежать, даже *ложились на спину и закрывали глаза*. Прямо тошнит! Ребята тоже так подумали, а одного и вправду *стошнило*, когда он *сжёл такого лежачего*.

124 В оригинале запятая вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

125 В оригинале «Му» латиницей. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

126 В оригинале «Му» латиницей. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

127 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

И хоть отпусков ни у кого давно не было, ребята ни одной самки в живых не оставили. Заранее всё обговорили и решили, что *это уж слишком смахивает на извращение*. Пусть у них и есть сходство с женщинами, но они нелюди, и лучше просто полюбоваться, как они горят, а самому остаться чистым. Они все с этим согласились, и никто от своего решения не отступил.

А в лагере ни один не проговорился: даже закадычным друзьям не похвастал. Надёжные ребята! Мухамед про эту воскресную экскурсию ничего не узнал. Ну,¹²⁸ и пусть думает, что его подчинённые все как один пай-мальчики, валят себе лес, а пискунов за километр обходят. Вот так-то. И не надо ему ничего знать, пока не придёт решительный день.

Потому что *пискуны нападут. Обязательно. Где-нибудь*. Может, тут, а может, на какой-нибудь из лагерей на Кинге или на Центральном. Дэвидсон знал это твёрдо. Единственный офицер во всей колонии, который знал это с самого начала. Никакой его заслуги, просто он знал, что прав. Остальные ему не верили — никто, кроме здешних ребят, которых у него было время убедить. Но и все прочие рано или поздно убедятся, что он не ошибся.

И он не ошибся.

Глава 5.

Столкнувшись лицом к лицу с Селвером, он испытал настоящий шок. И в вертолёте на обратном пути в Центрвилл из селения среди холмов Любов пытался понять, *почему* это случилось, пытался проанализировать, какой нерв вдруг сдал. Ведь, как правило, *случайная встреча с другом ужаса не вызывает*.

Не так-то легко было добиться, чтобы Старшая Хозяйка его пригласила. Всё лето он вёл исследования в Тунтаре. Он нашёл там немало отличных помощников, которые охотно и подробно отвечали на его вопросы, наладил хорошие отношения с Мужским Домом, а Старшая Хозяйка позволяла ему не только беспрепятственно наблюдать жизнь общины, но и принимать в ней участие. Добиться от неё приглашения через посредство бывших рабов, которые оставались в окрестностях Центрвилла, удалось не скоро, но в конце концов она согласилась, так что он отправился туда *«по инициативе атшиян»*, как предписывали новые инструкции. Собственно, если бы он их нарушил, полковник особенно возражать не стал бы, но *этого требовала его совесть*. А Донг очень хотел, чтобы он отправился туда. Его тревожила *«пискунья угроза»*, и он поручил Любому оценить ситуацию, *«посмотреть, как они реагируют на нас теперь, когда мы совершенно не вмешиваемся в их жизнь»*. Он явно надеялся получить успокоительные сведения, но Любов не мог решить, успокоит ли его доклад полковника Донга или нет.

В радиусе двадцати километров вокруг Центрвилла лес был вырублен полностью и пни все уже сгнили. Теперь это была унылая плоская равнина, заросшая *фибровником*, который под дождём выглядел лохматым и серым. Под защитой его волосатых листьев набирали силу ростки сумаха, карликовых осин и разного кустарника, чтобы потом, в свою очередь, защищать ростки деревьев. Если эту равнину не трогать, на ней в здешнем мягком дождливом климате за тридцать лет поднимется новый лес, который через сто лет станет таким же могучим, как прежний. *Если её не трогать...*¹²⁹

Внезапно внизу снова возник лес — в пространстве, а не во времени: бесконечная разнообразная зелень листьев укрывала волны холмов Северного Сорноля.

Как и большинство землян на Земле, Любов никогда в жизни не гулял под дикими деревьями, никогда не видел леса, а только парки и городские скверы. В первые месяцы на Атши лес угнетал его, вызывал тревожную неуверенность — этот бесконечный трёхмерный лабиринт стволов, ветвей и листьев, окутанный вечным буровато-зелёным сумраком, вызывал у него ощущение *удушья*. Бесчисленное множество соперничающих жизней, которые, толкая друг друга, устремлялись вширь и вверх к свету, тишина,

¹²⁹ См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

слагавшаяся из мириад еле слышных, ничего не значащих звуков, абсолютное растительное равнодушие к присутствию разума — всё это тяготило его, и, подобно остальным землянам, он предпочитал расчистки или открытый морской берег. Но мало-помалу лес начал ему нравиться. Госссе поддразнивал его, называл *господином Гиббоном*. Люб и правда чем-то напоминал гиббона: круглое смуглое лицо, длинные руки, преждевременно поседевшие волосы. Только *гиббоны давно вымерли*. Но нравился ему лес или нет, как специалист по *врасу* он обязан был уходить туда в поисках *врасу*. И теперь, четыре года спустя, он чувствовал себя среди деревьев как дома, больше того, — пожалуй, нигде ему не было так легко и спокойно.

Теперь ему нравились и названия, которые атшияне давали своим островам и селениям, звучные двусложные слова: Сорноль, Тунтар, Эшрет, Эшсен (на его месте вырос Центрвилл), Эндтор, Абтан, а главное — *Атши*, слово, обозначающее и «лес», и «мир». Точно так же слово «земля» на земных языках обозначало и *почву*, и *планету* — два смысла и единый смысл. Но для атшиян почва, земля не была тем, куда возвращаются умершие и чем живут живые, — основой их мира была не земля, а лес. Землянин был прахом, красной глиной. Атшиянин был веткой и корнем. Они не вырезали своих изображений из камня — только из дерева.

Он посадил вертолёт на полянке севернее Тунтара и направился туда, минуя Женский Дом. Его обдало острыми запахами атшийского селения — древесный дым, копчёная рыба, ароматические травы, пот другой расы. Воздух подземного жилища, куда землянин мог заползти лишь с трудом, представлял собой невероятную смесь углекислого газа и разнообразной вони. Люб провёл немало упоительно интеллектуальных часов, скорчившись в три погибели и задыхаясь в смрадном полумраке Мужского Дома Тунтара. Но на этот раз вряд ли стоило надеяться, что его пригласят туда.

Разумеется, тунтарцы знают о том, что произошло в Лагере Смита полтора месяца назад. И конечно, узнали об этом почти немедленно — вести облетают острова с поразительной быстротой, хотя и не настолько быстро, чтобы можно было всерьёз говорить о «*таинственной телепатической силе*», в которую так охотно верят лесорубы. Знают они и о том, что тысяча двести рабов в Центрвилле были освобождены вскоре после резни в Лагере Смита, и Люб согласился с опасениями полковника Донга, что *aborigены сочтут второе событие следствием первого*. Это действительно, как выразился полковник Донг, «*могло создать неверное впечатление*». Но что за важность! Важно другое — *рабов освободили*. Исправить причинённое зло было невозможно, но оно хотя бы осталось в прошлом. Можно начать заново: аборигенов не будет больше угнетать тягостное недоумение, почему *ловеки* обходятся с людьми как с животными, а он освободится от жестокой необходимости подыскивать никого не убеждающие объяснения и от грызущего ощущения непоправимой вины.

Зная, как они ценят откровенность и прямоту, когда дело касается чего-либо страшного или неприятного, он ждал, что тунтарцы будут обсуждать с ним случившееся — торжествуя или виновато, радуясь или растерянно. Но никто не говорил с ним об этом. *С ним вообще почти никто не говорил.*

Он прилетел в Тунтар под вечер, что в земном городе соответствовало бы утренней заре. Вопреки убеждению колонистов, которые, как это часто бывает, предпочитали выдумки реальным фактам, атсияне спали, и *спали по-настоящему*, но физиологический спад у них наступал днём, между полуднем и четырьмя часами, а не между двумя и пятью часами ночи, как у землян. Кроме того, в их суточном цикле было два пика повышения температуры и повышенной жизнедеятельности — в рассветных и в вечерних сумерках. Большинство взрослых спало по пять-шесть часов в сутки, но с перерывами, а опытные сновидцы обходились двумя часами сна. Вот почему люди, считавшие краткие периоды как обычного, так и парадоксального сна всего лишь ленью, утверждали, будто аборигены вообще никогда не спят. Думать *так* было гораздо проще, чем разбираться, что происходит на самом деле. И в эту пору Тунтар только-только оживлялся после предвечерней дремоты.

Любов заметил, что среди встречных он многих видит впервые. Они оглядывались на него, но ни один к нему не подошёл. Это были просто тени, мелькавшие на других тропинках в полутьме под могучими дубами. Наконец,¹³⁰ он увидел знакомое лицо — по тропинке навстречу ему шла Шеррар, двоюродная сестра Старшей Хозяйки, бестолковая старушонка, которая в селении ничего не значила. Она вежливо с ним поздоровалась, но не смогла — или не захотела — внятно ответить на его расспросы о Старшей Хозяйке и двух его обычных собеседниках: Эгате, хранителе сада, и Тубабе, Сновидце. *Старшая Хозяйка сейчас очень занята, и про какого Эгата он спрашивает? Наверное, про Гебана? Ну,*¹³¹ *а Тубаб, может, тут, а может, и не тут.* Она буквально вцепилась в Любова, и никто больше к нему не подходил. Всю дорогу через поля и рощи Тунтара она ковыляла рядом с ним, всё время на что-то жалуясь, а когда они приблизились к Мужскому Дому, сказала:

— Там все заняты.

— Ушли в сны?

— Откуда мне знать? Иди-ка, Любов, иди,¹³² посмотри...¹³³ — Она знала, что он всегда просит что-нибудь ему показать, но *не могла придумать, чем бы его заинтересовать, чтобы увести отсюда.* — Иди,¹³⁴ посмотри *сёти для рыбы*, — закончила она неуверенно.

130 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

131 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

132 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

133 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

134 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Проходившая мимо девушка, одна из молодых охотниц, посмотрела на него — это был *хмурый взгляд, полный враждебности*. Так на него ещё никто из атшиян не смотрел, кроме разве что малышей, испугавшихся его роста и безволосого лица. Но девушка *не была испугана*.

— Ну хорошо, пойдём, — сказал он Шеррар.

Иного выхода, кроме мягкости и уступчивости, у него нет, решил он. Если у атшиян действительно вдруг возникло чувство групповой враждебности, он должен смириться с этим и просто попытаться показать им, что он по-прежнему их верный и надёжный друг.

Но как могли столь мгновенно измениться их мироощущение, их мышление, которые так долго оставались стабильными? И почему? В Лагере Смита воздействие было прямым и нестерпимым: жестокость Дэвидсона способна вынудить к сопротивлению даже атшиян. Но *это* селение, Тунтар, земляне никогда не трогали, его обитателей не уводили в рабство, их лес не выжигали и не рубили. Правда, здесь бывал он, Любов, — антропологу редко удаётся не бросить собственную тень на картину, которую он рисует, — но с тех пор прошло больше двух месяцев. Они знают, что случилось в Лагере Смита, у них поселились беженцы, бывшие рабы, которые, конечно, рассказывают о том, *чего они натерпелись от землян*. Но могут ли известия из дальних мест, слухи и рассказы с *такой* силой воздействовать на тех, кто узнаёт о случившемся только из вторых рук, чтобы *самая сущность их натуры радикально изменилась*? Ведь отсутствие агрессивности заложено в атшиянах очень глубоко: и в их культуре, и в структуре их общества, и в их подсознании, которое они называют «*явью снов*», и, может быть, даже в физиологии. То, что зверской жестокостью можно спровоцировать атшиянина на попытку убить, он знает: он был свидетелем этого — один раз. Что столь же невыносимая жестокость может оказать такое же воздействие на разрушенную общину, он вынужден поверить — это произошло в Лагере Смита. Но чтобы рассказы и слухи, пусть даже самые страшные и ошеломляющие, могли возмутить нормальную общину атшиян до такой степени, что они начали действовать наперекор своим обычаям и мировоззрению, полностью отступив от привычного образа жизни, — в это он поверить не способен. Это психологически несостоятельно. Тут недостаёт какого-то фактора, о котором он ничего не знает.

В ту секунду когда Любов поравнялся со входом в Мужской Дом, оттуда появился старый Тубаб, а за ним — Селвер.

Селвер выбрался из входного отверстия, выпрямился и на мгновение зажмурился от приглушённого листвою, затуманенного дождём дневного света. Он поднял голову, и взгляд его тёмных глаз встретился со взглядом Любова. Не было сказано ни слова. Любова пронизал *страх*.

И теперь, в вертолётё, на обратном пути, анализируя причину шока, он спрашивал себя: *«Откуда этот испуг? Почему Селвер вызвал у меня страх? Безотчётная интуиция или всего лишь ложная аналогия? И то,¹³⁵ и другое равно иррационально».*

Между ними ничего не изменилось. То, что Селвер сделал в Лагере Смита, можно оправдать. Да и в любом случае это ничего не меняло. Дружба между ними слишком глубока, чтобы её могли разрушить сомнения. Они так увлечённо работали вместе, учили друг друга своему языку — и не только в буквальном смысле. Они разговаривали с абсолютной откровенностью и доверием. А его любовь к Селверу подкреплялась ещё и благодарностью, которую испытывает спасший к тому, чью жизнь ему выпала честь спасти.

Собственно говоря, до этой минуты он не отдавал себе отчёта, как дорог ему Селвер и как много значит для него эта дружба. Но был ли его страх страхом за себя — опасением, что Селвер, познавший расовую ненависть, отвернётся от него, отвергнет его дружбу, что для Селвера он будет уже не «ты», а «один из них»?

Этот первый взгляд длился очень долго, а потом Селвер медленно подошёл к Любому и приветливо протянул к нему руки.

У лесных людей прикосновение служило одним из главных средств общения. У землян прикосновение в первую очередь ассоциируется с угрозой, с агрессивными намерениями, а всё остальное практически сводится к формальному рукопожатию или ласкам, подразумевающим тесную близость. У атшийян же существовала сложнейшая гамма прикосновений, несущих коммуникативный смысл. Ласка, как сигнал и ободрение, была для них так же необходима, как для матери и ребёнка или для влюблённых, но она заключала в себе социальный элемент, а не просто воплощала материнскую или сексуальную любовь. Ласковые прикосновения входили в систему языка, были упорядочены и формализованы, но при этом могли бесконечно варьироваться. *«Они всё время лапаются!»* — презрительно морщились те колонисты, которые привыкли любую человеческую близость сводить только к эротизму, грабя самих себя, потому что *такое восприятие обедняет и отравляет любое духовное наслаждение, любое проявление человеческих чувств*: слепой гаденький Купидон торжествует победу над великой матерью всех морей и звёзд, всех листьев на всех деревьях, всех человеческих движений — над Венерой-Родительницей...¹³⁶

И Селвер, протянув руки, сначала потряс руку Любова по обычаю землян, а потом поглаживающим движением прижал ладони к его локтям. Он был почти вдвое ниже Любова, что затрудняло жесты и придавало им неуклюжесть, но в прикосновении этих маленьких, хрупких, одетых зелёным мехом рук не было ничего робкого или детского. Наоборот, оно ободряло и успокаивало. И Любому очень ему обрадовался.

135 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

136 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Селвер, как удачно, что ты здесь! Мне необходимо поговорить с тобой.

— Я сейчас не могу, Любов.

Его голос был мягким и ласковым, но надежда Любова на то, что их дружба осталась прежней, сразу рухнула. *Селвер изменился. Он изменился радикально — от самого корня.*

— Можно я прилечу ещё раз, чтобы поговорить с тобой, Селвер? — настойчиво сказал Любов. — Для меня это очень важно...¹³⁷

— Я сегодня уйду отсюда, — ответил Селвер ещё мягче, но отнял ладони от локтей Любова и отвёл глаза.

Этот жест в буквальном смысле слова *обрывал разговор*. Вежливость требовала, чтобы Любов тоже *отвернулся*. Но это значило бы остаться в пустоте. Старый Тубаб даже не поглядел в его сторону, селение не пожелало его заметить. И вот теперь — Селвер, который был его другом.

— Селвер, эти убийства в Келм-Дева...¹³⁸ может быть, ты думаешь, что они встали между нами? Но это не так. Может быть даже, они нас сблизили. А твои соплеменники все освобождены, и, значит, эта несправедливость тоже нас больше не разделяет. Но если она стоит между нами, как всегда стояла, так я же...¹³⁹ я всё тот же, каким был раньше, Селвер.

Атшиянин словно не слышал. Его лицо с большими глубоко посаженными глазами, сильное, изуродованное шрамами, в маске шелковистой короткой шерсти, которая совершенно точно следовала его контурам и всё же смазывала их, это лицо хмуро и упрямо отворачивалось от Любова. Вдруг Селвер оглянулся, словно против воли:

— Любов, тебе не надо было сюда прилетать. И уезжай из Центра не позже чем через две ночи. Я не знаю, какой ты. Лучше бы мне было никогда тебя не встречать.

И он ушёл, шагая упруго и грациозно, словно длинноногая кошка, мелькнул зелёным проблеском среди тёмных дубов Тунтара и исчез. Тубаб медленно пошёл за ним следом, так и не взглянув на Любова. Дождь лёгкой пылью беззвучно сеялся на дубовые листья, на узкие тропки, ведущие к Мужскому Дому и к речке. Только внимательно вслушиваясь, можно было уловить музыку дождя, слишком многоголосую, чтобы её воспринять, — единый бесконечный аккорд, извлекаемый из струн всего леса.

— Селвер-то бог, — сказала старая Шеррар. — А теперь иди,¹⁴⁰ посмотри сёти.

137 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

138 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

139 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

140 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Любов отклонил её приглашение. Остаться было бы невежливо и недипломатично, да и,¹⁴¹ во всяком случае,¹⁴² слишком для него тяжело.

Он пытался убедить себя, что Селвер отвернулся не от него — Любова, но от землянина. Но это не составляло никакой разницы и не могло служить утешением.

Он всегда испытывал неприятное удивление, вновь и вновь убеждаясь, насколько он раним и какую боль испытывает от того, что ему причиняют боль. Он стыдился такой подростковой чувствительности — пора бы уж стать более толстокожим.

Он простился со старушкой, чей зелёный мех сверкал и серебрился дождевой пылью, и она с облегчением вздохнула. Нажимая на стартер, он невольно улыбнулся при виде того, как она ковыляет к деревьям, подпрыгивая от спешки, словно лягушонок, ускользнувший от змей.

Качество — это важное свойство, но не менее важно и *количество* — соотношение размеров. У нормального взрослого тот, кто много меньше его, может вызвать высокомерие, презрительную снисходительность, нежность, желание защитить и опекать или желание дразнить и мучить, но любая из этих реакций будет нести в себе элемент отношения взрослого к ребёнку, а не к другому взрослому. Если к тому же такой малыш покрыт мягким мехом, возникает реакция, которую Любов мысленно назвал *«реакцией на плюшевого мишку»*. А из-за ласковых прикосновений, входивших в систему общения атшиян, она была вполне естественной, хотя по сути неоправданной. И, наконец, неизбежная *«реакция на непохожесть»* — подсознательное отталкивание от людей, которые выглядят непривычно.

Но помимо всего этого, атшияне, как и земляне, порой попросту выглядели смешно. Некоторые действительно немного смахивали на лягушек, сов, мохнатых гусениц. Шеррар была не первой старушкой, спина которой вызывала у Любова улыбку...¹⁴³

«В том-то и беда колонии, — думал он, взлетая и глядя, как Тунтар и его облетевшие плодовые сады тонут в море дубов. — У нас нет старух. Да и стариков тоже, если не считать Донга, но и ему не больше шестидесяти. А ведь старухи — явление особое: они говорят то, что думают. Атишиянами управляют старухи — в той мере, в какой у них вообще существует управление. Интеллектуальная сфера принадлежит мужчинам, сфера практической деятельности — женщинам, а этика рождается из взаимодействия этих двух сфер. В этом есть своя прелесть, и такое устройство себя оправдывает — во всяком случае,¹⁴⁴ у них. Вот бы департамент догадался вместе с этими пышногрудыми соблазнительными девицами прислать ещё двух-трёх бабушек! Например, та девочка, с

141 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

142 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

143 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

144 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

которой я ужинал позавчера: как любовница очаровательна и вообще очень мила, но — Боже мой! — она ведь ещё лет сорок не скажет мужчине ничего дельного и интересного...¹⁴⁵»

И всё это время за мыслями о старых женщинах и о молодых женщинах пряталось потрясение, интуитивная догадка, никак не желавшая всплыть на поверхность.

Надо выяснить это для себя до возвращения в штаб.

Селвер...¹⁴⁶ Так что же Селвер?

Да, он, конечно, видит, что Селвер — ключевая фигура. Но почему? Потому ли, что близко его знает, или потому, что в его личности кроется особая сила, которую он, Любов, не оценил — во всяком случае,¹⁴⁷ сознательно?

Нет, неправда. Он очень скоро понял исключительность Селвера. Тогда Селвер был Сэмом, слугой трёх офицеров, живших вместе во времянке. Бентон ещё хвастал, какой у них хороший пискун и как отлично они его выдрессировали.

Многие аттияне, и особенно сновидцы из Мужских Домов, не могли приспособить свою двойную систему сна к земной. Если для нормального сна они вынуждены были использовать ночь, это нарушало ритм парадоксального сна, двадцатиминутный цикл которого, определявший их жизнь и днём,¹⁴⁸ и ночью, никак не укладывался в земной рабочий день. Стоит научиться видеть сны наяву, уравнивая свою психику не на одном только узком лезвии разума, но на двойной опоре разума и сновидений, стоит обрести такую способность, и она остаётся у вас навсегда: разучиться уже невозможно, как невозможно *разучиться мыслить*. А потому очень многие обращённые в рабство мужчины утрачивали ясность сознания, тупели, замыкались в себе, даже впадали в кататоническое состояние. Женщины, растерянные, удручённые, проникались вялым и угрюмым безразличием, которое обычно для тех, кто внезапно лишился свободы. Легче приспособлялись мужчины, так и не ставшие сновидцами или ставшие ими недавно. Они усердно трудились на лесоразработках или из них выходили умелые слуги. К этим последним относился Сэм — добросовестный безликий слуга, повар, прачка, дворецкий, а заодно и козёл отпущения для трёх своих хозяев. Он научился быть невидимым и неслышимым. Любов забрал Сэма к себе для получения этнологических сведений и благодаря странному внутреннему сходству между ними сразу же завоевал его доверие. Сэм оказался идеальным источником этнологической информации: он был глубоко осведомлён в обычаях своего народа, понимал их внутренний смысл и легко находил пути, чтобы истолковать их, наставить в них Любова, перекидывая мост между двумя языками, между двумя культурами, между двумя видами рода «человек».

145 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

146 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

147 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

148 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Любов уже два года странствовал, изучал, расспрашивал, наблюдал, но так и не сумел найти ключа к психологии атшиян. Он даже не знал, где искать замок. Он изучал систему сна атшиян и *не мог нащупать никакой системы*. Он присоединял бесчисленные электроды к бесчисленным пушистым зелёным головам и не находил ни малейшего смысла в привычных бегущих линиях — в кривых, зубцах, альфах, дельтах и тэтах, которые запечатлевались на графиках. Только благодаря Селверу он,¹⁴⁹ наконец,¹⁵⁰ понял смысл атшийского слова «сновидение», означавшего, кроме того, «корень», и получил таким образом из его рук ключ к вратам в царство лесных людей. Именно на энцефалограмме Селвера он впервые осознанно рассматривал необычные импульсы мозга, *«уходящего в сон»*. Эту фазу нельзя было назвать ни сном, ни бодрствованием, и со снами землян она сопоставлялась примерно так же, как Парфенон с глинобитной хижинкой — суть одна, но совсем иная сложность, качество и соразмерность.

Ну,¹⁵¹ так что же? Что же ещё?

Селвер легко мог бы уйти в лес. Но он оставался — сначала как слуга, а потом (благодаря одной из немногих привилегий, которые давало Любому его положение специалиста) как научный ассистент — что, впрочем, не мешало запира́ть его на ночь вместе с остальными пискунами в загоне (*«помещении для добровольно завербовавшихся автохтонных рабочих»*). *«Давай я увезу тебя в Тунтар, и мы будем продолжать наши занятия там, — предложил Любов, когда в третий раз говорил с Селвером. — Ну для чего тебе оставаться здесь?»* Селвер ответил: *«Здесь моя жена Теле»*. Любов попытался добиться её освобождения, но она работала в штабной кухне, а командовавшие там сержанты ревниво относились ко всякому вмешательству *«начальничков»* и *«специалов»*. Любому приходилось соблюдать величайшую осторожность, чтобы они не выместили свою злость на атшиянке. И Теле, и Селвер, казалось, готовы были терпеливо ждать часа, когда они сумеют вместе бежать или вместе получат свободу. Пискуны разного пола содержались в разных половинах загона, полностью изолированных друг от друга (почему — никто толком объяснить не мог), и муж с женой виделись редко. Любому, который жил один, иногда удавалось устраивать им свидание у себя в коттедже на северной окраине посёлка. Когда Теле возвращалась после одного такого свидания в штаб, она попала́сь на глаза Дэвидсону и, по-видимому, привлекла его внимание хрупкостью и пугливой грациозностью. Вечером он затребовал её в свой коттедж и *изнасиловал*.

Возможно, её убила физическая травма, а может быть, она оборвала свою жизнь силой самовнушения — на это бывали способны и некоторые земляне. В любом случае,¹⁵² её убил Дэвидсон. Подобные убийства случались и раньше. Но так, как поступил Селвер на второй день после её смерти, не поступал ещё ни один атшиянин.

149 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

150 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

151 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

152 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Любов застал только самый конец. Он снова вспомнил крики, вспомнил, как опрометью бежал по Главной улице под палящим солнцем, вспомнил пыль, плотное людское кольцо...¹⁵³ Драка длилась минут пять — долгое время, если дерутся насмерть. Когда Любов подбежал к ним, Селвер, ослеплённый собственной кровью, был уже игрушкой в руках Дэвидсона, но всё-таки он встал и снова бросился на капитана — не в яростном безумии, но с холодным бесстрашием полного отчаяния. Он падал и вставал. И, напуганный этим страшным упорством, обезумел от ярости Дэвидсон — швырнув Селвера на землю ударом в скулу, он шагнул вперёд и поднял ногу в тяжёлом ботинке, чтобы разmozжить ему голову. И вот в эту секунду в круг ворвался Любов. Он остановил Дэвидсона — человек десять, с интересом наблюдавшие за дракой, успели устать от этого избиения и поддержали Любова. С тех пор он возненавидел Дэвидсона, а Дэвидсон возненавидел его, потому что *он встал между убийцей и смертью убийцы.*

Ибо *убийство — это всегда самоубийство*, но, в отличие от всех тех, кто кончает жизнь самоубийством, *убийца всегда стремится убивать себя снова, и снова, и снова.*

Любов подхватил Селвера на руки, почти не чувствуя его веса. Изуродованное лицо прижалось к его плечу, и кровь промочила рубашку насквозь. Он унёс Селвера к себе в коттедж, перебинтовал его сломанную руку, обработал, как умел, раны на лице, уложил в собственную постель и ночь за ночью пытался разговаривать с ним, пытался разрушить стену горя и стыда, которой тот окружил себя. Конечно, всё это было прямым нарушением правил и инструкций.

О правилах и инструкциях никто ему не напоминал. Зачем? Он и так знал, что *в глазах офицеров колонии окончательно теряет всякое право на уважение.*

До этого случая он старался не восстанавливать против себя штаб и протестовал только против явных жестокостей по отношению к аборигенам, *стараясь убеждать, а не требовать*, чтобы не утратить хотя бы той жалкой власти и влияния, какие были сопряжены с его должностью. Воспрепятствовать эксплуатации атишиян он не мог. Положение было гораздо хуже, чем он представлял себе, отправляясь сюда, когда в его распоряжении были только теоретические сведения. И от него зависело так мало! Его доклады департаменту и комиссии по соблюдению Колониального кодекса могли — после пятидесяти четырёх лет пути туда и обратно — возыметь какое-то действие. Земля даже могла решить, что *открытие Атиши для колонизации было ошибкой.* И уж лучше через пятьдесят четыре года, чем никогда! А если он восстановит против себя здешнее начальство, его доклады будут пропускать только частично или вовсе не пропускать, и тогда уж надежды не останется никакой.

Но теперь гнев заставил его забыть про тактику осторожности. К чёрту их всех, раз, по их мнению, заботясь о своём друге, он оскорбляет матушку-Землю и предаёт колонию! Если к нему прилипнет кличка *Пискуний Приспешник*, ему станет ещё труднее защищать атшиян, но он был не в силах поставить теоретическую общую пользу выше спасения Селвера, который без него неминуемо погиб бы. *Ценой предательства друга нельзя спасти никого.* Дэвидсон, которого вмешательство Любова и синяки, полученные от Селвера, ввергли в совершенно необъяснимую ярость, твердил всем и каждому, что *ещё прикончит взбесившегося пискуна*, и, несомненно, при первом удобном случае привёл бы свою угрозу в исполнение. И Любков в течение двух недель не отходил от Селвера ни на минуту, а потом на вертолёте увёз его на западное побережье, в селение Бротер, где жили его родичи.

За помощь рабу в побеге никаких наказаний предусмотрено не было, поскольку атшияне были рабами не по имени, а лишь на деле — назывались же они *Рабочим корпусом аборигенов-добровольцев*. Любков не получил даже устного выговора, однако с этого времени кадровые офицеры окончательно перестали ему доверять, и даже его коллеги из специальных служб — ксенобиолог, координаторы сельского и лесного хозяйства, экологи — разными способами дали ему понять, что он вёл себя неразумно, по-донкихотски или как последний идиот. «*Неужели вы рассчитывали, что будут одни розы?*» — раздражённо спросил Госс. «*Нет, я не думал, что тут будут розы*», — отрезал он тогда, а Госс продолжал: «*Не понимаю специалистов по врасу, которые по своей воле едут служить на планеты, открытые для колонизации! Вы же знаете, что народность, которую вы собираетесь изучать, будет ассимилирована, а возможно, и полностью уничтожена. Это объективная реальность. Такова человеческая природа, и уж вы-то должны знать, что изменить её вам не под силу. Так зачем же ставить себя перед необходимостью наблюдать этот процесс? Любков к самоистязанию?*» А он крикнул: «*Я не знаю, что вы называете человеческой природой! Может быть, именно она требует описывать то, что мы уничтожаем. И разве экологу много легче?*» Госс пропустил это мимо ушей. «*Ну ладно, составляйте свои описания. Но держитесь в стороне. Зоолог, изучающий крысиное общество, не вмешивается и не спасает своих любимиц, если они подвергаются нападению!*» И вот тут он сорвался. Этого он стерпеть не мог. «*Да, конечно, — ответил он. — Крыса может быть любимицей, но не другом. А Селвер — мой друг. Если на то пошло, он — единственный человек на планете, которого я считаю своим другом!*» Это глубоко обидело беднягу Госс, которому нравилось играть роль опекуна и наставника, и никому никакой пользы не принесло. Тем не менее,¹⁵⁴ это была истина. А в истине обретаешь свободу...¹⁵⁵ «*Я люблю Селвера, я уважаю его, я спас его, я страдал вместе с ним, я боюсь его. Селвер — мой друг*».

А Селвер-то — бож!

154 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

155 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Зелёная старушонка произнесла эти слова так, словно говорила о чём-то общеизвестном, так, как сказала бы, что такой-то — охотник. «Селвер — *ша'аб*». Но что, собственно, значит «*ша'аб*»? Многие слова женской речи, повседневного языка атшиян, были заимствованы из мужской речи — языка, одинакового во всех общинах, и эти слова часто не только бывали двухсложными, но и имели двойной смысл. Точно у монет — орёл и решка. «*Ша'аб*» значит «бог», или «*дух-покровитель*», или «*могучее существо*». Однако у него есть и совсем другое значение, но какое же?

К этому времени Любовь уже успел вернуться в свой коттедж, и ему достаточно было снять с полки словарь, который они с Селвером составили ценой четырёх месяцев изнурительной, но удивительно дружной работы. Ну да, конечно: «*ша'аб*» — *переводчик*.

Слишком уж укладывается в схему слишком уж противоположный смысл.

Связаны ли эти два значения? Двойной смысл подобных слов довольно часто имел внутреннюю связь, однако не настолько часто, чтобы это можно было считать правилом. Но если бог — *переводчик*, что же он переводит? Селвер действительно оказался талантливым толмачом, но этот дар нашёл применение только благодаря тому, что на планете появился язык, чужой для её обитателей, — обстоятельство новое и непредвиденное. Может быть, *ша'аб* переводит язык сновидений и философии, мужскую речь на повседневный язык? Но это делают все сновидцы. Или же он — тот, кто способен перенести в реальную жизнь пережитое в сновидении? Тот, кто служит соединительным звеном между явью снов и явью мира? Атшияне считают их двумя равноправными реальностями, но связь между ними, хотя и решающе важная, остаётся неясной. Звено — тот, кто способен облекать в слова образы подсознания. «Говорить» на этом языке означает *действовать*. Сделать что-то новое. Изменить что-то или измениться самому — радикально, от корня. Ибо *корень* — это сновидение.

И такой *переводчик* — бог. Селвер добавил к речи своих соплеменников новое слово. Он совершил новое действие. Это слово, это действие — *убийство*. Только богу дано провести такого пришельца, как Смерть, по мосту между явью и явью.

Но научился ли он убивать себе подобных в снах горя и гнева или его научило увиденное наяву поведение чужаков? Говорил ли он на своём языке или на языке капитана Дэвидсона? То, что словно бы коренилось в его собственных страданиях и выражало перемену в его собственном существе, на самом деле могло быть заразой, чумой с другой планеты и, возможно, несло его соплеменникам не обновление, а гибель.

Вопрос «Что я мог бы сделать?» был внутренне чужд Раджу Любому. Он всегда избегал вмешиваться в дела других людей — этого требовали и его характер, и каноны его профессии. Как специалист он должен был установить, что именно эти люди делают, а дальше — пусть как сами знают. Он предпочитал, чтобы просвещали его, а не просвещать самому, предпочитал

искать факты, а не Истину с большой буквы. Но даже и тот, кто полностью лишён миссионерских склонностей, если только он не делает вид, будто полностью лишён и эмоций, порой вынужден выбирать между действием и бездействием. Вопрос «*Что делают они?*» внезапно превращается в «*Что делаем мы?*», а затем в «*Что должен делать я?*»

Он знал, что для него настала минута такого выбора, хотя и не отдавал себе ясного отчёта в том, *почему* ему предложен выбор и *какой именно*.

Теперь он больше ничем не мог содействовать спасению атшиян: Лепеннон, Ор и ансибль уже сделали гораздо больше, чем успел бы сделать он за всю свою жизнь. Инструкции, поступавшие с Землёй по ансиблю, были абсолютно чёткими, и полковник Донг строго их придерживался, хотя руководители лесоразработок и настаивали, что выполнять их не следует. Он был честным и добросовестным офицером, а кроме того, «Шеклтон» вернётся и проверит, как выполняются приказы. С появлением ансибля, этой «*machina ex machina*»¹⁵⁶, прежней уютной колониальной автономии пришёл конец. Теперь донесения на Землю обрели реальное значение, и человек *нёс ответственность за свои поступки ещё при жизни*. Отсрочки в пятьдесят четыре года больше не существовало. Колониальный кодекс утратил статичность. Лига Миров может в любой момент принять решение, и колония будет ограничена одним островом, или будет запрещена рубка деревьев, или будет поощряться истребление аборигенов — как знать? Директивные указания Землёй пока ещё не позволяли догадаться, *как функционирует Лига и какой будет её политика*. Донга тревожил избыток возможностей, но Любов ему радовался. *В разнообразии заключена жизнь, а где есть жизнь, там есть и надежда* — таким было его кредо, бесспорно весьма скромное.

Колонисты оставили атшиян в покое, а те оставили в покое колонистов. Вполне терпимое положение вещей, и нарушать его без нужды не стоит. А нарушить его, пожалуй, может только страх.

Атшияне, конечно, не доверяют колонистам, прошлое по-прежнему их возмущает, но страха они как будто испытывать не должны. Ну,¹⁵⁷ а паника в Центрвилле, вызванная резнёй на острове Смита, улеглась, и с тех пор не случилось ничего, что могло бы вновь её возбудить. Со стороны атшиян больше не было ни одного проявления враждебности, а так как после освобождения рабов все пискуны ушли в лес, прекратилось и постоянное подсознательное воздействие ксенофобии. И колонисты мало-помалу расслабились.

Если сообщить, что в Тунтаре он видел Селвера, это неминуемо встревожит Донга и прочих. Они могут даже попытаться захватить его и предать суду. Колониальный кодекс запрещает привлекать члена одного планетарного сообщества к ответственности по законам другой планеты,

156 Буквально «машина из машины» — перефразировка латинского выражения «*deus ex machina*» — «бог из машины», означающего внезапное и чудотворное разрешение всех трудностей. (Примеч. пер.) — В оригинале здесь было в тексте «*tachina ex machina*» («та» кириллицей) и в сноске «*dcus*» («с» вместо «е»). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

157 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

однако военный суд такими тонкостями не интересуется. Они вполне способны судить Селвера, признать его виновным и расстрелять. В качестве свидетеля с Новой Явы привезут Дэвидсона. *«Ну нет! — подумал Любов, засовывая словарь на место. — Ну нет!»* — и перестал об этом думать. *Так он сделал свой выбор, даже не заметив этого.*

На следующий день он представил краткий отчёт о своей поездке: *обстановка в Тунтаре нормальная, его беспрепятственно допустили туда, ему никто не угрожал.* Это был весьма успокоительный отчёт, и самый неточный в жизни Любова. В нём не упоминалось ни о чём действительно существенном — ни о том, что Старшая Хозяйка к нему не вышла, а Тубаб с ним не поздоровался, ни о появлении там большого числа чужих, ни о выражении лица молодой охотницы, ни о присутствии Селвера...¹⁵⁸ Бесспорно, это последнее он утаил, но *в остальном отчёт точно следовал фактам,* решил Любов. Он опустил только субъективные впечатления, как и полагается учёному. Пока он писал отчёт, голова у него раскалывалась от боли, а когда он представил его в штаб, боль стала невыносимой.

Ночью ему без конца что-то снилось, но утром он не мог вспомнить ни одного сна. На вторую ночь после возвращения из Тунтара, проснувшись от истерических воплей сирены и грохота взрывов, он наконец взглянул правде в глаза: *он — единственный человек в Центрвилле, который ожидал этого, он — предатель.*

Но даже и теперь он не был до конца уверен, что атшияне действительно напали. Просто *в ночном мраке творилось что-то ужасное.*

Его коттедж был цел и невредим — возможно, потому, что окружён деревьями, подумал он, выбегая наружу. Центр города горел. Даже бетонный куб штаба внутри весь пылал, точно литейная печь. А там — *ансибль, бесценное связующее звено.* Пожары полыхали и в той стороне, где находился вертолётный ангар, и на космодроме. *Откуда у них взрывчатка? Каким образом сразу вспыхнуло столько пожаров?* Все деревянные дома по обеим сторонам Главной улицы горели. Рёв огня нарастал, становился всё страшнее. Любов побежал туда. Под ногами была вода. От пожарных насосов? И тут же он сообразил, что лопнула водопроводная труба, проложенная до реки Мененд, и вода растекается по земле, пока жуткое воющее пламя пожирает дома. *Как они сумели? Куда делась охрана? На космодроме всегда дежурит охрана в джирах...*¹⁵⁹ Выстрелы, залпы, автоматная очередь...¹⁶⁰ Вокруг повсюду мелькали маленькие фигуры, но он бежал среди них и почти их не замечал. Поравнявшись с гостиницей, он увидел в дверях девушку. Позади неё плясали огненные языки, но путь на улицу был свободен. И всё же она стояла, не двигаясь. Он окликнул её, потом кинулся через двор, оторвал её руки от косяка, в который она намертво вцепилась, и потащил за собой, повторяя негромко и ласково:

— Иди же, девочка! Ну иди же!

158 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

159 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

160 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Она наконец послушалась, но слишком поздно. Стена верхнего этажа, озарѣнная изнутри огнѣм, не выдержала напора рушащейся крыши и медленно наклонилась вперед. Угли головни, пылающие стропила вылетели наружу, точно шрапнель. Падающая балка задела Любова горящим концом и сбила с ног. Он лежал ничком в багровеющем озере гряди и не видел, как маленькая зеленая охотница прыгнула на девушку, опрокинула на спину, перерезала горло. Он ничего не видел.

Глава 6.

В эту ночь не была пропета ни одна песня. Только крики и молчание. Когда запылали небесные лодки, Селвер ощутил радость и на глазах у него выступили слёзы, но слов не было. Он молча отвернулся, сжимая тяжёлый огнемёт, и повёл свой отряд назад в город.

Все отряды с запада и с севера вели бывшие рабы, вроде него, — те, кому приходилось служить *ловекам* в Центре, так что они знали там все дорожки и жилища.

В этих отрядах почти никто прежде не видел селений *ловеков*, а многие и самих *ловеков* никогда не видели. Они пришли потому, что их вёл Селвер, потому, что их гнали плохие сны, и только Селвер знал, как с этими снами совладать. Сотни и сотни мужчин и женщин ждали в глубокой тишине вокруг города, пока бывшие рабы по двое и по трое делали то, что нужно было сделать сначала — разбили главную водопроводную трубу, перерезали проводы, которые несли свет от электростанции, проникли в арсенал и унесли оттуда всё необходимое. Первые враги, часовые, были убиты быстро и бесшумно, в темноте, с помощью обычного охотничьего оружия — петлей, ножа, лука. Динамит, украденный ещё вечером из лесного лагеря в пятнадцати километрах к югу, был заложен в арсенале под штабом, дома облиты огненным веществом и подожжены. Тут завывала сирена, забушевал огонь, и ночь исчезла вместе с тишиной. С грохотом, точно от грома и валящихся деревьев, стреляли в основном *ловеки* — оружием, захваченным в арсенале, пользовались только бывшие рабы, а остальные предпочли собственные копья, ножи и луки. Но весь этот шум утонул в оглушительном рёве, когда рухнули стены штаба и ангары с небесными лодками. Это взорвался динамит, который заложили и запалили Резван и те, кому пришлось работать в лагерях лесорубов.

В селении в эту ночь было около тысячи семисот *ловеков*, из них пятьсот самок, так как, по слухам, *ловеки* свезли сюда всех своих самок. Потому-то Селвер и остальные и решили начать, хотя ещё не все люди, которые хотели быть с ними, успели добраться до Сорноля. Почти пять тысяч мужчин и женщин пришли через лес в Эндтор на Общую Встречу, а оттуда — в это место, в эту ночь.

Пожары полыхали всё сильнее, и воздух стал тяжёлым от запаха гари и крови.

Рот Селвера пересох, в горле саднило, он не мог выговорить ни слова и мечтал о глотке воды. Он вёл свой отряд по средней тропе селения *ловеков*, один из них кинулся ему навстречу — в дымном багровом сумраке он казался огромным. Селвер поднял огнемёт и оттянул защёлку в ту самую секунду, когда *ловец* поскользнулся в жидкой грязи и рухнул на колени. Но из огнемёта

не вырвалась шипящая струя пламени — оно всё было истрачено на небесные лодки, стоявшие в стороне от ангаров. Селвер уронил тяжёлый баллон. Ловек был без оружия, и он был самцом. Селвер попытался сказать: *«Не трогайте его, пусть бежит»*, но у него не хватило голоса, и двое охотников из Абтанских Полян прыгнули вперёд, подняв длинные ножи. Большие безволосые руки взметнулись вверх и вяло опустились. Огромный труп бесформенной грудой преградил им дорогу. Тут, где прежде был центр селения, валялось много других мертвецов. По-прежнему с треском рушились горящие стены, ревел огонь, но остальные звуки затихли.

Селвер с трудом разомкнул губы и хрипло испустил *клич сбора*, завершающий охоту. Те, кто был с ним, подхватили клич громко и пронзительно. Вдали и вблизи в мутной, смрадной, пронизанной огненными всполохами ночной мгле раздались ответные крики. Вместо того чтобы увести своих людей из селения, Селвер сделал им знак *уходить*, а сам сошёл на полосу грязи между тропой и жилищем, которое сгорело и обрушилось. Он перешагнул через мёртвую лавочку¹⁶¹ и нагнулся над *ловеком*, прижатым к земле обугленным бревном. В темноте было трудно разглядеть уткнувшееся в грязь лицо.

Это было несправедливо, ненужно! Почему, когда вокруг столько других мертвецов, ему понадобилось нагнуться над этим? И ведь в темноте он мог бы его не узнать! Селвер повернулся и пошёл вслед за своим отрядом, потом бросился назад, приподнял бревно со спины Любова, напрягая все силы, сдвинул его, упал на колени и подсунул ладонь под тяжёлую голову. Казалось, что так Любому удобнее лежать, — земля уже не касалась его лица. И Селвер, не вставая с колен, застыл в неподвижности.

Он не спал¹⁶² четверо суток, а в сны не уходил ещё дольше — он не помнил, насколько дольше. С тех пор как он ушёл из Бротера с теми, кто последовал за ним из Кадаста, он дни и ночи напролёт действовал, говорил, обходил селения, составлял планы. В каждом селении он говорил с лесными людьми, объяснял им новое, звал из яви снов в явь мира, готовил то, что произошло в эту ночь, — говорил, без конца говорил и слушал, как говорят другие. И ни минуты молчания, ни минуты одиночества. Они слушали, они слышали и последовали за ним по новой тропе. Они взяли в руки огонь, которого всегда боялись, взяли в свои руки власть над плохими снами и выпустили на врагов смерть, которой всегда страшились. Всё было сделано так, как он говорил. Всё произошло так, как он сказал. Мужские Дома и жилища *ловеков* сожжены, их небесные лодки сожжены или разбиты, их оружие украдено или уничтожено, и все их самки перебиты. Пожары догорали, пропахший дымом ночной мрак стал смоляным. Селвер уже ничего не видел вокруг и посмотрел на восток, не занимается ли заря. Стоя на коленях в жидкой грязи среди мертвецов, он думал: *«Это сон, плохой сон. Я думал поведсти его, но он повёл меня»*.

161 Ввиду отсутствия англоязычного оригинала «расшифровать» не удалось, потому не изменяю. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

162 В оригинале «стал». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

И во сне он почувствовал, что губы Любова шевельнулись, задели его ладонь. Селвер посмотрел вниз и увидел, что глаза мёртвого открылись. В них отразилось гаснущее зарево пожаров. Потом он назвал Селвера по имени.

— Любов, зачем ты остался тут? Я ведь говорил тебе, чтобы ты на эту ночь улетел из города, — так сказал во сне Селвер. Или даже *крикнул*, словно сердясь на Любова.

— Тебя взяли в плен? — спросил Любов еле слышно, не приподняв головы, но таким обычным голосом, что Селверу на миг стало ясно: *это не явь сна, а явь мира*, лесная ночь. — Или меня?

— Не тебя и не меня, нас обоих — откуда мне знать? Все машины и аппараты сожжены. Все женщины убиты. Мужчинам мы давали убежать, если они хотели бежать. Я сказал, чтобы твой дом не поджигали, и книги будут целы. Любов, почему ты не такой, как остальные?

— Я такой же, как они. Я человек. Как каждый из них. Как ты.

— Нет. Ты не похож...¹⁶³

— Я такой, как они. И ты такой. Послушай, Селвер. Остановись. Не надо больше убивать других людей. Ты должен вернуться...¹⁶⁴ к своим...¹⁶⁵ к собственным корням.

— Когда твоих соплеменников здесь больше не будет, плохой сон кончится.

— Теперь же...¹⁶⁶ — сказал Любов и попытался приподнять голову, но у него был *перебит позвоночник*. Он поглядел снизу вверх на Селвера и открыл рот, чтобы заговорить. Его взгляд скользнул в сторону и устоялся в другую явь, а губы остались открытыми и безмолвными. Дыхание присвистнуло у него в горле.

Они звали Селвера по имени, много далёких голосов, звали снова и снова.

— Я не могу остаться с тобой, Любов, — плача, сказал Селвер, не услышал ответа, встал и попробовал убежать. Но сквозь¹⁶⁷ темноту сна он смог двигаться только медленно-медленно, словно по пояс в воде. Впереди шёл Дух Ясеня, выше Любова, выше всех других *ловеков*, высокий, как дерево, — шёл и не поворачивал к нему белой маски. На ходу Селвер разговаривал с Любовым.

— Мы пойдём назад, — сказал он. — Я пойду назад. Теперь же. Мы пойдём назад теперь же, обещаю тебе, Любов!

163 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

164 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

165 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

166 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

167 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Но его друг, такой добрый, тот, кто спас его жизнь и предал его сон, Любовь ничего не ответил. Он шёл где-то во мраке совсем рядом, невидимый и неслышимый, как смерть.

Группа тунтарцев наткнулась в темноте на Селвера — он брёл, спотыкаясь, плакал и что-то говорил, весь во власти сна. Они увели его с собой в Эндтор.

Там два дня и две нóчи лежал он, беспомощный и безумный, в наспех сооружённом Мужском Доме — шалаше на речном берегу. За ним ухаживали старики, а люди всё приходили и приходили в Эндтор и снова уходили, возвращались на Место Эшсена, которое одно время называлось *Центром*, хоронили своих убитых и убитых *ловеков* — своих было более трёхсот, тех больше семисот. Около пятисот *ловеков* было заперто в бараках загона, который не сожгли, потому что он стоял пустой и в стороне. Примерно стольким же *ловекам* удалось убежать: часть добралась до лагерей лесорубов на юге, которые нападению не подверглись, остальные притаились в лесу или в Вырубленных Землях, и там их продолжали разыскивать. Некоторых убивали, потому что многие молодые охотники и охотницы всё ещё слышали только голос Селвера, зовущий: «*Убивайте их!*» Другие отогнали от себя Ночь Убивания, словно кошмар, словно плохой сон, который нужно понять, чтобы он больше никогда не повторился. И, обнаружив в чаще измученного жаждой, ослабевшего *ловека*, они были не в силах его убить. И, может быть, он убивал их. Некоторые *ловеки* собирались вместе. Такие группы из десяти-двадцати¹⁶⁸ *ловеков* были вооружены топорами для рубки деревьев и пистолетами, хотя зарядов у них почти не было. Их выслеживали, окружали большими отрядами, а потом захватывали, связывали и уводили назад в Эшсен. За два-три дня их переловили всех, потому что эта область Сорноля кишела лесными людьми: ни один старик не помнил, чтобы столько народу собиралось когда-нибудь в одном месте — даже вполовину, даже в десять раз меньше. И люди всё ещё продолжали приходить из дальних селений, с других островов. А некоторые ушли домой. Захваченных *ловеков* запирали с остальными в загоне, хотя они там уже еле помещались, а жилища были для них слишком низки и тесны. Их поили, два раза в день задавали им корм, а вокруг день и ночь несли стражу двести вооружённых охотников.

Под вечер после Нóчи Эшсена с востока, треща, прилетела небесная лодка и пошла вниз, словно собираясь сесть, а потом взмыла вверх, точно хищная птица, промахнувшаяся по добыче, и начала кружить над разрушенным причалом небесных лодок, над дымящимися развалинами, над Вырубленными Землями. Резван проследил, чтобы все радио были разбиты, и, возможно, небесную лодку с Кушиля или Ризуэла, где находились три небольших селения *ловеков*, заставило прилететь сюда именно молчание этих радио. Пленные в загоне выбежали из бараков и что-то кричали лодке всякий раз, когда она, треща, пролетала над ними, и она сбросила в загон что-то на маленьком парашюте, а потом ушла вверх и её треск замер.

168 В оригинале «десяти—двадцати» через тире вместо дефиса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Теперь на Атши остались всего четыре такие крылатые лодки: три на Кушиле и одна на Ризуэле — все маленькие, поднимающие только четырёх *ловеков*, но с пулемѣтами и огнемѣтами, а потому Резван и остальные очень из-за них тревожились, пока Селвер лежал, недостижимый для них, бродя по загадочным тропам другой яви.

В явь мира он вернулся только на третий день — исхудавший, отупелый, голодный, безмолвный. Он искупался в реке и поел, а потом выслушал Резвана, Старшую Хозяйку из Берре и остальных, кто был избран руководителями. Они рассказали ему, *что* происходило в мире, пока он был в снах. Выслушав всех, он обвѣл их взглядом, и они снова увидели, что он — бог. После Ночи Эшсена многих, точно болезнь, поразили страх и отвращение, и их охватило сомнение. Их сны были тревожными, полными крѳви и огня, а весь день их окружали незнакомые люди, сотнями, тысячами сошедшие сюда из всех лесов: они собрались тут, не зная друг друга, точно коршуны у падали, и им казалось, что пришѣл конец всему, что ужѣ никогда ничто не будет прежним, не будет хорошим. Но в присутствии Селвера они вспомнили, ради чего произошло то, что произошло, их смятение улеглось, и они ждали его слов.

— Время убивать прошло, — сказал он. — Надо, чтобы об этом узнали все. — Он снова обвѣл их взглядом. — Мне надо поговорить с теми, кто заперт в загоне. Кто у них старший?

— Индюк, Плосконогий, Мокроглазый, — ответил Резван, бывший раб.

— Значит, Индюк жив? Это хорошо. Помоги мне встать, Греда, у меня вместо костей утри...¹⁶⁹

Походив немного, он почувствовал себя крепче и час спустя отправился с ними в Эшсен, до которого было два часа ходьбы.

Когда они подошли к загону, Резван влез на лестницу, приставленную к стене, и закричал на ломаном языке, которым *ловеки* объяснялись с рабами:

— Донг, ходи к ворѳтам, быстро-быстро!

В проходах между приземистыми бетонными бараками бродили несколько *ловеков*. Они закричали на него и начали швыряться земляными комьями. Он пригнулся и стал ждать. Старый полковник не появился, но из барака, хромая, вышел Госсе, которого они называли *Мокроглазым*, и крикнул Резвану:

— Полковник Донг болен, он не может выйти!

— Какой-такой болен?

— Болезнь живота. От воды. Что тебе надо?

169 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Говори-говори! — Резван посмотрел вниз на Селвера и перешёл на свой язык. — Владыка-бог, Индюк прячется. С Мокроглазым ты будешь говорить?

— Буду.

— Гос-по-дин Госсе, к калитке! Быстро-быстро!

Калитку приоткрыли ровно настолько, чтобы Госсе сумел протиснуться в узкую щель. Он остался стоять перед ней совсем один, глядя на Селвера и на тех, кто пришёл с Селвером, и стараясь не наступать на ногу, повреждённую в Ночь Эшсена. Одет он был в рваную пижаму, выпачканную в грязи и намоченную дождём. Седеющие волосы свисали над ушами и падали на лоб неряшливыми прядями. Хотя он был вдвое выше своих тюремщиков, он старался выпрямиться ещё больше и глядел на них твёрдо, с гневной тоской.

— Что вам надо?

— Нам необходимо поговорить, господин Госсе, — сказал Селвер, которого Любов научил нормальной человеческой речи. — Я Селвер, сын Ясеня из Эшрета. Друг Любова.

— Да, я тебя знаю. О чём ты хочешь говорить?

— О том, что убивать больше никого не будут, если это обещают ваши люди и мои люди. Вас выпустят, если вы соберёте здесь ваших людей из лагерей лесорубов на юге Сорноля, на Кушиле и на Ризуэле и все останетесь тут. Вы можете жить здесь, где лес убит и где растёт ваша трава с зёрнами. Рубить деревья вы больше не должны.

Лицо Госсе оживилось.

— Лагереи вы не тронули?

— Нет.

Госсе промолчал. Селвер несколько секунд следил за его лицом, а потом продолжал:

— Я думаю, в мире ваших людей осталось меньше двух тысяч. Ваших женщин не осталось ни одной. В тех лагерях есть ваше оружие, и вы можете убить многих из нас. Но у нас тоже есть оружие, и нас столько, что всех вы убить не сможете. Я думаю, вы сами это знаете и поэтому не попросили, чтобы небесные лодки привезли вам огнемёты, не попытались перебить часовых и бежать. Это было бы бесполезно: нас ведь правда очень много. Будет гораздо лучше, если вы обменяетесь с нами обещанием: тогда вы сможете спокойно дожидаться, чтобы прилетела одна из ваших больших лодок, и покинуть на ней мир. Если не ошибаюсь, это будет через три года.

— Да, через три местных года...¹⁷⁰ Откуда ты это знаешь?

— У рабов есть уши, господин Госсе.

170 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Только теперь Госсе посмотрел прямо на него. Потом отвёл глаза, передёрнул плечами, переступил с больной ноги. Снова посмотрел на Селвера и снова отвёл глаза.

— Мы уже обещали не причинять вреда никому из ваших людей. Вот почему рабочих распустили по домам. Но это не помогло. Вы не стали слушать...¹⁷¹

— Обещали вы не нам.

— Как мы можем заключать какие бы то ни было соглашения или договоры с теми, у кого нет правительства, нет никакой центральной власти?

— Я не знаю. По-моему, вы не понимаете, что такое *обещание*. То, о котором вы говорите, было скоро *нарушено*.

— То есть как? *Кем? Когда?*

— На Ризуэле...¹⁷² на Новой Яве. Четырнадцать дней назад. *Ловеки* из лагеря в Ризуэле сожгли селение и убили всех, кто там жил.

— Это ложь! Мы всё время поддерживали радиосвязь с Новой Явой до самого нападения. Никто не убивал аборигенов ни там, ни где-либо ещё!

— Вы говорите ту правду, которую знаете вы, — сказал Селвер. — А я — правду, которую знаю я. Я готов поверить, что вы не знаете об убийствах на Ризуэле, но вы должны верить моим словам, что убийства были. Остаётся одно: *обещание должно быть дано нам и вместе с нами, и оно не должно быть нарушено*. Вам, конечно, надо обсудить всё это с полковником Донгом и остальными.

Госсе сделал шаг к калитке, но тут же обернулся и сказал хриплым басом:

— Кто ты такой, Селвер? Ты...¹⁷³ это ты организовал нападение? Ты вёл своих?

— Да, я.

— Значит, вся эта кровь на твоих руках, — сказал Госсе и с внезапной беспощадной злобой добавил: — И кровь Любова тоже. Он ведь тоже убит. Твой «друг» Любова мёртв.

Селвер не понял этого идиоматического выражения. Убийству он научился, но за словами «*кровь на твоих руках*» для него ничего не стояло. Когда на мгновение его взгляд встретился с белесым ненавидящим взглядом Госсе, он почувствовал *страх. Тошнотную боль, смертный холод*. И зажмурился, чтобы отогнать их от себя. Наконец он сказал:

— Любова — мой друг, и потому *он не мёртв*.

171 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

172 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

173 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Вы — дети, — с ненавистью сказал Госсе. — Дети, дикари. Вы не воспринимаете реальности. Но это не сон, это реальность! Вы убили Любова. Он мёртв. Вы убили женщин — *женщин!* — жгли их заживо, резали, как животных!

— Значит, нам надо было оставить их жить? — сказал Селвер с такой же яростью, как Госсе, но негромко и чуть напевно. — Чтобы вы *плодились в трупе мира, как мухи? И уничтожили нас?* Мы убили их, чтобы вы не могли дать потомства. Мне известно, что такое «реалист», господин Госсе. Мы говорили с Любовым о таких словах. *Реалист — это человек, который знает и мир, и свои сны. А вы — сумасшедшие.* На тысячу человек у вас не найдётся ни одного, кто умел бы видеть сны так,¹⁷⁴ как их *надо* видеть. Даже Любков не умел, а он был самым лучшим из вас. Вы спите, вы просыпаетесь и забываете свои сны, потом снова спите и снова просыпаетесь, — и так с рождения до смерти. И вы думаете, что это — существование, жизнь, реальность! Вы не дети, вы взрослые, но вы сумасшедшие. И потому нам пришлось вас убить, пока вы и нас не сделали сумасшедшими. А теперь идите и поговорите о реальности с другими сумасшедшими. Поговорите долго и хорошо!

Часовые открыли калитку, угрожая копьями сгрудившимся за ней *ловекам*. Госсе вошёл в загон — его широкие плечи сторбились, словно под дождём.

Селвер чувствовал себя бесконечно усталым. Старшая Хозяйка из Берре и ещё одна женщина помогали ему идти — он положил руки им на плечи, чтобы не упасть. Грета, молодой охотник, родич его Древа, начал шутить с ним. Он отвечал, смеялся. Казалось, они бредут назад в Эндтор уже несколько дней.

От усталости он не мог есть, только выпил немного горячего варева и лёг у Мужского костра. Эндтор был не селением, а временным лагерем на берегу большой реки, куда приходили ловить рыбу из всех селений, которых было много в окрестных лесах, пока не появились *ловцы*. Мужского Дома там не построили. Два очага из чёрного камня и травянистый кособок над рекой, где удобно ставить палатки из шкур и камышовых плетёнок, — вот и весь Эндтор. Река Мененд, Старшая река Сорноля, без умолку говорила там и в яви мира, и в яви сна.

У костра сидело много стариков. Одних он знал хорошо: они были из Бротера, из Тунтара и из его родного сожжённого Эшрета, а других он вовсе не знал, хотя по их глазам и движениям, по их голосам понял, что всё это — *Владыки-Сновидцы*. Пожалуй, столько сновидцев ещё никогда не собиралось в одном месте. Он вытянулся во всю длину, подложил ладонь под подбородок и, глядя в огонь, сказал:

— Я называл *ловцов* сумасшедшими. Не сумасшедший ли я сам?

174 В оригинале точка с запятой вместо запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Ты не разбираешь, где одна явь, а где другая, — ответил старый Тубаб, подбрасывая в костёр сосновый сук, — потому что ты слишком долго не видел снов и не уходил в сны. А за это приходится расплачиваться тоже очень долго.

— Яды, которые глотают *ловеки*, действуют примерно так же, как воздержание от сна и от снов, — заметил Хебен, который был рабом в Центрвилле и в Лагере Смита. — *Ловеки* глотают отраву, чтобы уходить в сны. После того как они её проглотят, лица у них становятся как у сновидцев. Но они не умеют ни вызывать снов, ни управлять ими, ни плести и лепить, ни выходить из снов. Я видел, как сны подчиняли их, вели за собой. Они ничего не знают о том, что внутри их. Вот и человек, много дней не уходивший в сны, становится таким же. Будь он мудрейшим в своём Доме, всё равно он ещё долго потом будет иногда становиться сумасшедшим. Он будет подчинён, будет рабом. Он не будет понимать себя.

Глубокий старец, говоривший, как уроженец Южного Сорноля, положил руку на плечо Селвера и, ласково его поглаживая, сказал:

— Пой, наш молодой бог, это принесёт тебе облегчение.

— Не могу. Спой для меня.

Старик запел, остальные начали ему подтягивать. Их пронзительные жиденькие голоса, почти лишённые мелодичности, шелестели, точно ветер в камышах Эндтора. Они пели одну из песен Ясеня об изящных резных листьях — как осенью они становятся жёлтыми, а ягоды краснеют, а потом первый ночной иней серебрит их.

Селвер слушал песню Ясеня, и рядом с ним лежал Любов. Лёжа он не казался таким чудовищно высоким и широкоплечим. Позади него на фоне звёзд чернели развалины выжженного огнём дома. «Я такой же, как ты», — сказал он, не глядя на Селвера, тем голосом сна, который пытается обнажить собственную неправду. Сердце Селвера давила тоска, он горевал по своему другу. «У меня болит голова», — сказал Любов обычным голосом и потёр шею, как всегда её тёр, и Селвер протянул руку, чтобы коснуться его и утешить. Но в яви мира он был тенью и отблесками огня, а старики пели песню Ясеня — о белых цветках на чёрных ветках среди резных листьев.

На следующий день *ловеки*, запертые в загоне, послали за Селвером. Он пришёл в Эшсен после полудня и встретился с ними в стороне от загона, под развесистым дубом — лесные люди чувствовали себя неуверенно под бескрайним открытым небом. Эшсен был дубовой рощей, и этот дуб — самый большой из немногих, которые колонисты сохранили, — стоял на косогоре за коттеджем Любова, одним из немногих пощажённых огнём. С Селвером под дуб пришли Резван, Старшая Хозяйка из Берре, Греда из Кадаста и ещё девять человек, пожелавших участвовать в переговорах. Их охранял отряд лучников на случай, если *ловеки* тайком принесут оружие. Но лучники укрылись за кустами и среди развалин вокруг, чтобы *ловеки* не подумали, что им угрожают. С Госсе и полковником Донгом пришли трое *ловеков*, которые назывались «офицерами», и ещё двое из лесных лагерей. При виде одного из

них — Бентона — бывшие рабы стиснули зубы. Бентон имел обыкновение наказывать «ленивых пискунов», подвергая их *стерилизации на глазах у остальных*.

Полковник исхудал, его кожа, обычно желтовато-коричневая, казалась грязно-серой. Значит, он действительно болен.

— Начать необходимо с того...¹⁷⁵ — сказал он, когда они расположились под дубом (*ловеки* остались стоять, а лесные люди опустились на корточки или сели на мягкий влажный ковёр из прелых дубовых листьев). — Начать необходимо с того, чтобы вы в рабочем порядке определили суть ваших условий и какие они содержат гарантии безопасности для моих подчинённых.

Воцарилось молчание.

— Вы ведь понимаете наш язык? Если не все, то хоть некоторые?

— Да...¹⁷⁶ Но вашего вопроса я не понял, господин Донг.

— Потрудитесь называть меня *полковником* Донгом!

— В таком случае,¹⁷⁷ потрудитесь называть меня *полковником* Селвером! — В голосе Селвера появилась напевность. Он вскочил на ноги, готовый к состязанию, и в его голове ручьями заструились мотивы.

Однако старый *ловец* продолжал стоять, огромный, грузный, сердитый, и не собирался принимать вызова.

— Я пришёл сюда не для того, чтобы выслушивать оскорбления от низкорослых гуманоидов, — сказал он. Но губы его дрожали. Он был стар, растерян, унижен.

И предвкушение радости победы угасло в Селвере. *В мире больше не оставалось радости, в нём была только смерть*. Он снова сел.

— У меня не было намерения оскорбить вас, полковник Донг, — сказал он безучастно. — Не будете ли вы так добры повторить ваш вопрос?

— Я хочу выслушать ваши условия, а затем вы выслушаете наши, и больше ничего.

Селвер повторил то, о чём накануне говорил с Госсе. Донг слушал с явным нетерпением.

— Да-да. Но вам не известно, что в нашем распоряжении уже три дня есть действующий радиоприёмник.

Селвер знал об этом: Резван немедленно проверил, не оружие ли сбросил на парашюте вертолёт. Часовые сообщили, что это было радио, и он позволил, чтобы оно осталось у *ловеков*. Теперь Селвер просто кивнул.

175 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

176 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

177 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Мы поддерживаем постоянную связь с двумя лагерями на острове Кинга и с лагерем на Новой Яве, — продолжал полковник. — И если бы мы решили прорваться на свободу, то могли бы без труда это осуществить. Вертолёты доставили бы нам оружие и прикрывали бы наше отступление. Нам достаточно одного огнемёта, чтобы проложить себе выход за ограду, а в случае нужды вертолёты могли бы сбросить тяжёлые бомбы. Вы, впрочем, ни разу не видели их в действии.

— Если вы прорвётесь за ограду, куда вы пойдёте дальше?

— Будем придерживаться сути и не затемнять её побочными или ложными факторами, а суть сводится к тому, что в нашем распоряжении, хотя вы, бесспорно, далеко превосходите нас численностью, остаются четыре лагерных вертолёт, которые вам уже не удастся сжечь, потому что теперь их бдительно охраняют круглые сутки, а также достаточное число огнемётов. Таково реальное положение вещей: особого преимущества нет ни у вас, ни у нас, и мы можем вестí переговоры с позиций обоюдного равенства. Разумеется, это временная ситуация. Мы уполномочены в случае необходимости принимать оборонительные полицейские меры, чтобы предотвратить разрастание войны. Кроме того, мы опираемся на огневую мощь Межзвёздного флота Земли, который способен разнести в пыль всю вашу планету. Но вам этого не понять, а потому я скажу проще: в настоящий момент мы готовы вестí с вами переговоры на основе полного равенства.

У Селвера не хватало терпения слушать его. Он знал, что эта раздражительность — симптом тяжёлого душевного состояния, но был не в силах её сдержать.

— Так говорите же!

— Ну, во-первых, я хочу со всей ясностью указать, что, получив передатчик, мы сразу же предупредили людей в лагерях, чтобы они не доставляли нам оружия и не предпринимали никаких попыток вывезти нас на вертолётах или освободить и тем более не допускали никаких ответных действий...¹⁷⁸

— Это было разумно. Что дальше?

Полковник Донг начал было гневную отповедь, но тут же смолк, и лицо у него совсем побелело.

— Я хотел бы сесть...¹⁷⁹

Мимо кучки *ловеков* Селвер поднялся по косогору, вошёл в пустой двухкомнатный коттедж и взял складной стул, стоявший у письменного стола. Перед тем как покинуть окутанную тишиной комнату, он наклонился и прижался щекой к исцарапанной деревянной крышке стола, за которым всегда сидел Любов, когда работал с ним или один. Бумаги Любова ещё лежали

178 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

179 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

там. Селвер слегка их погладил. Потом спустился к дубу и поставил стул на влажную от дождя землю. Старый полковник сел, кусая губы и щуря от боли миндалевидные глаза.

— Господин Госсе, может быть, вы будете говорить за полковника? — сказал Селвер. — Он плохо себя чувствует.

— Говорить буду я, — объявил Бентон, выступая вперёд, но Донг покачал головой и хрипло пробормотал:

— Пусть Госсе.

Теперь, когда полковник сам не говорил, а только слушал, дело пошло быстрее. *Ловеки* принимают условия Селвера. Когда будут даны взаимные обещания поддерживать мир, они отзовут остальных своих людей и будут жить все в одном месте — на расчистке в центре Сорноля, в хорошо орошаемом районе, занимающем площадь около четырёх с половиной тысяч квадратных километров. Они обязуются не заходить в леса, лесные люди обязуются не заходить на Вырубленные Земли.

Спор завязался из-за четырёх оставшихся вертолётчиков. *Ловеки* утверждали, что они им нужны, чтобы перевезти своих людей с других островов на Сорноль. Но машины могли брать только по четыре человека, а каждый полёт продолжался несколько часов. Селвер подумал, что пешком *ловеки* доберутся до Сорноля гораздо быстрее, и предложил перевезти их через проливы на лодках, но оказалось, что *ловеки* никогда далеко пешком не ходят. Ну,¹⁸⁰ хорошо: они могут использовать вертолётчики для «*операции вывоза*», как они выражаются. После этого они их ломают. Сердитый отказ. Свои машины они оберегали ревнивей, чем самих себя. Селвер уступил: они могут оставить вертолётчики, если будут летать на них только над Вырубленными Землями и если всё оружие будет с них снято и уничтожено. Тут они заспорили, но друг с другом, а Селвер ждал и время от времени повторял свои окончательные условия, потому что в этом он не считал возможным уступить.

— Ну какая разница, Бентон? — дрожащим от слабости и гнева голосом сказал наконец старый полковник. — Неужели вы не понимаете, что использовать это проклятое оружие мы всё равно не сможем? Туземцев три миллиона, и они рассеяны по всем этим лесным островам — ни городов, ни важных коммуникаций, ни центрального руководства. *Уничтожить с помощью бомб систему партизанского типа невозможно* — это было доказано ещё в двадцатом веке, когда тот полуостров, откуда я родом, более тридцати лет успешно отражал притязания колониальных держав. А до возвращения корабля у нас вообще нет никакой возможности доказать наше превосходство. Если мы сохраним мелкокалиберное оружие для охоты и обороны, то без остального как-нибудь обойдёмся!

180 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Он был их Старший, и в конце концов его мнение взяло верх, как это было бы и в Мужском Доме. Бентон рассердился. Госсэ заговорил было о том, что произойдёт, если перемирие будет нарушено, но Селвер его перебил:

— Это то, что может быть, а мы ещё не кончили с тем, что есть. Ваш Большой Корабль должен вернуться через три года, то есть через три с половиной года по вашему счёту. До этого времени вы тут свободны. Вам будет не очень тяжело. Из Центрвилла мы больше ничего не возьмём, кроме работ Любова, которые я хочу сохранить. У вас остались почти все ваши орудия для рубки деревьев и копания, а если вам мало, то на вашей территории находятся железные рудники *Пельделя*. Всё это, по-моему, ясно. Остаётся узнать одно: когда Корабль вернётся, как они решат поступить с вами и с нами?

— Мы не знаем, — ответил Госсэ, а Донг пояснил:

— Если бы вы не разломали в первую очередь ансибль-передатчик, мы могли бы получить такую информацию и, разумеется, наши сообщения повлияли бы на окончательное решение касательно статуса этой колонии, каковое мы и начали бы проводить в жизнь ещё до возвращения корабля с Престно. Но из-за вашего бессмысленного вандализма, из-за вашего невежества в отношении ваших же интересов у нас не осталось даже радиопередатчика с радиусом действия больше нескольких сотен километров.

— Что такое *ансибль*? — Это слово, уже несколько раз повторявшееся во время переговоров, было для Селвера новым.

— АМС¹⁸¹, — угрюмо ответил полковник.

— Нечто вроде радио, — высокомерно сказал Госсэ. — Он позволяет нам осуществлять мгновенную связь с нашей планетой.

— Без задержки в двадцать семь лет?

Госсэ уставился на Селвера:

— Верно. Совершенно верно. Ты многому научился от Любова, а?

— Что есть, то есть, — вмешался Бентон. — Любовский зелёный дружок! Разнюхал всё, что мог, и даже сверх того. Например, что надо взорвать в первую очередь, где выставляются часовые, и как пробраться в арсенал. Они наверняка поддерживали связь до последней минуты перед нападением.

Госсэ неуверенно нахмурился:

— Радж погиб. Всё это сейчас не имеет значения, Бентон. Нам необходимо установить...¹⁸²

181 В оригинале снова (см. 100) «АМС» с «АМ» латиницей. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

182 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Вы, кажется, намекаете, Бентон, что капитан Любов вёл подрывную деятельность и предал колонию? — яростно сказал Донг и прижал ладони к животу. — Среди моих людей не было ни шпионов, ни предателей, они были специально отобраны на Земле, и я всегда знаю тех, с кем должен работать.

— Я *не намекаю*, полковник. Я *прямо говорю*, что пискунов подстрекал Любов и что, если бы с прибытием сюда корабля Земфлота инструкции не были изменены, ничего подобного произойти не могло бы!

Госсе и Донг заговорили разом.

— Вы все очень больны, — сказал Селвер, встал и отряхнулся, потому что влажные бурые листья прилипали к его пушистому короткому меху, точно к шёлку. — Мне очень жаль, что мы вынуждены запереть вас в загоне. Это плохое место для душевного здоровья. Пожалуйста, поскорее доставьте сюда остальных ваших людей. Потом, после того как большое оружие будет уничтожено и мы обменяемся обещаниями, вы получите полную свободу. Когда я сегодня уйду отсюда, ворота загона будут открыты. Что-нибудь ещё?

Ни один из них не ответил. Они молча смотрели на него сверху вниз. Семь больших людей со светлой или коричневой безволосой кожей, одетые в ткани, темноглазые, с угрюмыми лицами, и двенадцать маленьких людей, зелёных или коричневато-зелёных, с большими глазами сумеречных существ и лицами сновидцев, а между обеими группами — Селвер, *переводчик*, слабый, изуродованный, держащий все их судьбы в своих пустых руках. На бурую землю, чуть шурша, падал дождь.

— Тогда прощайте, — сказал Селвер и увёл своих людей.

— А они не такие уж глупые, — сказала Старшая Хозяйка из Берре, когда они с Селвером шли назад в Эндтор. — Я думала, такие великаны обязательно должны быть глупыми, но они увидели, что ты — бог, я это поняла по их лицам под конец разговора. А как ты хорошо лопочешь по-ихнему! И они очень безобразные. Неужели у них даже младенцы без шерсти?

— Надеюсь, этого мы никогда не узнаем.

— Бр-р! Только представить, что кормишь такого младенца. Словно дать грудь рыбе!

— Они все сумасшедшие, — удручённо сказал старый Тубаб. — Любов, когда прилетал в Тунтар, таким не был. Он ничего не знал, но он был разумен. А эти...¹⁸³ Они спорят, и презирают своего старика, и ненавидят друг друга. Вот так! — И он сморщил опущенное серым мехом лицо, чтобы показать, как выглядели земляне, чьих слов он, разумеется, не понимал. — А ты им это и сказал, Селвер? Что *они сумасшедшие*?

— Я сказал им, что *они больны*. Но ведь они были побеждены, им было больно, они были заперты в этой каменной клетке. После такого кто уютно мог заболеть и нуждаться в исцелении.

— А исцелить их некому, — сказала Старшая Хозяйка из Берре. — Все их женщины убиты. Им, конечно, плохо. Но какие же они безобразные! Огромные голые пауки — вот кто они такие! Фу!

— Они люди, люди, такие же, как мы. *Люди!* — сказал Селвер, и голос у него стал тонким и режущим, как лезвие ножа.

— Милый мой владыка бог, я же знаю это! Просто они с виду похожи на пауков, — сказала старуха, поглаживая его по щеке. — Вот что, люди, Селвер совсем измучился, расхаживая из Эндтора в Эшсен и обратно. Давайте сядем и передохнём.

— Только не здесь! — сказал Селвер. Они всё ещё были на Вырубленных Землях, среди пней и травянистых косогоров, под бескрайним голым небом. — Вот вернёмся под деревья. — Он споткнулся, и те, кто не были богами, поддержали его и помогли ему идти дальше.

Глава 7.

Диктофон майора Мухамеда пришёлся Дэвидсону очень кстати. Кто-то ведь должен запечатлеть события на Новом Таити — историю того, как трусливо и подло была отдана на гибель земная колония. Пусть корабли, когда они прилетят с Земли, узнают истинную правду. Пусть будущие поколения узнают, на какое предательство, малодушие и глупость способны люди — но также и на какую беззаветную доблесть в самых отчаянных обстоятельствах. В свободные минуты (да, всего лишь минуты с тех пор, как ему пришлось взять на себя командование) он записал всю историю бойни в Лагере Смита и довёл изложение событий до нынешней ситуации на Новой Яве. И на Кинге, и на Центральном тоже — в той мере, в какой удавалось извлекать крупинцы фактов из тех истерических посланий, которыми штаб кормил его с Центрального вместо чёткой и надёжной информации.

Полностью о том, что на самом деле произошло в Центрвилле, никто никогда знать не будет, кроме пискунов, потому что люди там всячески пытаются замаскировать своё предательство и ошибки. Но общая картина всё-таки достаточно ясна. Организованную шайку пискунов, которых привёл Селвер, впустили в арсенал и в ангары, снабдили динамитом, гранатами, автоматами и огнемётами и науськали уничтожить город, а людей перебить. Здание штаба было взорвано первым — вот вам и доказательство, что действовали изнутри. Само собой, Любов участвовал в заговоре, и его зелёные дружки, конечно, показали, на какую благодарность они способны, — перерезали ему глотку наравне с прочими. То есть Госсе и Бентон утверждали, будто утром после бойни видели его труп. Но только можно ли им там верить? Хочешь — не хочешь, а дело ясное: *каждый человек, который уцелел на Центральном после этой ночи, — уже предатель. Предатель своей расы.*

Вот они клянутся, будто женщины убиты все. Плохо, конечно, но куда хуже, что верить этому нельзя. Пискунам ничего не стоило увести пленных в лес, а поймать перепуганную девчонку на окраине горящего города легче лёгкого. И уж зелёная нечисть, само собой, не упустила бы случая захватить женщин, чтобы поизмываться над ними всласть, верно? *Одному Богу известно, сколько ещё женщин томятся в пискуновых норах, в этих вонючих подземных ямах, связанные, беспомощные, а поганые волосатые мартышки щупают их, лапают, подвергают всяким надругательствам! Даже подумать невозможно! Но, чёрт побери, иногда приходится думать и о том, о чём думать невозможно!*

Вертолёт с Кинга сбросил пленникам в Центре радиопередатчик на следующий же день после бойни, и Мухамед записывал все свои переговоры со штабом. Самым невыносимым был разговор с полковником Донгом. Проигрывая запись первый раз, он не выдержал, сорвал её с катушки и сжёг.

Зря, конечно. Надо было сохранить её как доказательство полнейшей негодности командования и на Центральном, и на Новой Яве. Но кто бы выдержал — с такой горячей кровью, как у него! Он просто не мог сидеть и слушать, как *полковник и майор обсуждают полную капитуляцию, сдаются на милость пискунов, соглашаются не принимать ответных мер, не защищаться, соглашаются уничтожить всё боевое оружие и как-нибудь устроиться на клочке земли, отведённом для них пискунами, — в резервации, дарованной великодушными победителями, пакостными зелёными тварями! Поверить невозможно!* В буквальном смысле слова невозможно.

Не исключено, что старички Динг-Донг и Му¹⁸⁴ не имели предательских намерений, а просто спятили, пали духом. Всё эта проклятая планета! Надо быть по-настоящему сильной личностью, чтобы не поддаться ей. Что-то в здешнем воздухе — может, пыльца этих чёртовых деревьев — действует вроде наркотика, так что обычные люди перестают отдавать себе отчёт в окружающем и балдеют, точно пискуны. Ну,¹⁸⁵ а при таком численном превосходстве пискунам ничего не стоит с ними справиться.

Жаль, конечно, что Мухамеда пришлось *убрать*, но он ни за что не принял бы его планов, тут сомнений быть не может. Всякий согласился бы, кто прослушал бы эту невероятную запись. А потому лучше было *пристрелить* его. Во всяком случае, теперь он чист и его имя не покроется позором, как имена Донга и всех офицеров, которые остались в живых на Центральном.

Последнее время Донг к передатчику что-то не подходит, всё больше Юю Серенг из инженерного отдела. Прежде они с Юю частенько проводили свободное время вместе, и он его даже другом считал, но теперь больше никому доверять нельзя. А кроме того, Юю тоже из *азиев*. Как подумаешь, странно получается, что их столько уцелело после Центрвиллской бойни. Из тех, с кем он разговаривал, не *азий* только Госссе. Здесь на Яве пятьдесят пять верных ребят, оставшихся после реорганизации, почти все *евроафры*, вроде него самого, ну,¹⁸⁶ ещё *афры* и *афроазии*, но чистых *азиев* — ни одного! Что ни говори, а кровь — она сказывается. *Если у тебя в жилах нет настоящей крови, как ни крути, человек ты неполноценный.* Конечно, он всё равно спасёт желтомордых подонков на Центральном, но это объясняет, почему они поджали хвосты в трудную минуту.

— Да пойми же наконец, Дон, в какое положение ты всех насставишь! — сказал Юю своим глухим голосом. — Мы заключили с пискунами перемирие по всем правилам. Кроме того, у нас есть прямой приказ Земли *не трогать врасу и не наносить ответного удара.* И как, чёрт побери, мы бы нанесли его? Даже теперь, когда остров Кинга и лагерь на юге Центрального полностью эвакуированы, нас тут всё-таки меньше двух тысяч, а у тебя на Яве всего человек шестьдесят пять, верно? Неужели ты всерьёз веришь, Дон, что две тысячи человек способны справиться с тремя миллионами разумных врагов?

184 В оригинале «Му» латиницей. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

185 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

186 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Юю, да на *это* и пятидесяти человек хватит! Были бы желание, умение и оружие.

— Бред! Но в любом случае, Дон, мы заключили перемирие. И если оно будет нарушено, нам конец. Только благодаря ему мы и держимся. Может быть, когда они вернутся с Престно и увидят, *что* произошло, они решат покончить с пискунами. Этого мы не знаем. А пока похоже, что пискуны намерены соблюдать перемирие — в конце-то концов, это они его предложили! — а нам ничего другого не остаётся. Их столько, что они нас голыми руками могут уничтожить, как произошло в Центрвилле. Они туда тысячами нагрянули. Неужели ты этого не можешь понять, Дон?

— Послушай, Юю, я, конечно, понимаю. Если вы боитесь использовать ваши три вертолёта, так отправьте их сюда с ребятами, которые думают так же, как мы здесь, на Новой Яве. Раз уж мне придётся в одиночку вас освободить, то лишние вертолёты не помешают.

— *Ты нас не освободишь, ты нас погубишь, идиот чёртов!* Отошли свой вертолёт на Центральный немедленно! Это *приказ* полковника лично тебе, как исполняющему обязанности начальника лагеря. Используй его для переброски своих людей. Понадобится не больше двенадцати полётов, и вы свободно уложитесь в четыре здешних дневных периода. А теперь *выполняй приказ!*

Щёлк — и выключил приёмник. *Побоялся с ним спорить!*

Но ведь с них станется послать свои три вертолёта на Новую Яву, чтобы разбомбить или сжечь лагерь, поскольку формально он не подчиняется приказу, а старик Донг не терпит самостоятельности! Достаточно вспомнить, как он уже с ним разделался за пустяковые карательные меры на Смите. Не простил ему инициативы! Старик Динг-Донг, как большинство офицеров, любит безоговорочное послушание. Беда только в том, что такие в конце концов сами становятся послушными...¹⁸⁷

И тут Дэвидсон испытал подлинное душевное потрясение, вдруг сообразив, что *вертолётов ему опасаться нечего*. Донг, Серенг, Госсе, даже Бентон *струсят* послать их! Пискуны приказали, чтобы люди не смели пользоваться вертолётами за пределами своей резиденции, и они подчинились!

Чёрт! Его чуть наизнанку не вывернуло. Пора действовать! Они и так уже почти две недели прождали неведомо чего! Оборону лагеря он наладил: частокол укрепили и довели до такой высоты, что ни одна зелёная мартышка через него не перелезет, а Эйби — молодец мальчишка! — изготовил полсотни отличных мин и заложил их в стометровом поясе вокруг лагеря. Теперь настало время показать пискунам, что на Новой Яве они имеют дело с настоящими людьми, с настоящими мужчинами, а не со стадом овец, как на Центральном. Он поднял вертолёт и провёл отряд пехоты к пискуным норам на юг от лагеря. Он научился распознавать такие места с воздуха по плодовым садам и по скоплениям деревьев определённых видов, хотя и не высаженных

187 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

аккуратными рядами, как у людей. Просто жуть брала, сколько тут обнаружилось таких мест, едва он нашёл способ определять их с воздуха. Лес кишмя кишел этой пакостью. Карательный отряд выжег к чёрту эти нóры, а когда он с парой ребят летел обратно, то обнаружил ещё нóры — меньше чем в четырёх километрах от лагерь! И на них, чтобы чётко и ясно поставить свою подпись — пусть читает, кто захочет, — он сбросил бомбочку. Простенькую зажигалочку, но и от неё зелёный мех клочьями полетел. В лесу́ она оставила здоровую прореху, и край прорехи были охвачены огнём.

Собственно говоря, это и есть его оружие для массированного ответного удара. Лесные пожары. Хватит одного рейда на одном вертолётe с зажигалочками и огненным студнем, чтобы выжечь целый остров. Придётся, правда, подождать месяц-другой, до конца сезона дождей. А какой сжечь — Кинга, Смита или Центральный? Начать, пожалуй, сто́ит с Кинга — так, маленькое предупреждение, поскольку людей там больше нет. А потóм Центральный, если они и дальше будут брыкаться.

— Что вы затеяли? — донёсся голос из приёмника, и Дэвидсон ухмыльнулся: ну словно старуха верещит, которую малость пощекотали. — Вы отдаёте себе отчёт в том, что делаете, Дэвидсон?!

— Ага!

— Вы что, рассчитываете *запугать* пискунов? —¹⁸⁸ На этот раз не Юю. Должно быть, умник Госсе, а может, и не он, но какая разница? Все они только и умеют *блеять*, овцы поганые.

— Вот именно, — ответил он с мягкой такой иронией.

— По-вашему, если вы будете жечь их посёлки, они сдадутся на вашу милость — все три миллиона? Так?

— Может, и так.

— Послушайте, Дэвидсон, — сказал передатчик, и в нём что-то захрипело, зашелестело. Ну да, понятно, пользуются аварийной аппаратурой, потому что большой передатчик сгорел вместе с их хвалёным ансамблем, туда ему и дорóга! — Послушайте, Дэвидсон, не могли бы мы поговорить с кем-нибудь ещё?

— Нет, тут все по горло заняты. Да, кстати, живётся нам тут неплохо, но не мешало бы разжиться сладеньким — фруктовыми коктейлями, персиками, ну,¹⁸⁹ и прочей ерундой. Кое-кому из ребят очень этого не хватает. Кроме того, мы не получили в срок марихуану, потому что вы там прошаляли город. Так если я пошлю вертолёт, не сможете ли уделить нам ящик-другой сластей и травки?

Молчание, а потóм:

— Хорошо. Высылайте вертолёт.

188 В оригинале после вопросительного знака без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

189 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Чудненко. Уложите ящики в сетку, и ребята её подцепят, чтобы не приземляться, — сказал он и ухмыльнулся.

Из Центра что-то залопотали, и вдруг прорёзался голос старика Донга. В первый раз полковник сам к нему обратился. Пыхтит, старая перечница, и еле пищит, сквозь помехи и не разобрать толком, что он там бормочет.

— Слушайте, капитан, я хочу знать, отдаёте ли вы себе отчёт, на какие меры вы толкаете меня своими действиями на Новой Яве, если вы и впредь не будете выполнять мои приказы? Я пытаюсь говорить с вами как с разумным и лояльным офицером. Для обеспечения безопасности моих подчинённых здесь, на Центральном острове, я буду вынужден поставить аборигенов в известность, что мы слагаем с себя всякую ответственность за ваши действия.

— Совершенно справедливо, господин полковник.

— Я пытаюсь объяснить вам, что мы вынуждены будем сообщить им о своём бессилии воспрепятствовать нарушениям перемирия на Новой Яве. У вас там шестьдесят шесть человек, и они нужны мне здесь, чтобы мы могли сохранить колонию до возвращения «Шеклтона». Ваши действия — это самоубийство, а за жизнь тех, кто находится там с вами, отвечаю я.

— Нет, господин полковник, не вы, а я. Так что успокойтесь. Но только, когда джунгли вспыхнут, быстренько переберитесь на серединку Вырубки. Мы вовсе не хотим поджарить вас заодно с пискунами.

— Слушайте, Дэвидсон! Я приказываю вам немедленно передать командование лейтенанту Темба и явиться ко мне сюда, — сказал далёкий писклявый голос, и Дэвидсон неожиданно для себя выключил приёмник. Его мутило.

Совсем спятили: всё ещё играют в солдатики и не желают взглянуть правде в глаза! Но, с другой стороны, *мало кто способен бескомпромиссно принять действительность, если дела идут скверно.*

И, конечно, после того как он разорил десяток-другой¹⁹⁰ нор, местные пискуны только затаились. Он с самого начала знал, что разговор с ними должен быть короткий: нагони на них страху —¹⁹¹ и потом не давай спуска. Тогда они прекрасно разберутся, кто тут главный, и подожмут хвосты раз и навсегда. Теперь в радиусе тридцати километров от лагеря все норы были вроде бы покинуты, но он всё равно каждые два-три дня посылал отряды выжигать их.

А у ребят начали сдавать нервишки. До сих пор он не давал им сидеть сложа руки — из оставшихся в живых отборных пятидесяти пяти человек сорок восемь были лесорубами, так и пусть занимаются привычным делом:¹⁹² валят лес. Но они знали, что прибывающие с земли робогрузовозы уже не смогут спуститься на планету и будут вертеться на орбите в ожидании сигнала, который нечем подать. А что за радость валять лес неизвестно для

190 В оригинале «другой». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

191 В оригинале запятая вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

192 В оригинале запятая вместо двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

чего? Это ведь нелёгкая работа. Лучше уж просто его *сжигать*. Он разбил своих людей на взводы, и они отрабатывали способы поджога. Пока ещё лили дожди и толком у них ничего не получалось, но всё-таки они не кисли зря. Эх, были бы у него те три вертолёт! Вот тогда бы дела пошли по-настоящему. Он взвешивал мысль о рейде на Центр, чтобы освободить вертолёт, но пока не говорил про это даже Эйби и Темба, самым надёжным из всех. Кое-кто из ребят побоится участвовать в вооружённом налёте на собственный штаб. Они всё ещё к месту и не к месту повторяют: «*Вот когда мы вернёмся к остальным...*»¹⁹³ И не знают, что эти «остальные» бросили их, предали, продались пискунам, лишь бы спасти свою шкуру. Этого он им не сказал — они могли бы и не выдержать.

Просто в один прекрасный день он, Эйби, Темба и ещё кто-нибудь из надёжных парней отправятся через пролив, а там трое спрыгнут с автоматами, захватят по вертолёту и отправятся домой — *тру-ля-ля, тру-ля-ля*, и отправятся домой. С четырьмя отличными *взбивалками* для яиц. *Не взобьёшь яиц — омлета не сделаешь!*

Дэвидсон громко захохотал в темноте своего коттеджа.

Может, он и не будет особенно торопиться с этим планом: слишком уж приятно его обдумывать.

Прошло ещё две недели, и они покончили со всеми крысиными норами на расстоянии дня пути от лагеря: лес теперь стоял чистенький и аккуратный. Никаких поганых тварей, никаких дымков над вершинами деревьев. Никто не прыгает перед тобой из кустов и не плюхается на спину с закрытыми глазами — ещё дави их! Никаких тебе зелёных мартышек. Чащоба деревьев и десятков пожарищ. Только вот ребята, того гляди, на стенку полезут. Пора отправляться за вертолётами.

И как-то вечером он сообщил свой план Эйби, Темба и Поусту.

Они с минуту молчали, а потом Эйби спросил:

— А как с горючим, капитан?

— Горючего хватит.

— На один вертолёт. А четыре за неделю весь запас сожгут.

— То есть как? Что же, у нас для нашего только месячный запас остался?¹⁹⁴

Эйби кивнул.

— Ну, значит, нужно будет заодно захватить и горючее.

— А каким образом?

— Вот вы это и обмозгуйте.

193 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

194 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь одного персонажа завершилась и начинается ответная реакция другого. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Сидят и глядят на тебя ошалело. Просто зло берёт. Всё за них делай! Конечно, он прирождённый руководитель, но ему нравятся парни, которые и сами умеют соображать!

— Ну-ка, Эйби, это по твоей части, — сказал он и вышел покурить.

Никакого терпения не хватит, до того все хвосты поджигают. Не могут посмотреть в глаза фактам —¹⁹⁵ и всё тут.

С марихуаной у них стало туговато, и он уже два дня как ни одной сигареты не выкурил. Ну, да ему это нипочём. Небо было затянуто тучами, сырая, тёплая мгла пахла весной. Мимо прошёл *Джинини*, скользя, точно конькобежец или даже гусеничный робот, потом таким же неторопливым скольльзящим движением повернулся к крыльцу коттеджа и устоялся на Дэвидсона в смутном свете, падавшем из открытой двери. Джинини, широкоплечий великан, работал на роботопиле.

— Источник моей энергии подключён к Великому Генератору, и отключить меня невозможно, — сказал он ровным голосом, не сводя глаз с Дэвидсона.

— Марш в казарму, отсыпаться! — скомандовал Дэвидсон тем резким, как удар хлыста, голосом, которого ещё никто никогда не слушался, и секунду спустя Джинини заскользил дальше, грузный, но тяжеловесно изящный.

Последнее время ребята слишком уж налегают на галлюциногены. Этого добра хватает, но что хорошо для отдыхающего лесоруба, не очень-то годится для солдат крохотного отряда, брошенного всеми на враждебной планете. У них нет времени накачиваться и шалеть. Придётся убрать эту дрянь под замок. Правда, как бы кое-кто из ребят не дал трещины...¹⁹⁶ Ну и пусть! *Яйцо не треснет — омета не собьёшь!* Может, отправить их на Центральный в обмен на горючее? Вы мне — две-три цистерны с горючим, а я вам за них — двух-трёх тёпленьких лунатиков, дисциплинированных солдатиков, отличных лесорубов и совсем под стать вам: тоже попрятались в снах и знать ничего не желают...¹⁹⁷

Он ухмыльнулся и решил, что стоит обсудить этот план с Эйби и остальными, как вдруг часовой пронзительно завопил с дымовой трубы лесопилки:

— Идут! Они *идут!*

С западного поста тоже донеслись крики. Раздался выстрел.

И они таки пришли! Чёрт, рассказать кому-нибудь, так не поверят! Тысячами лезут, буквально *тысячами!* И ведь ни звука, ни шороха, пока не завопил часовой, а потом выстрел, а потом взрыв...¹⁹⁸ Мина взорвалась! И ещё,

195 В оригинале запятая вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

196 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

197 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

198 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

и ещё! А тут один за другим вспыхнули сотни факелов и огненными дугами взлетели в тёмном сыром воздухе, точно ракеты, а с частокола со всех сторон посыпались пискуны, волна за волной, захлёстывая лагерь, всё перед собой сметая — тысячи их, *тысячи!* Словно полчища крыс, как тогда в Кливленде, штат Огайо, во время последнего голода, когда он был совсем малышом. Что-то выгнало крыс из их нор, и они среди бела дня полезли через забор — живое мохнатое одеяло, блестящие глаза, когтистые лапы...¹⁹⁹ Он заорал и побежал к матери...²⁰⁰ А может, ему это тогда просто приснилось? *Спокойнее, спокойнее, не теряй головы! Скорее в бывший пискуний загон, к вертолёту. Там ещё темно...*²⁰¹ А, чёрт! *Замок на воротах.* Пришлось его повесить на случай, если какой-нибудь слабак вздумает выбрать ночку потемнее и смыться к папаше Динг-Донгу. Скорее найти ключ...²⁰² никак его не вставишь...²⁰³ не повернёшь толком. *Ничего, ничего, только не теряй головы...*²⁰⁴ А теперь ещё надо бежать к вертолёту, отпирать его. Откуда-то взялись рядом Поуст и Эйби. Ну вот, наконец затрещал мотор, завертелся винт, взбивая яйца, заглушая все жуткие звуки, писк, визг, пронзительное пение. А они взмыли в небо, и ад провалился вниз — горящий загон, полный крыс...²⁰⁵

— Чтобы быстро и правильно оценить обстановку, нужна голова на плечах, — сказал Дэвидсон. — Вы, ребята, и думали быстро, и действовали быстро. Молодцы! А где Темба?

— Лежит с копьём в брюхе, — ответил Поуст. Эйби, вертолётчику, словно бы не терпелось самому вести вертолёт, и Дэвидсон уступил ему место, а сам перебрался на заднее сиденье и расслабился. Под ним в густой, непроглядной темноте чёрной полосой тянулся лес.

— Ты куда это взял курс, Эйби?

— На Центральный.

— Нет! На Центральный мы не полетим!

— А куда же мы полетим? — спросил Эйби, хихикнув, словно девка. — В Нью-Йорк? В Карачи?

— Пока поднимись повыше, Эйби, и иди в обход лагеря. Только широким кругом —²⁰⁶ так, чтобы внизу слышно не было.

— Капитан, *лагеря больше нет,*²⁰⁷ — сказал Поуст, старший лесоруб, коренастый спокойный человек.

199 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

200 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

201 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

202 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

203 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

204 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

205 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

206 В оригинале запятая вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

207 В оригинале точка с запятой вместо запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Когда пискуны кончат жечь лагерь, мы спустимся и сожжём пискунов. Их там четыре тысячи — все в одном месте. А у нас на хвосте установлено шесть огнемётов. Дадим пискунам минут двадцать и угостим их банками со студнем, а тех, кто побежит, прикончим огнемётами.

— Чёрт! — выругался Эйби. — Там ведь наши ребята! Может, пискуны их взяли в плен, мы же не знаем. Нет уж! Я не полечу назад *жечь людей!* — И он не повернул вертолёт.

Дэвидсон прижал пистолет к затылку Эйби и сказал:

— Мы полетим назад, а потому возьми себя в руки, детка. Мне с тобой возиться некогда.

— Горючего в баке хватит, чтобы добраться до Центрального, капитан, — сказал вертолётчик, подёргивая головой, словно пистолет был мухой и он пытался её отогнать. — И всё. Больше нам горючего взять негде.

— Ну так полетим на этом. Поворачивай, Эйби.

— Я думаю, нам лучше лететь на Центральный, капитан, — сказал Поуст этим своим спокойным голосом.

Стакнулись, значит! Дэвидсон в ярости перехватил пистолет за ствол и стремительно, как жалящая змея, ударил Поуста рукояткой над ухом. Лесоруб перегнулся пополам и остался сидеть на переднем сиденье, опустив голову между колен, а руками почти упираясь в пол.

— Поворачивай, Эйби! — сказал Дэвидсон голосом, точно удар хлыста, и вертолёт по пологой кривой лёг на обратный курс.

— Чёрт, а где лагерь? Я никогда не летал ночью без ориентиров, — пробормотал Эйби таким сиплым и хлюпающим голосом, точно у него вдруг начался насморк.

— Держи на восток и смотри, где горит, — сказал Дэвидсон холодно и невозмутимо.

Все они на поверку оказались слизняками. Даже Темба. Ни один не встал рядом с ним, когда пришёл трудный час. Рано или поздно все они сговаривались против него просто потому, что не могли выдержать того, что выдерживал он. *Слабаки всегда сговариваются за спиной сильного, и сильный человек должен стоять в одиночку и полагаться только на себя.* Так уж устроен мир.

Куда, к чёрту, провалился лагерь? В этой тьме даже сквозь дождь зарево пожара должно быть видно на десятки километров. А нигде — ничего. Чёрно-серое небо вверху, чернота внизу. Значит, пожар погас...²⁰⁸ Его погасили...²⁰⁹ Неужели люди в лагере отбились от пискунов? После того как он спасся на вертолёте? Эта мысль обожгла его мозг, как струя ледяной воды. Да

208 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

209 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

нет...²¹⁰ конечно же, нет! Пятьдесят против тысяч? Ну нет? Но, чёрт побери, зато сколько пискунов подорвалось на минных полях! Всё дело в том, что они валом валялись. И ничем их нельзя было остановить. Этого он никак предвидеть не мог. И откуда они, собственно, взялись? В лесу вокруг лагеря пискунов уже давным-давно не осталось. А потом вдруг валом повалили со всех сторон, пробрались по лесам и вдруг полезли из всех своих нор, как крысы. Тысячи и тысячи. *Так*, конечно, их ничем не остановишь! Куда, к чёрту, девался лагерь? Эйби только делает вид, будто его ищет, а сам своё гнёт.

— Найди лагерь, Эйби, — сказал он ласково.

— Так я же его *ищу*! — огрызнулся мальчишка. А Поуст ничего не сказал — так и сидел, перегнувшись, рядом с Эйби.

— Не мог же он сквозь землю провалиться, верно, Эйби? У тебя есть ровно семь минут, чтобы его отыскать.

— Сами ищите! — злобно взвизгнул Эйби.

— Подожду, пока вы с Поустом не образумитесь, детка. Спустись пониже!

Примерно через минуту Эйби сказал:

— Вроде бы река.

Действительно, река. И больша́я расчистка. Но лагерь-то где?

Они пролетели над расчисткой, но так ничего и не увидели.

— Он должен быть здесь, ведь другой большой расчистки на всём острове нет, — сказал Эйби, поворачивая обратно.

Их посадочные прожекторы били вниз, но вне этих двух столбов света ничего нельзя было разобрать. Надо их выключить!

Дэвидсон перегнулся через плечо вертолётчика и выключил прожекторы. Непроницаемая сырая мгла хлестнула их по глазам, точно чёрное полотенце.

— Что вы делаете? — взвизгнул Эйби, включил прожекторы и попытался круто поднять вертолёт, но опоздал. *Из мрака выдвинулись чудовищные деревья и поймали их.*

Застонали лопасти винта, в туннеле прожекторных лучей закружились вихри листьев и веток, но стволы были толстыми и крепкими. Маленькая летающая машина накренилась, дёрнулась, словно подпрыгнула, высвободилась и боком рухнула в лес. Прожекторы погасли. Сразу наступила тишина.

— Что-то мне скверно, — сказал Дэвидсон.

210 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

И снова повторил эти слова. Потом перестал их повторять, потому что говорить их было некому. Тут он сообразил, что вообще не говорил. Мысли мутились. Наверное, стукнулся затылком. Эйби рядом нет. Где же он? А это вертолёт. Совсем перекошенный, но он сидит, как сидел. А темнота-то, темнота — хоть глаз выколи.

Дэвидсон начал шарить руками вокруг и нащупал неподвижное, по-прежнему скорченное тело Поуста, зажатое между передним сиденьем и приборной доской. При каждом движении вертолёт покачивался, и он наконец сообразил, что машина застряла между деревьями, запуталась в ветках, точно воздушный змей. В голове у него немного прояснилось, но им овладело непреодолимое желание как можно скорее выбраться из тёмной накренившейся кабины. Он переполз на переднее сиденье, спустил ноги наружу и повис на руках. Ноги болтались, но не задевали землёй — ничего, кроме веток. Наконец,²¹¹ он разжал руки. Плевать, сколько ему падать, но в кабине он не останется! До земли оказалось не больше полутора метров. От толчка заболела голова, но он встал, выпрямился, и ему стало легче. Если бы только вокруг не было так темно, так черно! Но у него на поясе есть фонарик — выходя вечером из коттеджа, он всегда брал с собой фонарик. Так где же фонарик? Странно. Отцепился, должно быть. Пожалуй, следует залезть в вертолёт и поискать. А может, его взял Эйби? Эйби нарочно разбил вертолёт, забрал его фонарик и сбежал. Слизняк, такой же, как все они. В этой чёртовой мокрой тьме не видно даже, что у тебя под ногами. Корни всякие, кусты. А кругом — шорохи, чавканье, непонятно какие звуки: дождь шуршит по листьям, твари какие-то шастают, шелестят...²¹² Нет, надо слазить в вертолёт за фонариком. Только вот как? Хоть на цыпочки встань, не дотянешься.

Вдалеке за деревьями мелькнул огонёк и исчез. Значит, Эйби взял его фонарик и пошёл на разведку, чтобы ориентироваться. Молодец мальчик!

— Эйби! — позвал он пронзительным шёпотом, сделал шаг вперёд, стараясь снова увидеть огонёк, и наступил на что-то непонятное. Ткнул башмаком, а потом осторожно опустил руку, чтобы пощупать, — очень осторожно, потому что ощупывать то, что не видишь, всегда опасно. Что-то мокрое, скользкое, будто дохлая крыса. Он быстро отдернул руку. Потом снова нагнулся и пощупал в другом месте. Башмак! Шнурки...²¹³ Значит, у него под ногами валяется Эйби. Выпал из вертолёта. Так ему и надо, сукину сыну, — на Центральный хотел лететь, иуда!

Дэвидсону стало неприятно от влажного прикосновения невидимой одежды и волос. Он выпрямился. Снова показался свет — неясное сияние за частоколом из ближних и дальних стволов. Оно двигалось. Дэвидсон сунул руку в кобуру. Пистолета там не было. Он вспомнил, что держал его в руке, на случай, если Эйби или Поуст попробуют что-нибудь выкинуть. Но в руке пистолета тоже не было. Значит, валяется в вертолёте вместе с фонариком.

211 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

212 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

213 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Дэвидсон нагнулся и замер, а потом побежал. Он ничего не видел. Стволы толкали его из стороны в сторону, корни цеплялись за ноги...²¹⁴ Внезапно он растянулся во весь рост на земле среди затрепавших кустов. Он приподнялся и на четвереньках пополз в кусты, стараясь забраться поглубже. Мокрые ветви царапали ему лицо, хватали за одежду. Но он упрямо полз вперёд. Его мозг не воспринимал ничего, кроме сложных запахов гниения и роста, прелых листьев, влажных листьев, трухи, молодых побегов, цветов — запахов ночи, весны и дождя. Ему на лицо упал свет. Он увидел пискунов. И вспомнил, что они делают, если загнать их в угол, вспомнил, что говорил об этом Любав. Он перевернулся на спину, откинул голову, зажмурил глаза и замер. Сердце стучало в груди как сумасшедшее.

Ничего не произошло.

Открыть глаза было очень трудно, но в конце концов он всё-таки сумел это сделать. Они стояли вокруг. Их было много — может, десять, а может, и двадцать. Держат эти свои охотничьи копыта — просто зубочистки, но наконечники из железа, и такие острые, что вспорют тебе брюхо, оглянуться не успеешь. Он зажмурился и продолжал лежать неподвижно.

И ничего не произошло.

Сердце утомилось, стало легче думать. Что-то защекотало его внутри, что-то похожее на смех. Чёрт подери! Он им не по зубам. Свои его предали, человеческий ум бессилён что-нибудь придумать, а он прибегнул к их собственной хитрости — притворился мёртвым и сыграл на их инстинкте, который не позволяет убивать тех, кто лежит на спине, закрыв глаза. Стоят вокруг, лопочут между собой, а сделать ничего не могут, пальцем дотронуться до него боятся. Будто он — бог.

— Дэвидсон!

Пришлось снова открыть глаза. Сосновый факел в руках одного из пискунов всё ещё горел, но пламя побледнело, а лес был уже не угольно-чёрным, а белым. Как же так? Ведь прошло от силы десять минут. Правда, ещё не совсем рассвело, но ночь кончилась. Он видит листья, ветки, деревья. Видит склонённое над ним лицо. В сером сумраке оно казалось серым. Всё в рубцах, но вроде бы человеческое, а глаза — как две чёрные дыры.

— Дайте мне встать, — внезапно сказал Дэвидсон громким хриплым голосом.

Его бил озноб: сколько можно валяться на сырой земле! И чтобы Селвер смотрел на него сверху вниз? Ну уж нет!

У Селвера никакого оружия не было, но мартышки вокруг держали наготове не только копыта, но и пистолеты. Растащили его запасы в лагере!

Он с трудом поднялся. Одежда леденила плечи и ноги. Ему никак не удавалось унять озноб.

214 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Ну,²¹⁵ кончайте, — сказал он. — Быстро-быстро!

Селвер продолжал молча смотреть на него. Но всё-таки снизу вверх, а не сверху вниз!

— Вы хотите, чтобы я вас убил? — спросил он.

Подхватил у Любова его манеру разговаривать: даже голос совсем любовский. Чёрт знает что!

— Это моё право, ведь так!

— Ну, вы всю ночь пролежали в позе, которая означает, что *вы хотели, чтобы мы оставили вас в живых*. А теперь *вы хотите умереть?*

Боль в животе и голове, ненависть к этому поганому уродцу, который разговаривает, точно Любков, и решает, жить ему или умереть, — эта боль и эта ненависть душили его, поднимались в глотке тошнотным комком. Он трясся от холода и отвращения. Надо взять себя в руки. Внезапно он шагнул вперёд и плюнул Селверу в лицо.

А секунду спустя Селвер сделал лёгкое танцующее движение и тоже плюнул. И засмеялся. И даже не попытался убить его. Дэвидсон вытер с губ холодную слюну.

— Послушайте, капитан Дэвидсон, — сказал пискун всё тем же спокойным голосом, от которого Дэвидсона начинало мутить, — мы же с вами оба *боги*. Вы сумасшедший, и я, возможно, тоже, но мы *боги*. Никогда больше не будет в лесу встречи, как эта наша встреча. Мы приносим друг другу дары, какие приносят только боги. От вас я получил *дар убийства себе подобных*. А теперь, насколько это в моих силах, я вручаю вам дар моих соплеменников — *дар не убивать*. Я думаю, для каждого из нас полученный дар равно тяжёл. Однако вам придётся нести его одному. Ваши соплеменники в Эшсене сказали мне, что *вынесут решение о вас, и, если я приведу вас туда, вы будете убиты*. Такой у них закон. И если я хочу подарить вам жизнь, я не могу отвести вас с другими пленными в Эшсен. А оставить вас в лесу на свободе я тоже не могу — вы делаете слишком много плохого. Поэтому мы поступим с вами так, как поступаем с теми из нас, кто сходит с ума. Вас увезут на *Рендлен*, где теперь больше никто не живёт, и оставят там.

Дэвидсон смотрел на пискуна и не мог отвести глаз. Словно его подчинили какой-то гипнотической власти. Этого он терпеть не станет. Ни у кого нет власти над ним! Никто не может ему ничего сделать!

— Жаль, что я не свернул тебе шею в тот день, когда ты на меня набросился, — сказал он всё тем же хриплым голосом.

— Может быть, это было бы самое лучшее, — ответил Селвер. — Но Любков помешал вам. Так же, как теперь он мешает мне убить вас. Больше никого убивать не будут. И рубить деревья — тоже. На Рендлепе не осталось деревьев. Это остров, который вы называете *Свалкой*. Ваши соплеменники не

215 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

оставили там ни одного дерева, так что вы не сможете построить лодку и уплыть оттуда. Там почти ничего не растёт, и мы должны будем привозить вам пищу и дрова. Убивать на Рендлепе некого. Ни деревьев, ни людей. Прежде там были и деревья, и люди, но теперь от них остались только сны. Мне кажется, раз вы будете жить, то для вас это самое подходящее место. Может быть, вы станете там сновидцем, но скорее всего вы просто *пойдёте за своим безумием до конца*.

— Убейте меня теперь, и хватит издеваться!

— Убить вас? — спросил Селвер, и в рассветном лесу его глаза, глядевшие на Дэвидсона снизу вверх, вдруг засияли светло и страшно. — *Я не могу убить вас, Дэвидсон. Вы — бог. Вы должны сами это сделать.*

Он повернулся, быстрый, лёгкий, и через несколько шагов скрылся за серыми деревьями.

По щекам Дэвидсона скользнула петля и легла ему на шею. Маленькие копыта надвинулись на него сзади и с боков. Они трусят прикоснуться к нему. Он мог бы вырваться, убежать — они не посмеют его убить. Железные наконечники, узкие, как листья ивы, были отшлифованы и наточены до остроты бритвы. Петля на шее слегка затянулась. И он пошёл туда, куда они вели его.

Глава 8.

Селвер уже давно не видел Любова. Этот сон был с ним на Ризуэле. Был с ним, когда он в последний раз говорил с Дэвидсоном. А потом исчез и, может быть, спал теперь в могиле мёртвого Любова в Эшсене, потому что ни разу не пришёл к Селверу в Бротер, где он теперь жил.

Но когда вернулась больш́ая лодка и Селвер отправился в Эшсен, его там встретил Любова. Он был безмолвным, туманным и очень грустным, и в Селвере проснулось прежнее тревожное горе.

Любова оставался с ним тенью в его сознании, даже когда он пришёл на встречу с *ловеками*, которые прилетели на большой лодке. Это были сильные люди, совсем не похожие на *ловеков*, которых он знал, если не считать его друга, но Любова никогда не был *таким* сильным.

Он почти забыл язык *ловеков* и сначала больше слушал. А когда убедился, что они именно такие, отдал им тяжёлый ящик, который принёс с собой из Бротера.

— Внутри работа Любова, — сказал он, с трудом подбирая нужные слова. — Он знал о нас гораздо больше, чем знают остальные. Он изучил мой язык и знал Мужскую речь, и мы всё это записали. Он во многом понял, *как* мы живём и уходим в сны. Остальные совсем не понимают. Я отдам вам его работу, если вы отвезёте её туда, куда он хотел её отослать.

Высокий, с белой кожей, которого звали Лепеннон, очень обрадовался, поблагодарил Селвера и сказал, что бумаги обязательно отвезут туда, куда хотел Любова, и будут их очень беречь. Селверу было приятно это услышать. Но ему было больно называть имя друга вслух, потому что лицо Любова, когда он обращался к нему в мыслях, оставалось таким же бесконечно грустным. Он отошёл в сторону от *ловеков* и только наблюдал за ними. Кроме пятерых с корабля сюда пришли Донг, Госсе и ещё другие из Эшсена. Новые были чисты и блестящи, как недавно отшлифованное железо. А прежние отрастили шерсть на лицах и стали чуть-чуть похожи на очень больш́их атшиян, только с чёрным мехом. Они всё ещё носили одежду, но старую, и больше не содержали её в чистоте. Никто из них не исхудал, кроме их Старшего, который так и не выздоровел после Ночи Эшсена, но *все они были немного похожи на людей, которые заблудились или сошли с ума.*

Встреча произошла на опушке, где по молчаливому соглашению все эти три года ни лесные люди, ни *ловеки* не строили жилищ и куда даже не заходили. Селвер и его спутники сели в тени больш́ого ясеня, который стоял чуть в стороне от остальных деревьев. Его ягоды пока ещё казались

маленькими зелёными узелками на тонких веточках, но листья были длинными, лёгкими, упругими и по-летнему зелёными. Свет под огромным деревом был неяркий, смягчённый путаницей теней.

Ловеки советовались между собой, приходили, уходили, а потом один из них наконец пришёл под ясень. Жёсткий ловец с корабля, *коммодор*. Он присел на корточки напротив Селвера, не попросив разрешения, но и не желая оскорбить. Он сказал:

— Не могли бы мы поговорить немножко?

— Конечно.

— Вы знаете, что мы увезём всех землян. Для этого мы прилетели на двух кораблях. Вашу планету больше не будут использовать для колонизации.

— Эту весть я услышал в Бротере три дня назад, когда вы прилетели.

— Я хотел убедиться, поняли ли вы, что это — *навсегда*. Мы не вернёмся. На вашу планету Лига наложила *запрет*. Если сказать по-другому, более понятными для вас словами, я обещаю, что, пока существует Лига, никто не прилетит сюда рубить ваши деревья или забирать вашу землю.

— Никто из вас никогда не вернётся, — сказал Селвер, не то спрашивая, не то утверждая.

— На протяжении жизни пяти поколений — да. Никто. Потом, возможно, несколько человек всё-таки прилетят. Их будет десять-пятнадцать²¹⁶. Во всяком случае, не больше двадцати. Они прилетят, чтобы разговаривать с вами и изучать вашу планету, как делали некоторые люди в колонии.

— Учёные, *специалы*, — сказал Селвер и задумался. — Вы решаете сразу все вместе, вы, люди, — вновь не то спросил, не то подтвердил он.

— Как так? — Коммодор насторожился.

— Ну, вы говорите, что никто из вас не будет рубить деревья Атши, и вы все перестаёте рубить. Но ведь вы живёте во многих местах. Если, например, Старшая Хозяйка в Карачи отдаст распоряжение, в соседнем селении его выполнять не будут, а уж о том, чтобы все люди во всём мире сразу его выполнили, и думать нечего...²¹⁷

— Да, потому что у вас нет единого правительства. А у нас оно есть...²¹⁸ теперь, и его распоряжения выполняются — всеми и сразу. Но, судя по тому,²¹⁹ что нам рассказали здешние колонисты, ваше распоряжение, Селвер, выполнили все и на всех островах сразу. Как вы этого добились?

— Я тогда был богом, — сказал Селвер без всякого выражения.

216 В оригинале «десять—пятнадцать» через тире вместо дефиса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

217 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

218 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

219 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

После того как коммодор ушёл, к ясеню неторопливо подошёл высокий белый ловец и спросил, можно ли ему сесть в тени дерева. Этот был вежлив и очень умен. Селвер чувствовал себя с ним неловко. Как и Любов, он будет ласков, он всё поймёт, а сам останется непонятен. Потому что самые добрые из них были так же неприкосновенны, так же далеки, как самые жестокие. Вот почему присутствие Любова в его сознании причиняло ему страдания, а сны, в которых он видел Теле, свою умершую жену, и прикасался к ней, приносили радость и умиротворение.

— Когда я был тут раньше, — сказал Лепеннон, — я познакомился с этим человеком, с Раджем Любовом. Мне почти не пришлось с ним разговаривать, но я помню его слова, а с тех пор я прочёл то, что он писал про вас, про атшиян. *Его работу*, как сказали вы. И теперь Атши закрыта для колонизации во многом благодаря этой его работе. А освобождение Атши, по-моему, было для Любова целью жизни. И вы, его друг, убедитесь, что смерть не помешала ему достигнуть этой цели, не помешала завершить избранный им путь.

Селвер сидел неподвижно. Неловкость перешла в *страх*. Сидящий перед ним говорил, как *Великий Сновидец*. И он ничего не ответил.

— Я хотел бы спросить вас об одной вещи, Селвер. Если этот вопрос вас не оскорбит. Он будет последним...²²⁰ Людей убивали: в Лагере Смита, потом здесь, в Эшсене, и, наконец, в лагере на Новой Яве, где Дэвидсон устроил мятеж. И всё. С тех пор ничего подобного не случилось...²²¹ Это правда? Убийств больше не было?

— Я не убивал Дэвидсона.

— Это не имеет значения, — сказал Лепеннон, не поняв ответа.

Селвер имел в виду, что Дэвидсон жив, но Лепеннон решил, будто он сказал, что Дэвидсона убил не он, а кто-то другой. Значит, и ловцы способны ошибаться. Селвер почувствовал облегчение и не стал его поправлять.

— Значит, убийств больше не было?

— Нет. Спросите *у них*, — ответил Селвер, кивнув в сторону полковника и Госсе.

— Я имел в виду — *у вас*. Атшияне не убивали атшиян?²²²

Селвер ничего не ответил. Он поглядел на Лепеннона, на странное лицо, белое, как маска Духа Ясеня, и под его взглядом оно изменилось.

— Иногда появляется бог, — сказал Селвер. — Он приносит новый способ делать что-то или что-то новое, что можно сделать. Новый способ *пения* или новый способ *смерти*. Он проносит это по мосту между явью снов и явью мира, и когда он это сделает, это сделано. Нельзя

220 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

221 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

222 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь одного персонажа завершилась и начинается ответная реакция другого. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

взять то, что существует в мире, и отнести его назад в сновидение, запретить в сновидении с помощью стен и притворства. Что есть, то есть уже навеки. И теперь нет смысла притворяться, что мы не знаем, как убивать друг друга.

Лепеннон положил длинные пальцы на руку Селвера так быстро и ласково, что Селвер принял это, словно к нему прикоснулся не чужой. По ним скользили и скользили золотистые тени листьев ясеня.

— Но вы не должны притворяться, будто у вас есть причины убивать друг друга. *Для убийства не может быть причин*, — сказал Лепеннон, и лицо у него было таким же тревожным и грустным, как у Любова. — Мы улетим. Через два дня. Мы улетим все. Навсегда. И леса Атши станут такими, какими были прежде.

Любов вышел из теней в сознании Селвера и сказал: «*Я буду здесь*».

— Любав будет здесь, — сказал Селвер. — И Дэвидсон будет здесь. Они оба. Может быть, когда я умру, люди снова станут такими, какими были до того, как я родился, и до того, как прилетели вы. Но вряд ли.

© Урсула Кроубер Ле Гуин

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1.....	6
Глава 2.....	20
Глава 3.....	34
Глава 4.....	49
Глава 5.....	56
Глава 6.....	71
Глава 7.....	86
Глава 8.....	100

ИНФОРМАЦИЯ О КНИГЕ:

Hainish

«Слово для леса и мира — одно» Урсула Кроубер Ле Гуин / Ursula
Kroeber Le Guin

© Ursula Kroeber Le Guin/Урсула Кроубер Ле Гуин

edit: Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus

Авторство документа:	Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus
Редакция и оформление:	05-10.10.2017
Время редактирования:	08:05:00
Количество сохранений:	88

Общее количество страниц:	106
Общее количество абзацев:	1090
Общее количество слов:	39502
Общее количество символов:	247131

Copyright © by Ursula Kroeber Le Guin

Copyright © 05-10.10.2017 by Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus

Hainish